

Сэругито Якусору (せるぎと約反る)
«Девушка с короткой стрижкой»
«Квадрат с острыми углами»

Иллюстрации: Freia

Содержание

Пролог	2
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	75
Глава 8	84
Глава 9	91
Глава 10	99
Глава 11	108
Заключение	113

Пролог

Менять старшую школу после года обучения – верх бессмысленности и глупости, но моего отца можно понять. В его корпорации не каждый день открывают представительство в другой префектуре, и предлагают его возглавить. Разумеется, он согласился и потащил с собой всю семью – маму, меня и коротышку брата.

Именно поэтому, вместо законного отдыха после экзаменов на коротких весенних каникулах, я таскал и раскладывал по новой квартире вещи и бегал по новой школе, сдавая документы и получая форму, наравне с будущими первоклашками. За несколько дней я подробно изучил дорогу и потому в первый день первого триместра достаточно бодро бежал на занятия: сначала до станции, две остановки на поезде и уже оттуда – пешком, шурясь от непривычного запаха близкого моря, на холм, где и располагалась моя новая старшая школа Рюкай.

Благодаря ежегодной перетасовке классов, я сравнительно легко затерялся было в толпе новоприбывших во 2-Б, получил заветное второе место на третьем ряду, но тут всё испортил наш классный руководитель Атто-сэнсей. Он радостно выволок меня из-за парты и поставил на кафедру.

- А это наш новичок. Представься, пожалуйста.

Можно подумать, что только я один. Тем не менее, я послушно изобразил своё имя на доске и широко улыбнулся:

- Сэру Хироки. Перевелся из старшей школы Рёкусай. Мой отец получил здесь работу и потому я теперь в вашей школе, - поклон, аплодисменты.

- Садись, Сэру-кун.

Потом был типичный день начала учебного года. Участие в церемонии встречи первоклассников, на которой большинство старшеклассников благодарно спали. Выборы старосты класса – ею стала некая Юдан Макото-сан – высокая красавица с волосами до пояса, как я понял, она и в прошлом году занимала эту должность, и прочих представителей ученического самоуправления. Меня минула чаша сия, чему я, собственно, был несказанно рад.

Пошли первые уроки, и я понял, каково это – школа у побережья. Только апрель, а уже достаточно жарко. А ещё здесь в июне тоже льют бесконечные дожди. Тоска, а не погода. Вполуха слушая распинаящегося Атто-сэнсэя, я быстро скользнул глазами по сидящим впереди. Почти одинаковые спины в одинаковых сине-серых пиджаках, у девушек – без ворота, у парней – блейзеры, и волосы различной длины.

Похитившая мою пуговицу в средней школе осталась в старом городе и слёзно обещала звонить и писать, но я как-то не особо в это верил. Подростковая влюбленность, а уж тем более, если она под вопросом, быстро проходит, а потому следует присмотреться и к здешним девушкам. Старшая

школа бывает только раз в жизни, а значит, нужно пользоваться ей по максимуму.

С колоколом наступила большая перемена, где я, наконец, позволил себе вытянуться и расстегнуть пиджак. В моей старой школе форма была классической – костюмы гакуран и матроски. В подобную погоду, я её проклинал. Здесь – более неформальные открытые пиджаки с гербом школы на кармане, в которых дышалось несоизмеримо легче.

Не успел я распаковать свой бэнто, как ко мне подошла Юдан-сан. Глянула сверху вниз и тряхнула бантом:

- Сэру-кун, в какие кружки и клубы ты ходил в своей старой школе?

Да ни в какие. Не видел смысла. Учеба мне и так плохо давалась, и потому приходилось без конца заниматься, чтобы родители не пилили меня за бесцельную трату их денег. Но говорить всё это незнакомой девушке было как-то неправильно. Потому, привстав с места – невежливо сидеть, когда разговариваешь с такой красавицей – я ответил иначе:

- Да как-то не сложилось, Юдан-сан. Может здесь есть что выбрать? Хочу пройтись после уроков.

Наверняка она всё поняла, как и то, что никуда я идти не собираюсь. Однако виду не подала:

- Отлично. У меня остается время до заседания ученического совета, потому я охотно тебе всё покажу, - после чего премило улыбнувшись, удалилась.

Во, напросился. Нужно будет что-нибудь придумать и удрать пораньше.

- Ели ты подумываешь улизнуть от неё – то это пустая затея, - на переднюю парту подсел лохматый парень с подбитым глазом.

Несмотря на немного неряшливый внешний вид – кончик галстука в кармане рубашки, а пиджак на одном плече – он прямо-таки светился добродушием. Ну, послушаем, что ты скажешь.

- Я Асакава, Хаянэ. Второй год с ней здесь и три – в средней школе. Она ничего не забывает и ничего не прощает. Если попытаешься от неё уйти – пожалеешь.

- Да, ладно, чем плохо побродить по школе в компании с такой девушкой?

- Это верно, - Асакава мечтательно взглянул на обедающую старосту, - вообще, она что надо, если только не перечить ей. Слушай, - вдруг обернулся он ко мне, на ходу меняя тему, - я пообедаю здесь с тобой? А то я смотрю, ты один пока.

Вот как. Это он значит, меня от одиночества спасает.

- Что с глазом? – поглощая рис, поинтересовался я.

- Я занимался бейсболом на каникулах, - охотно отозвался Асакава, - Ну, как занимался... Сходил на тренировку. Там и пропустил один мяч.

Видимо, не один. Я сочувственно покивал.

Вообще класс мне пока нравился. Двадцать пять парней и девушек – все выбрали гуманитарное направление. На первый взгляд, простые в общении, не заносчивые, дружелюбные. Девушки – красивые, а некоторые, не без лести к себе, замечу, посматривали на меня. Или на моего соседа по обеду?

Позади меня сидела ещё одна, невысокая и очень энергичная. Она сейчас что-то тараторила по телефону, то и дело вставляя английские слова и делая огромные глаза.

Асакава тоже без конца о чем-то трепался, сначала о себе, затем по очереди обо всех одноклассниках и я с какой-то радостью дождался звона колокола – конец перемены.

Как и обещала, староста дождалась меня после уроков и уборки класса и повела по школе.

- Часть клубов находится на четвертом этаже, часть – в новом крыле школы, - рассказывала она, а я кивал и смотрел по сторонам.

Половину всего увиденного, я уже видел на каникулах. Отсюда же – выводил заплутавшую будущую первоклассницу, которая в поисках медкабинета забрела, куда не следует. Смешно как-то получилось. Когда я на неё наткнулся, она, тихо всхлипывая, сидела в углу и готовилась, видимо, реветь в голос. Интересно, поступила она сюда или нет?

Мы остановились у первой двери четвертого, клубного этажа. Простенькая такая дверь.

- Поскольку все мы выбрали гуманитарное направление, то тебя может заинтересовать литературный клуб?

Литературный? Что-то не нравится мне это...

- Ты уже выбрал университет, куда будешь поступать после школы? – заглянула мне в лицо Юдан-сан.

- Угу. Осака. Только не я, а мои родители, - за дверью было тихо и это давало шанс, - наверное, я попробую. Не возражаете, Юдан-сан?

Староста немедленно расцвела и широким жестом распахнула дверь в абсолютно пустой кабинет.

- Тогда, добро пожаловать!

Глава 1

Как впоследствии я понял, это была классическая западня. С первого класса Юдан-сан одна мучилась в литклубе, поскольку больше никто не хотел в него вступать, и теперь она попросту заманила сюда меня. Но пути назад не было. Вернее, я просто не решился отступить. Эх, может вскоре она сама меня выгонит?

- Ладно, здесь можешь звать меня по имени, - редакторский стол у окна, два грустных ноутбука на книжной полке, длинный стеллаж со стопками бумаг, МФУ в углу, штатив и перевязанные стопки книг вдоль стен. Староста быстро прошлась по комнате и всучила мне ключ, - теперь ты здесь второй человек, а в моё отсутствие – первый.

И единственный. Велика честь. А всё-таки, что мне здесь делать?

- Мы выпускаем еженедельную газету. Правда в последнее время новостей не так много и потому, я планирую преобразовать её в двухнедельную. Тираж – сто экземпляров, четыре страницы по три полосы. Мини-типография – в подвале школы. Тебе повезло – идешь на всё готовое.

А разве в литклубе не книги читают?

- Ещё чего, - фыркнула Макото-сан, - ладно, ты обживайся, а я на ученический совет, - и умчалась.

Напросился? Разгребай.

Я прошелся по комнате, выглянул в окно, достал с полки ноутбук, включил его, наткнулся на страшные программы для верстки и поспешно выключил. Неужели всё это всерьёз? А что ж сюда Асакава не пошел, если он такой её поклонник?

Дома мама начала было расспрашивать меня о школе, но заметив, что ответы односложны, перестала. Лениво поужинав, я позанимался немного в своей комнате, но не удержался и завалился спать.

На следующее утро судьба отблагодарила меня за терпимость. По дороге в школу меня догнала одна из одноклассниц – та самая соседка с телефоном, чуть ниже меня ростом, бойкая и смешливая.

- Сэру-кун! - едва не запрыгнула она на меня.

- Ох, - я мучительно задумался, вспоминая, как зовут одноклассницу, но она, заметив моё затруднение, расплылась в улыбке:

- Харуна. Харуна Ютами, - надо же, настоящее женское имя. Мне сразу вспомнилась староста.

- Доброе утро, Харуна-сан.

- Можно просто, Ютами, Сэру-кун, - она невольно размахивала сумкой и телефоном, видимо, привыкла жестикулировать.

- Хорошо, Ютами-сан. Тогда и ты можешь звать меня по имени.

Она опять расхохоталась.

- Кстати, ты вчера уходил из класса со старостой? А знаешь, что Асакава в неё влюблен? А она его знать не хочет. Он со средней школы по ней вздыхает...

Если влюблен – мало вздыхать. Нужно ещё и делать что-то...

Потом Ютами спросила меня о моём старом городе, куда я собираюсь поступать и почему. Я честно отвечал.

Да, с такой собеседницей подъем на школьный холм был почти не в тягость.

На большой перемене ко мне опять подошла староста.

- Сегодня у нас много работы. Сейчас наша задача завлечь первоклассников, поэтому, вот тебе рекламки нашего клуба и отправляйся по первому этажу.

Со вздохом я убрал бэнто, сгреб буклеты и побрел из класса. Застривший на полпути Асакава проводил меня грустными глазами и вернулся на своё место.

Первоклассников на местах было не много – оно и понятно, все нормальные сейчас либо в буфете, либо на воздухе. Тем не менее, я честно прошел по всем классам, в каждом задержался и громко прорекламентировал наш клуб. Редким желающим раздал буклеты и торопливо свалил обратно.

А почему бы по-человечески не заняться этим после уроков?

- Уже вернулся? – встретила меня староста.

- Угу, - отозвался я. – Там нет почти никого. Сейчас же обед.

Поглощал свой бэнто я в режиме скорого поезда, под бесконечное хихиканье Ютами с задней парты, но к звонку не успел. Потому доедать пришлось после занятий уже в клубной комнате. Макото-сан быстро стучала по клавишам ноутбука, то и дело сурово косясь в мою сторону и что-то бормоча вполголоса. Я надеялся, что она проговаривает слова для статьи, а не рычит на меня.

Затем раздался осторожный стук в дверь.

- Да! – выкрикнула из-за компьютера староста, а я, едва не подавившись, начал судорожно искать, куда бы спрятать коробку.

Дверь открылась и нашему взору предстала очаровательная школьница. Зелёный бантик первоклассницы и сумка в руках.

- Здравствуйте, - образцово поклонилась она. – Я хочу вступить в клуб.

Её звали Мацури Ханako. Студентка класса 1-А. Невысокая, короткая мальчишеская прическа, удивительно большие выразительные глаза. Пока староста её допрашивала и заставляла заполнять бланк о вступлении, я просто разглядывал это создание и вдруг понял, что мы знакомы. Это её,

заплаканную, я выводил из тупика четвертого этажа на каникулах. Значит поступила.

Наверное, она меня не узнала, хотя прошло-то всего несколько дней. В любом случае, она так ни разу не глянула в мою сторону, без конца кивая на слова старосты. В итоге её определили под моё начало – как-никак, в отсутствии старосты, я первый человек в клубе – подносить бумагу, искать материалы для статей, и описывать для обзоров новые книги из библиотеки. После чего староста как всегда умчалась по своим делам, и мы остались вдвоём.

В комнате повисла неловкая тишина. Я сделал вид, что занят программой для верстки, а гостя так и сидела на своем месте, смотря прямо перед собой в пустоту и, кажется, даже не моргая.

- Сэру-сэмпай, - шевельнулась, наконец, Мацури, - извините, но у меня не было времени отблагодарить вас раньше, - она встала и снова поклонилась, - Благодарю вас за помощь.

Значит узнала.

- Всё в порядке, - улыбнулся я. Следом посветлело и лицо Мацури.

Видимо Ютами жила где-то на полпути до школы, во всяком случае, утром она опять попала мне по дороге. Приветственно помахала ладошкой и просто сияя дружелюбием подбежала ко мне.

- Яххо, Хироки-кун. Вчера опять трудился во славу старосты?

- Не то слово, Ютами-сан, - притворно вздохнул я. Отличная она всё-таки девушка!

- Может, будем обедать вместе? – вдруг предложила она, - я смотрю, твой бэнто не очень разнообразен.

Ну, да, мама его делает в последнюю очередь. Я уж подумывал или начать готовить самому – только это будет выглядеть ещё хуже, – или начать питаться в буфете – но это за пару недель съест и весь мой жалкий бюджет.

- Спасибо, Ютами-сан, - галантно поклонился я, - Буду ждать.

- Хироки-кун, а что ты делаешь на выходных?

Я едва не спотыкнулся. Вот как, прямо в лоб?

- Пока не знаю, завтра скажу точнее, - неужели и искать не пришлось?

- Эй, я не на свидание тебя зову, - вдруг нахмурилась Ютами. Никак правильно распознала мой взгляд.

Пришлось рассеянно улыбнуться и продолжить путь. Странно, что обычно задорная Харуна вдруг притихла.

У классного кабинета ждал новый сюрприз. У дверей меня с поклоном встретила Мацури. Ютами равнодушно скользнула по ней взглядом и прошла мимо. Мне же пришлось задержаться.

- Доброе утро, Сэру-сэмпай. Мне звонила Юдан-сэмпай и велела сообщить вам о распорядке работы клуба на сегодня.

А сама она, что не может? В одном классе никак учимся.

- Юдан-сэмпай сегодня не будет, а номера вашего телефона у неё нет,
- Мацури достала аккуратный блокнот и быстро зачитала план.

Я покивал для приличия – всё равно, без старосты работа встанет – и, ловя на себе удивленные или завистливые взгляды проходящих мимо нас одноклассников, отпустил свою кохай.

На уроке староста, как и ожидалось, не появилась, но Атто-сэнсей не удивился, видимо, знал о причине отсутствия.

- Завел себе первоклассницу, Сэру? – разумеется, первым не удержался Асакава. Едва усевшись на переднюю парту во время обеда, он ухмыльнулся.

- Не болтай, - отозвался я.

Она просто сотрудница литклуба и принесла инструкции старосты. Ютами до сих пор отмалчивалась и просто отвернулась к двери. Эй, а как же пообедать вместе?

- Угу, - покивал Асакава, - кстати, в субботу наш класс собирается в кафе, что бы отметить начало учебного года. Тебя уже предупредили?

Уж не об этом говорила Ютами? Но как бы то ни было, прийти нужно. Не хочется противопоставлять себя классу.

Неожиданно лицо Асакавы изменилось. Он, забыв проглотить, не отрываясь смотрел за мою спину. Обернувшись, я обнаружил недовольную Харуну.

- Что-то случилось, Ютами-сан? – чувствуя, что всё это неспроста, спросил я.

- Тут тебя спрашивают, Хироки-кун. Утренняя первогодка...

Мацури, как и утром, стояла у двери, не решаясь заглянуть. Ну, что на этот раз?

- Сэру-сэмпай, нам пора.

Куда ещё?

- Вы забыли? В распорядке указано, - она снова выудила свой блокнот.

Во, вляпался... нужно было всё-таки слушать. Выслушав с умным видом очередное перечисление заданий, я поплелся следом за кохай, проклиная себя, Мацури и старосту.

Отдых не наступил и после уроков. Опять, «Сэру-сэмпай, нам пора...» под сдавленный смешок Асакавы, и куча дел. Мацури уже притащила из библиотеки с два десятка новых книг, уложила их на редакторский стол, затем подала мне чай и ноутбук. Хорошо хоть включить не решилась. Вообще, что-то уж она слишком буквально восприняла этот инструктаж. Заправив бумагой МФУ, девушка села напротив меня и замерла. Что, батарейки сели?

- Кажется, я сделала всё, что требовалось, - она заглянула в свой блокнотик, - нет, ещё осталось.

О, точно, полить цветы. Эй, Мацури, ты что, уборщица нашего клуба? Или подсобный рабочий? Садись и изучай компьютер и программы для верстки или учись писать статьи или читай. Зачем ты пришла в литклуб, как не для этого?

Она немного виновато улыбнулась.

- Теперь осталась ваша работа, Сэру-сэмпай.

Ну да, моя. Осталась. И ещё много...

Пока я сканировал обложки книг и обрабатывал их в редакторе, просматривал оригинал-макет новой газеты и пытался осилить программу для верстки, Мацури так и сидела, сложив руки и смотря прямо перед собой. Лишь когда я с грехом пополам закончил свою часть работы, она оживилась.

- Сэру-сэмпай, вы давно здесь живете? – спросила она, снова разогревая чай.

Да не зови ты меня так. Хотя бы здесь, в клубе.

- Нет, недели две всего.

- Жалко, - вздохнула она. – У меня не было времени здесь всё осмотреть – я ведь тоже приехала только в марте. Мама сказала, что из выпускников Старшей школы Рюкай значителен процент поступивших в университеты. Она хочет, чтобы я и поступала здесь, но сама я пока не решила.

Ничего, впереди ещё три года, успеешь выбрать.

- Сэмпай, - заметив мой взгляд, она поправилась, - Сэру-сан, если мы оба новенькие в этом городе, может, посмотрим его вместе? В выходные?

Опять «не-свидание»? Я торопливо поставил чашку с чаем на стол. Внимательно посмотрел на Мацури, словно стараясь прочесть её мысли. Щечки девушки зарумянились, и она опустила глаза. Нет, не выходит...

- Можно, - вздохнул я смирившись, - но только с утра, хорошо? Я позвоню тебе, давай свой номер.

- Да! - с улыбкой кивнула она.

На это утро я проспал, а потому наскоро позавтракал, ухватив весьма странный сыр с кухонного стола, и вместо Харуны мне у подножия школьного холма встретилась староста. Юдан-сан выпорхнула из салона огромного представительского лимузина, послав водителю воздушный поцелуй, и остановилась, поджидая меня.

- Доброе утро, Сэру-кун, - поприветствовала она, - Ну, как вчера, справились с работой?

Ни слова о причине отсутствия. И выглядит вроде как обычно. Вместе мы начали подниматься по извилистой дороге к школе.

- Всё в порядке, Юдан-сан, - кивнул я, - Мацури-кохай мне хорошо помогала.

- Вот и отлично, - Макото немного помолчала, рассматривая дорогу под ногами, и вдруг повернулась ко мне:

- Я сначала не очень ей доверяла. Не привыкла, что кто-то сам приходит в мой клуб. Но если у неё всё получается, значит пусть остается.

От старосты я узнал, что в клуб не просто никто не приходил. Мало-помалу из него удирали даже те, кто попадал сюда обманом, как я. Эй, Макото, а ничего, что я это слушаю?

- Да, неважно, - вздохнула староста, - даже если и ты уйдешь, то думаю, она-то останется. Хотя...

Тут она смерила меня странным взглядом, но так ничего и не сказала.

В холле школы, возле шкафчиков со сменкой, нас ждала наша кохай.

- Доброе утро, Юдан-сэмпай, Сэру-сэмпай, - поклонилась она. – Есть задания на сегодня?

Посвятить весь день нашим прихотям? Чего это с ней? Однако староста, как ни в чем не бывало, дала несколько указаний и, переобувшись, удалилась. Мацури повернулась ко мне:

- Ваши задания, Сэру-сэмпай?

Помоги мне донести сумку до класса. Ты это серьезно?

- У меня ничего. Иди и учись, Мацури. Иначе тебя выгонят из школы, и ты нам больше не сможешь помогать, - ух, я прямо горжусь собой за такую сознательность.

Поклон, и кохай побежала исполнять поручения старосты. Нет, что-то тут не то. Хотя, наверное, так во всех клубах принято. Мне-то повезло, я в первом классе пропустил подобные развлечения.

В классе я первым делом наткнулся на недовольную физиономию Харуны и только потом на счастливую – Асакавы.

- Привет, Ютами-сан. Ты когда пришла? – я бросил свою сумку на парту и плюхнулся на стул.

- Неважно, - кисло ответила Ютами, - кто эта первоклассница?

Обиделась за вчерашнее?

- Кохай из клуба. Мацури. Ей Юдан-сан поручает разную работу. Ну, а вчера она была чем-то вроде записной книжки.

Морщинки на лице Ютами разгладились и её лицо посветлело.

- Узнаю старосту, - кивнула она, - а тебя она завела, видимо, вместо печатной машинки.

Я вспомнил своё вчерашнее пальцеломство и подумал, что Харуна, наверное, права.

- Сегодня опять не будешь обедать?

Вот оно что! Я слышал, что некоторые девушки обижаются, если парень отказывается пробовать их стряпню, может всё дело в этом?

- Нет, сегодня пообедаю. А иначе так и умереть недолго, - и словно в ответ желудок как-то неприятно сжался и булькнул. Что такое?

Во время уроков я ощущал на своей спине пронзительный взгляд Харуны и чувствовал, как сводит живот. Неужели сыр утром попался испорченный?

Едва зазвенел колокол перерыва и Атто-сэнсей удалился, передо мной возникла Харуна с аккуратной коробочкой.

- Это твоё. Приятного аппетита.

Ну, зачем так громко это говорить?

Отказаться было нельзя. Съесть – тем более. За время уроков мой живот свело окончательно, и теперь даже запах еды вызывал жуткую тошноту. Ну, пути назад нет...

На обед сегодня были – рис с травами, овощи и квадратные роллы сикаимаки. Наверное, вкусно до одури. Ютами стояла рядом и следила за моими движениями. Я разломил палочки и ухватил один ролл. Поднес ко рту, надкусил...

Скорее всего, я поставил новый мировой рекорд, но до туалета успел. Некоторое время мой организм избавлялся от остатков испорченной пищи и злорадно наказывал своего хозяина за жадность и неосмотрительность. Затем, умывшись и устало прополоскав рот, я просто сел на пол, думая о том, каково сейчас Ютами. Весь класс видел, что она вручила мне бэнто. Как и то, что я стремглав выскочил из класса после первого же куска. Вот ужас-то. Бедная девушка. Нужно будет всё объяснить.

Ютами в классе не было. Асакава осторожно осведомился о моем самочувствии и предложил сходить к медикам. Я не стал оказываться.

Медсестра напичкала меня какими-то таблетками, продержала в кабинете час, а затем велела отправляться домой. Спорить я и не собирался.

На следующий день Ютами в школе не появилась. Во время перерыва я осторожно спросил старосту насчет Харуны, но Юдан-сан просто пожала плечами, но не забыла отчитать меня за вчерашний прогул – подходил срок сдачи номера.

- Может, заболела? – предположил Асакава.

А вот я почувствовал, что без участия моей персоны здесь не обошлось и виной всему вчерашнее недоразумение. Есть мне было нечего, но жутко хотелось, поскольку ужин я пропустил по болезни, а завтрак – от злости к себе. Потому, я лениво побродил по школе и от нечего делать забрел в литклуб.

Я, конечно, всё понимаю, но, то что Мацури и в обеденный перерыв здесь сидит, для меня было удивительно. Кохай быстро стучала на ноутбуке, отбивая прообраз будущего обзора о книжных новинках школьной библиотеки. На столе рядом была открытая коробочка с бэнто. В животе заурчало так громко, что Мацури испуганно выглянула из-за экрана.

- Добрый день, сэмпай, - облегченно улыбнулась она, - Как ваше здоровье?

Намного лучше. И было бы ещё, если бы ты спрятала свой обед...

- Вы не голодны, Сэру-сан?

Я и сам не заметил, как оказался усажен за стол, с палочками и аппетитно пахнущим рисом с соусом карри и салатом в руках. Торопливо запихивая в себя чужой обед, я невнятно промычал:

- Мацури, можно тебя спросить?

- Да, сэмпай?

Черт, да зови ты меня по имени! Ведь Макото здесь нет.

- В общем, если бы из-за тебя твоя знакомая не пришла в школу, что бы ты сделала?

- Я? – задумалась Мацури, - Сходила бы к ней домой, проверила, что и как. Быть может, она просто заболела...

Я вскочил. Точно! Ну почему мне это в голову не пришло?!

- Ты умница! - я подхватил Мацури на руки и закружил по комнате. – Огромное спасибо!

Оставив кохай недоуменно стоять посреди кабинета, я бросился вон, на ходу доставая телефон:

- Алло, Асакава? Ты знаешь, где живет Харуна? Тогда позови того, кто знает! Пусть надиктует. И ещё, прикрой меня, я уже не появлюсь. Да, с Юдан-сан я сам разберусь!..

Сбежав с холма, я поймал такси и отбарабанил адрес. Теперь можно не беспокоиться, что заблужусь в малознакомом месте.

Трехкомнатная малогабаритная квартира. И комнаты в шесть татами. Типичная такая для маленькой семьи. Маленькой? Неожиданно я подумал, что понятия не имею о семье Харуны. И замер у двери с номером 24. К черту, раз уж пришел, надо действовать.

Певучая трель звонка явственно слышалась из-за двери. Затем щелкнул замок и дверь распахнулась. На пороге возникла женщина с грустными глазами в традиционной одежде.

- Извините, пожалуйста, – я отвесил стандартно-вежливый поклон, - Я Сэру Хироки, одноклассник Харуны Ютами-сан, она здесь живет?

- Да, проходите, пожалуйста, - женщина отошла в сторону, пропуская меня.

- Спасибо за приглашение.

Сбросив ботинки, я осторожно вошел. Ну, как и думал – три комнатухи, с миниатюрной кухней, и традиционной для такой тесноты мебелью – шкафами, бюро, полками и т. п., и сразу ощущается господство женщины. Может отец Ютами с ними не живет?

- Кто там, мама? – послышался недовольный голос, и передо мной появилась сама Ютами.

- Яххо, - поднял ладонь я.

- Ох..., - замешкалась девушка и стремительно покраснела.
А может её мама не в курсе, что дочь прогуливает? Во, вляпался...
- Проходи, пожалуйста.

Комната у Ютами была меньше моей. Стол с компьютером, шкаф для одежды и футона и традиционный столик.

- Садись.

Я послушно уселся за стол и поджал ноги. Ютами села напротив.

- Ютами-сан, - начал я и запутался. Как, что вообще говорить? Зачем я сюда пришел? Зачем сорвался из школы?

- Ютами-сан, как ты себя чувствуешь? – Блин, что за глупость я несу!!!

- Ютами-сан, я уверен, что ты замечательно готовишь, и вчерашний обед был очень вкусным, но...

Ну, получилось так. Всё из-за того, что я проспал и схватил первое, что попало под руку. Ну, кто же знал, что мама, думая, что я уже убежал, начнет выкладывать пропавшие продукты, чтобы их выбросить... И только в школе я понял, что отравился... Ну, совпало всё. Хочешь, я прямо сейчас съем все, что ты приготовишь? (Достаточно нахальное заявление для человека уже обкравшего Мацури на её обед...). Ты только улыбайся, не будь такой мрачной и грустной, у тебя такая замечательная улыбка...

Наверное, я умею убеждать. Или, как вариант, Ютами очень добрая и не может сердиться вечно. Или, как ещё один вариант, она и не сердилась совсем, а только чуть грустила, а в школу не пошла из-за легкой простуды...

В любом случае, я накормленный и вполне счастливый уходил домой с приятным воспоминанием – улыбкой Ютами.

В субботу утром я встал рано, хотя привык обычно поваляться подольше – никак у меня сегодня целых два «не-свидания». Для начала – Мацури. Легкая прогулка, в качестве благодарности за важный совет, по интересным местам города, в программе обязательное посещение побережья, магазинов и городского парка: посидеть на скамейке, поесть мороженное, поболтать. Далее – вечеринка с одноклассниками, а главное с Ютами. После вчерашнего, она будет рада меня видеть, ну, надеюсь на это, хотя с Харуной, в отличие от Мацури, которая на меня смотрит как щенок на хозяина, будет несколько сложнее.

Мы встретились на станции недалеко от школы и решили сразу пойти в местную достопримечательность – парк Рикю. Сегодня было прохладно и Мацури надела курточку – о какой прогулке по пляжу могла идти речь? Другое дело – парк.

Здесь, среди фонтанов, цветочных террас и могучих деревьев, она ощущала себя словно в родной стихии. С сияющими глазами Ханako то и дело подбегала к садам роз и ириса, осторожно трогала лепестки, показывая

их мне и что-то без умолку рассказывая. Казалось, она знает всё о каждом цветке. В ботаническом саду, среди гортензий и пионов девушка долгое время вообще не могла сдвинуться с места, просто вдыхая аромат цветов.

- Не зря у тебя такое имя, - заметил я, с улыбкой наблюдая за восхищенной Мацури.

- Я родилась 7 апреля, накануне Фестиваля цветов. Потому меня так и называли, я думаю, - улыбнулась мне Ханако и поднялась, - Цветы всегда мне нравились.

О, точно. Хана Мацури, 8 апреля. Можно было и догадаться.

Пообедали мы здесь же в парке. На мягкой лужайке, недалеко от аллеи фонтанов, мы грелись на солнышке, закусывая принесенными Мацури бутербродами и зеленым чаем.

После парка мы как-то сами собой попали именно на пляж.

Сидя на волнорезе причала и обдуваемые ветром, мы с кохай смотрели в сизую даль Внутреннего моря, где темнели острова, из-за мыса выглядывала арка огромного моста Акаши-Кайко, а на волнах покачивались рыбачьи лодки.

- Сэмпай, вам нравится та девушка, которая вчера не пришла в школу? – произнесла Мацури не поворачивая головы. Её короткие волосы шевелил ветер.

- С чего ты взяла?

- Я думаю, вы не стали бы просто так беспокоиться о малознакомом человеке.

Если бы ты не пришла в школу, я тоже забеспокоился бы. Да и Макото – наверняка.

- Но не настолько, что поспешили бы ко мне домой, верно?

Верно, Хана-тян, черт, именно всё так. Но зачем тебе знать об этом?

- Вы мой идеал, сэмпай, - лицо Мацури заблестело, но непонятно, то ли это оседали брызги волн, а может, появились слёзы?

- Я уважаю вас, благодарна вам. Наверное, это глупость с моей стороны, но когда вы нашли меня и помогли мне, я..., - она запнулась и глянула на меня испуганно, словно проговорила о чем-то важном и личном. Да, наверное, так и было.

Хана-тян, не смотри ты на меня так, я ведь не глупый, всё понимаю. Ты влюбилась в доброго, благородного парня, который выручил тебя в трудную минуту, верно? А теперь не знаешь что делать, ведь ему, возможно, нравится другая? Не всё так просто, моя застенчивая кохай. Ютами мне интересна и очень даже вероятно, что я буду с ней встречаться... Но...

Когда это ещё будет... А тебя я не хочу обманывать...

Неожиданно Мацури поднялась.

- Мне пора, Хироки-сан, - улыбнулась она. Значит, не забыла, что я разрешил звать себя по имени! - да и у вас, наверное, другие дела есть.

Да? Спасибо тебе, Ханако, за понимание.

Пришли, конечно, не все. Но и полутора десятка человек в маленькой зале школьного кафе было достаточно. Староста и здесь командовала кому куда садиться. Я хотел было усесться рядом с лучезарно улыбающейся Ютами, но Макото железной рукой усадила меня рядом с собой. Пришлось подчиниться, но я в душе надеялся поменяться вскоре местами с Асакавой.

Наверное, было весело. В моей старой школе такого, во всяком случае, не было. Съев всё что можно, коллектив разбрелся кто куда. Мы впятером – я, Асакава, Макото, Ютами и примкнувший к нам парень, которого я видел впервые в жизни (кажется, он какой-то знакомый Юдан, она фамильярно звала его Мотоки-кун) потащились в караоке-бар, где драли горло ещё пару часов, затем снова посидели в кафе, с благословения старосты пустив по кругу вино, и наконец разбились на пары. Я остался с Ютами, а Асакава и неизвестный Мотоки увели нетрезвую Макото домой.

Мы вернулись на пляж, где несколькими часами ранее сидели с Ханако. Солнце уже садилось, окрашивая небо и окрестные облака в оранжевый цвет, а я думал, что нужно что-то сказать. Однако слов так и не находилось и в итоге говорила одна Ютами. Выпитое спиртное мешало отвечать вразумительно, отчего девушка то и дело заливалась звонким смехом, а мне становилось тепло и приятно, словно я намеренно её рассмешил.

- Хироки-кун, у тебя в старом городе осталась девушка? – опершись на перила и смотря в воду, спросила Харуна.

- Да, - пожал плечами я, - но с момента моего приезда сюда она ещё ни разу не позвонила.

- А ты сам? Неужели не пытался? – смерила она меня странно задумчивым взглядом и отвернулась. Что за допрос?

А зачем, Ютами-сан? Туда я больше не вернусь, увидеться мы не сможем... Зачем пытаться?

- Ты жесток, Хироки-кун, - не оборачиваясь проговорила Ютами.

- Я прагматичен, Ютами-сан, - улыбнулся я.

- Я пошла домой, - вдруг объявила Ютами и, развернувшись на каблуках, зашагала к остановке. – Не провожай, я вызову такси.

Я что-то не то сказал? Она и вправду села в подъехавшую машину и исчезла. Я устало опустился на скамейку. Во, вляпался. Поговорили, называется. Или она так отыгралась за четверг? Но я же извинился...

- Добрый вечер, Хироки-сан.

Передо мной стояла Ханако. Улыбка на лице, волнующиеся на ветру короткие волосы, ясный взгляд.

А ты здесь откуда? Неужели следила за мной?

- Просто хотелось посмотреть на неё. Она и вправду красивая, Хироки-сан. Только она... Слишком эгоистичная, - обычно мягкое и добродушное лицо Ханako стало жестким.

Эй, ты чего? Не говори такого о незнакомых тебе людях...

- Мы и вправду незнакомы, Хироки-сан, - отозвалась Мацури, - Но она меня уже невзлюбила. Не вижу необходимости игнорировать этого.

Да что это? Никогда тебя такой не видел. Откуда в тебе эта злость, Хана-тян?

Мацури вместо ответа просто упала в мои объятия и прижалась щекой к груди. Сердце заколотилось от её напора и я инстинктивно поддался назад. Эй, полегче, Ханako... Не нужно так...

А она просто плакала. Её крошечные плечи вздрагивали в такт всхлипываниям, а кулачки стискивали мою спину.

Сколько мы так стояли? Час или пять минут? Я потерял счет времени. А потом мы просто молча шли под звездным небом по сырому песку пляжа, вдыхая чистый океанский бриз и едва касаясь руками. И время потеряло своё значение...

Домой я вернулся поздно. Однако моё счастливое пребывание в блаженстве сновидений было самым варварским образом прервано телефонным звонком. Не открывая глаз, и не имея сил даже ругаться, я нащупал трубку и положил её на ухо.

- Да...

- Сэру! – от этого голоса я тут же вскочил и сел прямо.

- Ты что ещё дома? Уже одиннадцатый час! А ну, бегом в клуб!!! У нас сдача номера завтра!!! – она и вправду что-то такое вчера говорила?

Насчет одиннадцатого часа Юдан, конечно, слегка преувеличила – всего-то девять пятьдесят. Вялый и голодный – после выпитого вчера меня слегка подташнивало, и жутко болела голова – я добрался до школы. Приоткрыв дверь, я заглянул в литклуб и так и замер на пороге, любясь открывшейся мне картиной – Макото и Ханako со скоростью профессиональных машинисток стучали по клавишам ноутбуков. Я даже восхитился своими коллегами – не в каждом клубе такие есть.

- Доброе утро, - помахал рукой я и брякнулся на стул с явным намерением снова задремать.

Ханako, тихонько улыбнулась и взмахнула ладошкой – я тут же вспомнил её тепло. Макото-сан сердито глянула на меня из-за экрана и молча указала на стопку оригинал-макетов. Понятно, нужно вычитывать тексты и

править, а затем вносить исправления и снова распечатывать... Сплошная морока. И почему она выглядит так, словно вчера ничего не было?

- Я сейчас приготовлю вам чай, сэмпай.

Разумеется, это Ханакотян, само сострадание, заметила моё состояние и поспешила помочь. Между прочим, и перед Макото тоже чашка с кофе стоит.

Юдан сжалась над нами далеко после полудня и разрешила, наконец, пообедать. Я о бэнто утром и не подумал и приготовился уже бежать в ближайший магазин за ramen, но Ханакото достала из сумки два аккуратных свертка.

- Это вам, сэмпай, - протянула она мне один, - надеюсь, вам понравится...

Макото, которая о своем обеде не забыла, смерила нас странным взглядом, хмыкнула и снова вернулась к задумчивому пережевыванию.

Готовила Мацури просто превосходно, впрочем, это я понял ещё и в первый раз. Стыдно признавать, но её рис был даже вкуснее приготовленного Ютами.

Обед слегка затянулся и, в конце концов, Юдан разогнала нас по домам, оставшись одна, чтобы закончить правку и отправку оригинал-макетов в типографию. Я её жалел, но грех не воспользоваться случаем и не устроить очередное «не-свидание» с Мацури.

Ханакото и не отказывалась. Мы снова побродили по городу, заскочили в развлекательный центр, потом опять посидели на пляже.

Домой я снова попал только к ужину. Маму, конечно, удивило, что я где-то пропадал все выходные, но здраво рассудив, что, наверное, я хорошо вписался в коллектив, решила не расспрашивать. Чему я был несказанно рад.

Свалившись в своей комнате на диван, я некоторое время просто размышлял.

Ханакото и Ютами. Младшеклассница и ровесница. И та и другая меня уже дважды покормили, с обеими я дважды встречался на «не-свидании». Самое смешное, что тут даже не дается выбор. С одной в последний раз возникла некоторая проблема, а со второй проблем пока нет.

А кто из них мне самому нужнее? Интереснее? Приятнее? А черт его знает. Ведь, по правде говоря, я ни про одну из них ничего не знаю. Ну, кроме места жительства Ютами.

Мои тревожные размышления неожиданно прервала звонкая сирена будильника. Вот те раз, я что заснул?

На моё счастье, по пути в школу мне так никто и не попался. Зато уже в холле, пока я балансировал на одной ноге пытаюсь переобуться, меня сзади обхватили чьи-то крепкие руки.

- Держись, а то упадешь!

Ютами, если бы не ты, я точно никогда бы не свалился! А так, от неожиданности, я потерял равновесие и врезался плечом в шкафчик. Грохнуло громко.

- Ну, извини, - как кукла без конца кивала головой, изображая виноватые поклоны, тараторила Харуна, - я ведь не думала...

- Ты чего развалился здесь, Сэру-кун? – строго спросила проходящая мимо староста, - и, кстати, в обеденный перерыв доделаешь то, что бросил вчера.

Вот как?! А я ещё жалел её, что она осталась одна работать. Выходит, так ничего и не сделано?

- И Ханako-тян, скажи. Будете отрабатывать свою вчерашнюю прогулку.

Ютами, изменилась в лице. Она перестала кланяться и, надменно подняв голову, ушла. Прямо принцесса в печали...

В классе, Харуна демонстративно отворачивалась. Ну и ладно, сама виновата. В принципе, твои психозы из-за ревности, мне только помогают определиться с выбором. Так и есть, стану встречаться с Ханako.

Повинуясь приказу старосты, в обеденный перерыв, я подмигнул Асакаве и небрежно направился в клубную комнату. Бэнтю я с собой не брал, зачем? Ведь в комнате нашего литклуба меня ждет очаровательная Ханako, с её не менее очаровательным обедом на двоих. Там, я неторопливо пообедаю и выполню до конца свои обязанности редактора и корректора.

Так и получилось – периодически ухватывая палочками рис и салат, я вычитывал макеты и слушал замечательный голос Ханako, вслух проговаривающей строчки для своего обзора. И чувствовал, что большего для счастья мне и не надо.

Работа была завершена до окончания перемены. Макото-сан придирчиво пересмотрела оригинал-макеты и лично отнесла их в типографию.

А мы получили новое задание.

Глава 2

После занятий Юдан-сан рассказала нам о новом задании более подробно. По сути, мне и Ханako требовалось написать по рассказу для нашей газеты.

- От «Золотой недели» и до каникул практически не будет новостей, но заполнять полосы чем-то нужно. Ну, а мы ведь литературный клуб? Вот и будем печатать ваши опусы. Учитесь. Литературу для ознакомления я могу предоставить. Размер новелл не ограничен, если нужно, я найду и художника хорошего. Значит так, набросать до «Золотой недели» по паре глав, дальше до каникул публиковать главы по мере написания. Остальную газету я беру на себя.

Написать ранобэ? О таком я раньше никогда и не думал. Я и читал-то подобное через раз, только от скуки, предпочитая обычные книги или мангу, на художной конец.

Да и что писать? За свои семнадцать лет, я как-то ни разу не ловил себя на мысли, что хотел бы что-то оставить потомкам на бумаге. Вот о чем бы ты хотела написать, Ханako-тян?

- О том, что интересно девушкам моего возраста, - пожалала плечами Ханako, её щеки зарумянились, - грустная история о безответной любви.

Прямо история из жизни... И ведь напишет, да так, что школьницы рыдать будут. Думаю, она и не такое сможет.

- Тогда я напишу сёнэн-версию...

- И не вздумай! - рявкнула Юдан-сан и я замолк. Минуту обдумывал и снова выпалил:

- Тогда про обычного школьника в одиночку спасающего мир...

- Нет! – снова обрушила полет моего сознания староста, - Твоя задача м-м-м... описать действия обычных людей в необычной ситуации.

Вот как? А Ханako значит, творить, о чем вздумается, а мне такие узкие рамки? Ну, хорошо, Макото-сан, хотя гаремная история мне и ближе, буду писать про это, как там? Действия обычных людей в необычной ситуации? А это ещё как? Загнать наш класс на необитаемый остров и заставить выживать там месяц? Что-то такое уже, кажется, было...

- Только не вздумайте отлынивать, - пригрозила староста, - увижу, что ничего не делаете, заставлю ещё и версткой заниматься, - быстро же она поняла мой главный страх!

Ханako осторожно коснулась своими пальцами моей ладони.

- Я вам помогу, Сэру-сэмпай, - улыбнулась она.

Макото-сан перевела взгляд с меня на Мацури и обратно.

- Быстро вы поладили, я смотрю. Но и, тем не менее, за работу.

Значит, ранобэ? Дома я специально нашел пару новелл и просмотрел их. Стилль легкий, как в комиксах, но иллюстраций мизер, видимо это удел

тех авторов, кто не может позволить себе настоящую мангу. Впрочем, у меня именно такая цель.

Как там сказано? Действия обычных людей в необычной ситуации? Я уселся за компьютер и набил первое слово, разумеется, автора – себя. А как дальше? Нужна не простая идея или сюжет, нужен и смысл, который я хочу донести до людей, *послание*, как говорят на Западе.

Значит, будем отталкиваться от начальной идеи. 25 школьников на острове. Оружия нет, взрослых – нет. Или, наоборот, есть, но они далеко и до них нужно добраться... Нет, ещё лучше – взрослые и есть враги. И от них нужно прятаться. Выживать. Питаясь подножным кормом, учась чувствовать угрозу, доверию товарищам, себе самому... Вот и послание – не забывайте кто вы на самом деле, сила скрыта в каждом (ага, опять про школьника спасающего мир в одиночку!), тогда, только сообща вы можете что-то сделать!

Но станут ли такое читать? Значит нужно сразу бросить читателя в гущу событий. Не описывать долго и нудно как школьники попали на остров, а сразу начать с третьего дня, когда враг известен, роли расписаны и каждый знает, на что он способен. К началу вернемся потом, когда интрига иссякнет, перед последним боем, когда у героев будет время для сентиментальных воспоминаний и слёз о прошлом. Писать лучше от третьего лица – не придется заморачиваться о разработке сложного внутреннего мира персонажей – всё можно показать через их поступки и слова...

Так и будет. Вот и первая глава:

«Мертвая скала»

... Весна припозднилась. Во всяком случае, за три дня на этом проклятом острове, Сэру так и не увидел по-настоящему теплого денька. Хотя, возможно здесь это из-за окружавшего землю со всех сторон океана.

Сэру поправил свою сумку. Это его ключ к спасению – в ней лежит оружие – недавно добытый армейский нож – и продовольствие. Сейчас, когда вечерний сумрак окутывает остров, можно добраться до Укрытия, где прячутся остальные. Уцелевшие... Сколько дней прошло, сколько смертей позади...

Их вырезали днем, когда обезумевшие от ужаса школьники табуном носились по острову в поисках спасения. Их убивали ночами, когда они, одурев от страха и усталости, забивались в норы, отрезая себе единственный выход. Их расстреливали на расстоянии, когда они мучимые голодом и жаждой выбирались на дикие поля в поисках ягод и капель росы. Из 27 школьников свою третью ночь здесь встречали только 11.

Большинство пали в первые часы, но уцелевшие быстро научились выживать – не верить тишине, никогда не возвращаться старой дорогой, никогда не бросать своих. И главное – быть безжалостным и жестоким.

Взрослых, начавших эту расправу, тоже можно убить, и это было среди правил Игры.

Вздروгнули кусты впереди, и Сэру насторожено присел, вцепившись в клинок. Но это была Ханako – одна из них, прикрывавшая парня, пока тот выискивал еду в заброшенном рыбацьем доме. В руках девушки была просто бамбуковая палка, но в бою и она могла стать страшным оружием.

- Идем, - взвесив в руке сумку, проговорил Сэру.

Девушка просияла и устремилась следом за ним, осторожно ступая по камням.

Россыпь звезд над ними указывала дорогу к Укрытию...

Значит, вот так. Я ещё раз перечитал главу, подправил несколько имен, но всё равно остался доволен. Глянул на часы – далеко за полночь и, отключив технику, завалился спать...

- Неплохо, - оценила главу староста и искоса взглянула на меня, - значит, решил описать наш класс? Уверен, что сможешь достойно продолжить?

Наверняка в её голове вертелся другой вопрос – а убьют ли, в конце концов, её саму?

- Попробую, - честно ответил я.

Интересно, а о чем пишет Ханako? Может, о замухрышке-младшей сестре, которая тайно влюблена в парня старшей? Или о любви бедной девушки к богатому и знаменитому музыканту? А может, она просто опишет свои чувства ко мне, как если бы я стал встречаться с Ютами? Бр-р, просто мороз по коже от такого. Ладно, на перемене спрошу у неё.

«Дождь»

...Он смотрел вслед удаляющейся девушке и думал, что это к лучшему. Так думают все, оказавшиеся в подобной ситуации. Успокаивают себя, подбадривают. Неужели все было настолько плохо, что расставание кажется благом?! Да не будет уже так же хорошо! Никогда!

Он отвернулся и подставил мокрое от слез лицо ветру. На губах еще остался привкус этой малодушной влаги. Он нетерпеливо дернул губами и смахнул рукавом остатки слез. Хватит. Надо идти дальше...

- И что это? – не совсем понял я.

- Это только начало, - застенчиво улыбнулась Ханako, - дальше будет интереснее, я думаю.

А о чем вообще речь? Грустно и пессимистично всё. Если ты решила вести повествование с конца, то мало кто захочет такое читать дальше, зная, чем всё дело кончится. Или я ошибаюсь?

- Нет-нет, - замахала руками Ханako, - я постараюсь закончить новеллу хорошо, так, что все будут счастливы, иначе девушки такое не станут читать...

Ну да, сёдзэ-манга тоже обычно имеет хэппи-энд. Видимо, Ханako, как и я, опиралась на что-то уже существующее.

- Я бы так не сказала, - пробормотала Ханako, - Но, наверное, ты всё-таки прав, Хироки-сан, - ага, старосты нет, и ты опять решила назвать меня по имени? - Вполне возможно, что я подсознательно использую сюжет, однажды прочитанной или увиденной мною.

Она опять улыбнулась.

- А ты тоже уже что-то написал? Можно прочесть?

Неожиданно мне показалось, что вводить в свою ранобэ главных персонажей с нашими именами было не совсем правильно. Вернее, совсем неправильно. Что такое? Я смущен?

- Вот, это то, что набросал я. Не суди строго, пожалуйста...

За время чтения Ханako менялась в лице трижды. Я примерно представлял, на каких именно фрагментах – я ввел их исключительно ради фан-сервиса, но вот девушке от этого явно было не по себе. Наконец, она отложила рукопись и прикрыла глаза. Щеки её горели, а дыхание было беспокойным. Наверняка и я выглядел не лучше, по крайней мере, ощущал себя именно так.

Дверь открылась и в кабинет литклуба вошла Макото-сан. Смерила нас подозрительным взглядом.

- Ханako-тян, у тебя лицо красное, - очень бесцеремонно заметила она, - Никак этот извращенец Сэру приставать к тебе вздумал?

Что?! Я едва не задохнулся. Да как ты могла о таком подумать, староста?

- Вполне логично, - ухмыльнулась Юдан-сан.

Черт, да она дразнит меня!

- Не говорите такого, Юдан-сэмпей, - пролепетала ещё более покрасневшая Ханako, - Сэру-сэмпей очень обходительный молодой человек и он никогда не позволит себе лишнего в отношении девушки...

- А откуда тебе знать? Ты читала, что он там себе напридумывал про тебя?...

Во вляпался... Эй, староста, ведь это ты и заставила нас этим заниматься!

Макото-сан ухмыльнулась во весь рот.

- Да, ладно. Всё равно я вас уже раскусила, парочка. Ну, хорошо, что вы хоть ещё пытаетесь скрывать ваши отношения, а не на виду у всех. А ты, Сэру-кун, молодец, - подмигнула она мне, - Неделю всего проучился и завел себе подружку?

Просто камень с души, староста. Разве можно так шутить? Стоп. Парочка?

Ханако быстро посмотрела на меня и опустила глаза в пол. Какая же она прелесть, когда смущается!

После занятий Макото-сан снова раздала нам задания и разогнала по домам. Ханако быстро поклонилась и умчалась, а я был вынужден задержаться – у ворот меня остановил пронзительный взгляд Ютами-сан.

- Ты сегодня не занимаешься в своей секции? – кашлянул я.

- ..., - кивнула Харуна, так и не решившись что-либо произнести.

Некоторое время мы, молча, спускались со школьного холма. Где она живет, я знал, а потому с сожалением понимал, что идти вот так плечом к плечу нам ещё ой как долго.

И чего она хочет? Просто пройти вот так рядом? Может за ней кто-то следит, и она боится возвращаться домой одна? Или поспорила с кем-то, что пойдет сегодня от школы именно со мной? Ну, что за девчонка! То её не заткнешь, а то и клещами слова не вытянешь!

- Ты о чем-то хотела поговорить, Ютами-сан? - не удержался я на десятой минуте нашего немого марша.

Харуна молча смерила меня взглядом и отвернулась. Остановилась и, бросив сумку, уперлась руками на перила тротуара, разглядывая дымку океана далеко впереди. Я посмотрел туда же.

- Хироки-кун, - еле слышно проговорила девушка.

- Хироки-кун, тебе нравится эта первоклассница?

Опять... Ну почему они задают одни и те же вопросы, а? Неужели в японском языке так мало нормальных слов, что обязательно нужно повторяться?

- Да, - пожал плечами я, - она умная, красивая, добрая, хорошо готовит..., - глаза Ютами сверкнули так яростно, что я поспешил завершить перечисление положительных качеств Ханако и умолк. Снова посмотрел на океан.

И в голове у меня сама собой родилась совершенно безумная сцена...

... - Эй! – негромкий возглас привлек внимание Сэру.

Это была Ютами. Мятая и грязная форма, измученное лицо. Кажется, она была среди дозорных той ночью, имела пистолет и видимо потому осталась в живых.

- Оставайся здесь, - предупредил Сэру Ханако, а сам вышел навстречу Ютами-сан.

Ему не нравилось, что Харуна так и не вышла на дорогу и оставалась в подлеске. Только стояла в полный рост и неловко помахивала рукой.

И вдруг словно вылетела навстречу парню, сбив его с ног, а за её спиной вырос громадина в камуфляже. «Она подставила нас! – ужалила мысль, - подманила и предала!»

Пуля пробила сумку и вонзилась в дерево, с треском оторвав кору и крепко застряв в древесине. Коротко ойкнула Ютами-сан.

- Эй...

- Берегись, Хироки-кун! – выкрикнула Ханako.

Она успела заметить то, что упустил Сэру – короткий ствол бесшумного пистолета в руке здоровяка в пятнистой униформе. С размаху отразив предплечьем удар Мацури, он выставил оружие на Хироки и ещё раз нажал на курок. За мгновения секунды, пока из черного ствола вырывалось сизое облачко дыма, и тупоконечная пуля преодолела расстояние между ним и парнем, в голове Сэру как вихрь пронеслись мгновения его короткой семнадцатилетней жизни – первые оценки в младшей школе, первый заработок, первый поцелуй...

На руки парню, выплюнув красный сгусток, упала Ютами. Что?!

Взвизгнула Ханako, вонзив обломок своей палки в бок противника. Тот задохнулся и упал на колени, выронив оружие. Недоуменно посмотрел на Сэру, а затем перевел взгляд на Мацури стискивающую окровавленную деревяшку как катану.

- Что?... – невнятно проговорил он.

Сэру рванул из ножен кинжал и ударил здоровяка в грудь – по самую рукоять вогнав клинок в податливую плоть. Затем повернулся к распростертой на грязной земле Ютами.

- Что же ты...

- Хироки-кун, тебе нравится эта первоклассница?.. – выдохнула Харуна и слабо улыбнулась, - А как же я?...

Теперь у них обоих было настоящее оружие. Но теперь они могли доверять только друг другу.

«Хироки-кун, тебе нравится эта первоклассница?»...

- Эй, - требовательно проговорила Ютами-сан, - Ты заснул тут, Хироки-кун?

Вовсе нет, Харуна-сан. Просто ты подала мне замечательную идею. Черт, если бы не Ханako, я бы, наверное, расцеловал тебя прямо здесь... Хотя, нет, это плохая мысль. Развернувшись, я со всех ног бросился домой, оставив недоуменную и раздраженную девушку. Эпизод столь настойчиво просился из моей головы на бумагу, что я несколько раз был на грани смерти из-за своей спешки.

Главное не забыть...

Работа над новеллой настолько поглотила меня, что оставшееся время до «Золотой недели» пролетело, словно пара часов за увлекательной игрой. Разумеется, я исправно ходил на занятия в школу и по возможности прилежно учился. В воскресенье, я в обязательном порядке встречался с Ханako, и мы весело проводили вместе время, но... Каждую минуту мой мозг

был занят ранобэ. Он просчитывал ситуации, преобразовывал поступающую информацию и отображал её на внутреннем дисплее в виде удобоваримого текста. Теперь я знал что писать. Каждый день одноклассники, сами того не зная, подкидывали мне очередные идеи для новеллы. Я уже знал, как будут вести себя на острове и погибнут почти все парни и девушки из моего класса, даже неизвестный Мотоки из класса 2-С, виденный мною всего пару раз, но благородно введенный в ранобэ. Каждое их слово, каждый их жест я обращал себе на пользу, благодаря чему новелла набирала красок и просто бурлила эмоциями и натуральностью. На её страницах кипели предательства и глупый героизм, пафос и отчаяние. Асакава мужественно сражался и попадал в плен, две стервозные, как оказалось, подружки Нагара-сан и Михара-сан, убивали друг друга из-за пистолета, а Мотоки оказывался глупо застрелен, при попытке отвлечь внимание от тихони Осамы-сан. Мало-помалу близился финал.

Однако староста упрямо придерживала публикацию моего ранобэ, выпуская малыми толиками грустную новеллу Ханako и невзрачные рецепты школьного кулинарного кружка. Возможно причина была в том, что она до сих пор не находила в новелле себя. О, она даже не представляла, когда она там появится и что это будет!

Но с другой стороны была реальная опасность, что когда ранобэ будет завершено, староста просто откажется его публиковать по этическим соображениям. Или личным.

Ютами-сан, после неудавшегося разговора, просто перестала со мной общаться, но я каждый день чувствовал на своей спине её горящий взгляд, и это почти заставляло меня сжиться с моим загнанным персонажем, за которым всегда следят и которого всегда преследуют.

В последний день учебы, после накручивания старостой на продолжение работы на каникулах, мы с Ханako брели домой вместе. Спускаясь со школьного холма, она то и дело с кем-то сосредоточенно переписывалась. Наконец, убрав телефон, девушка произнесла:

- Ну вот, на каникулы я уезжаю домой. Мама сказала, что хочет меня познакомить с друзьями отца.

Только тут я сообразил, о чем речь. погоди, ты хочешь сказать, что живешь здесь одна?

- Да. Мне сняли квартиру в одну комнату. Половину оплачивают родители, половину – я сама...

А... а деньги откуда?

- Я работаю, - снова застенчиво опустила глаза Ханako, - Юдан-сэмпай помогла мне устроиться помощником корректора в редакцию городской газеты. Я работаю на дому и только иногда прихожу в офис.

Вот значит, как... Неожиданно я почувствовал себя жутко неудобно. Почти в восемнадцать лет сидеть на шее у родителей, когда вот такие

первогодки уже работают и живут самостоятельно... Эх, нужно что-то делать.

- Хочешь зайти ко мне? – неожиданно спросила Ханako.

- А... можно? – тупо поинтересовался я. Было б нельзя – не приглашали!!!

- Меня не будет все каникулы, и мы не сможем видеться, - легкий румянец начал заливать щеки девушки, - я хочу угостить тебя ужином, пока есть такая возможность...

Угу, романтический ужин при свечах? Прямо как в западных мелодрамах. Видимо, Ханako всерьез решила за меня взяться. Не хочу тебя расстраивать, но я пока сам не определился в своих чувствах. Наши отношения в новелле – это одно, а вот в жизни – совсем другое. И, кроме того, на задней парте сидит девчонка, которую я никак не могу выкинуть из головы.

Наверное, вся проблема в том, что после памятного и скомканного объяснения при первом «не-свидании», мы больше ни разу об этом не заговаривали, да и главные слова «люблю тебя» так и не прозвучали. Мы просто общались как очень хорошие знакомые, вместе обедали, проводили время в выходные. Но и всё. Добрые друзья, да?

Понять Ханako можно. Она, как девушка, хочет ясности, решить, наконец, останусь я с ней или же я рядом пока это мне удобно. Она боится, что стоит появиться чему-либо более заманчивому, и я тут же её оставляю. Признаюсь, я, зная свой импульсивный июньский характер, и сам этого опасуюсь. Ведь, той, что осталась в моём старом городе, я тоже обещал, что не забуду её. Оказалось, что забыл и быстрее чем за месяц.

Квартира Ханako была меньше моей комнаты, но при этом более аккуратна и симпатична. Пара шкафов, книжная полка, столик, письменный стол с компьютером... А телевизора нет? Спит она наверняка на полу, миниатюрная кухня у двери, напротив душ. И вокруг цветы. Ну, да, совсем по ней. Мило.

- Садись, - указала Ханako на подушки у столика, а сама, набросив передник, занялась ужином.

Поскольку телевизора так и не обнаружилось, пришлось просмотреть стоящие на полке книги. Несколько переводов западных изданий, сборники стихов «Сто стихотворений, ста поэтов» и хайка Ёса Бусон (выходит, она поэзию любит!), разумеется, томики манги и ранобэ. В некоторых книгах я заметил закладки – видимо любимые места, поскольку такая аккуратистка как Мацури никогда не начнет читать новую книгу, не дочитав прежнюю. Как же мало я о ней знаю. А она обо мне разве больше? Быть может эта недосказанность и неизвестность и притягивает нас?

Постепенно к звяканью посуды и стуку ножа добавился и чарующий аромат. Я потянул носом воздух – кажется не просто рисовые колобки, а ещё

и сашими из лосося. И наверняка, любимые ею салат из морской капусты и омлет. Не дорого и вкусно. Интересно, а продукты она купила заранее?

Из вежливости я пару раз спросил, не нужно ли помочь, и получил приказ заняться сервировкой.

Ещё полчаса и столик был украшен потрясающе пахнувшей едой.

Ханако, как полагается, сидела напротив, подобрала ноги, и я впервые подумал как хорошо, наверное, она будет смотреться в традиционной одежде – юката или фуригодэ. И короткие волосы не помеха. Ну, если повезет, летом увижу.

- Принимаю еду, - поклонилась мне Ханако, и я торопливо повторил традиционную фразу.

Наверное, мы впервые ели как семья. Быть может, именно это и хотела показать мне Мацури. За одним столом, вместе приготовленное (хотя моя помощь чисто номинальная), лицом друг к другу. Легкая трапезная беседа.

Думаю, что нам следовало хоть иногда так ужинать. И дело не в эгоистичном намерении набить желудок за чужой счет. Просто именно в этой домашней атмосфере появляется некое чувство благодарности и ответственности.

- Было очень вкусно, - отложив пустую кружку из-под чая поклонился я.

Ханако ещё смотрела на меня, видимо ожидая продолжения, но я решительно встал.

- Уходишь?

- Извини, но, наверное, уже пора. Да и тебе лишние неприятности не нужны, верно?

Торопливо надев обувь, я повернулся к Мацури.

- Большое спасибо, Хана-тян. Хорошо тебе провести «Золотую неделю»...

Она подступила вплотную, отчего я впечатался спиной в закрытую дверь и оторопело почувствовал прикосновение её горячих губ. На втором поцелуе, я стиснул её спину и подумал, что не хочу уходить. После третьего она отстранилась сама.

- Ну, иди..., - пробормотала Ханако, - я не хочу тебя задерживать... Просто... просто хотелось попробовать, каково это...

И уже закрывая дверь, я услышал тихий как шелест шепот:

- Я люблю тебя...

... Сэру устал. Бесконечная гонка со временем, карабканья по крутым утесам и ночевки в узких щелях, полуголодное существование – всё это ужасно выматывало. Хотелось просто бросить всё и спуститься к пляжу, где сесть на горячий песок и спокойно погибнуть от выстрела в затылок. Или самому прекратить всё это, нажав на спусковой крючок пистолета.

Но рядом всегда находилась Ханако – маленькая, отважная и бесконечно надежная спутница. Она никогда не бросит его и наверняка последует за ним даже на верную смерть, и лишь осознание этого удерживало парня от малодушных поступков. Она не должна погибнуть. Она именно та, кто должен остаться в живых, и ради этого Сэру был готов убивать. Не ради себя – ради Мацури.

Возможно, виной этому было то, что сюда она попала именно из-за него.

Сэру посмотрел на Ханако. Девушка перешнуровывала кроссовки, но почувствовав его взгляд, подняла голову и неловко улыбнулась. Словно хотела сказать – «Извини, ну вот такая я». Прилив нежности окутал парня.

- Иди сюда, - он подал ей руку и помог взобраться на дерево.

Вот уже две ночи, опасаясь преследователей, они старались проводить на деревьях. Взрослые, разгромившие Укрытие и взбешенные смертью нескольких из них, гнали детей уже трое суток. Они не знали, что стало с остальными, теми чьи тела Сэру не нашел в Укрытии, не видели и не слышали больше никого, кроме Ютами, Нагары и Михары.

- Как ты? - негромко спросил Сэру.

- Я в порядке, - кивнула Ханако.

- Думаю, ещё пару дней мы продержимся. А там – кто знает...

Ханако опустила голову. Она наверняка чувствовала весь груз ответственности на Сэру, и понимала, что сама и является причиной этого. Но одна она не продержалась бы и часа и скорее всего, оказалась бы в числе павших в первые минуты Игры. Она была благодарна парню, за то, что тот опекал её все эти дни бесконечного ужаса. Но теперь она уже не хотела быть обузой.

- Я мешаю тебе, да?

- Нисколько, - отозвался Сэру, - скорее наоборот...

- Смеёшься?..

- Да нет, - улыбнулся парень, - Эй, Ханако...

Внезапно, он привлек девушку к себе и осторожно коснулся своими губами её губ. Мацури замерла, её сердце бешено заколотилось, но, как и полагается в таких ситуациях, она закрыла глаза.

Отстранившись, Сэру негромко проговорил:

- Я люблю тебя, Ханако. Не хочу погибнуть, так и не сказав это.

- Я тоже тебя люблю, Хироки-кун...

И снова широкая листва закрыла двух влюбленных в момент поцелуя – момент их наибольшей уязвимости...

Дома, я сразу отправился в комнату, якобы спать. Ну, так сказал родителям. На самом деле, я включил компьютер и почти до полуночи шлифовал новеллу, добавляя новые эпизоды, полируя диалоги и описания. Почему-то мне не хотелось заканчивать ранобэ, словно с последним словом

оборвется и часть моей жизни, прекратится и то чувство, что выросло из общения с Ханako, обедов вместе с ней и воскресных прогулок. Словно существовало оно только в сухих строчках иероглифов, и не было сегодняшнего поцелуя, на несколько часов опередившего текстовый...

На следующий день Ханako уехала. Об этом она сообщила мне вечером коротким сообщением на телефон. А в конце письма примостилась маленькое сердечко, словно приписка, означающая... Я знал, что это означало и этого мне стало не по себе.

Тем не менее, я снова пожелал ей хорошо отдохнуть на каникулах. А сам вернулся к ранобэ. Думаю, пора завершать. Пора вводить в новеллу старосту. Пора ставить последнюю точку.

...Выстрелов больше не было слышно, и потому Сэру осторожно двинулся вперед. Мацури, сжимая в ладошках свой пистолет, шагнула следом. По ступенькам они спустились в бункер. Тишина, хотя снаружи бушует гроза, только негромкое жужжание вентиляторов компьютеров. Полумрак, слабо освещенный отблесками мониторов и дрожащим светом единственной лампы.

И тут снова грохнул выстрел.

Пуля вонзилась в бок Ханako, и девушка тихо охнув, осела на пол. Сэру бросился к ней, но впереди мелькнула чья-то фигура, и парень выбросил вперед руку с пистолетом, левой – зажимая рану на теле Мацури. Из полумрака штабной комнаты вышла...

- Староста?.. – опешил Сэру. Ханako слабо застонала, и парень ещё сильнее стиснул рану на её боку, стараясь удержать поток крови, однако пистолет не опустил.

- Удивлен, Сэру-кун? – проговорила Юдан-сан. Она прошла по комнате вдоль тускло светящихся забрызганных кровью мониторов и убитых (ею?) операторов. – Вижу, что удивлен. Хочешь узнать, почему я это делаю? Считай, это твой приз, за то, что остался в живых и смог дойти сюда.

Девушка, продолжая играть своим маленьким пистолетом, села в кресло. Опрятная, и красивая, в отличие от усталого парня в грязной и порванной форме. Ну да, она исчезла на второй день Игры – не видела разгрома Укрытия, не ощущала крови одноклассников на своих руках, не стелилась по грязи под снайперским огнем...

- Этот мир прогнил до основания, - заговорила Юдан-сан и голос её, обычно твердый и уверенный, задрожал от плохо сдерживаемой ярости, - Общество больно и уже очень давно. Наркотики, оболванивание со страниц газет и журналов, с экрана телевизора, Интернет – всё это ведет к деградации общества. Подавляющее число японцев работают сверхурочно, ежегодно от переработки умирает, и это только по официальным подсчетам, не менее 500 человек. По неофициальным же данным их число

превышает 10 тысяч человек! Миллионы хикикомори во всей Японии, сотни самоубийств в месяц – мы вырождаемся! Люди перестают общаться лично, перестают чувствовать ответственность за свои поступки и друг за друга! Поэтому была придумана Игра, поэтому, чтобы заставить держаться друг друга, и было решено поместить школьников в условия прямой угрозы жизни, где выжить можно только вместе! Это не просто Игра – это главный в нашей жизни Урок!

Ханако открыла глаза и закашлялась. С уголка её губ потянулась струйка крови.

- Зачем ты тогда выстрелила? – Сэру, приподнял девушку, чтобы та не захлебнулась кровью, - Почему? По правилам, мы двое должны были выиграть!

- Нет, Сэру-кун, - хищно оскалилась Юдан-сан и лицо её в миг преобразилось – из миловидного став омерзительным, - Победить в Игре должны были мы с тобой. Ты и я. Не она. Её вообще не должно было здесь быть!

Да, впилась в сердце подлая мысль, не должно... Она поехала ради него, ... как и Мотоки – ради старости...

- Это не общество больное, а ты, - холодно проговорил Сэру, - Это ты никогда не думала о других... И сейчас тоже.

Палец его дрогнул на спусковом крючке, и пуля вонзилась девушке в грудь. Юдан-сан покачнулась, выронила свое оружие, недоуменно коснулась раны, и расплывающемуся по белоснежной сорочке кровавому пятну и упала на колени. Прислонилась спиной к креслу и хрипло задышала. Смерть никак не хотела забирать ее, и девушка роняла слёзы, не имея сил даже молить прекратить её мучения...

Сэру, больше не обращая на неё внимания, занялся раной Ханако.

Рассвет они встречали на берегу. Сэру, держал Мацури на руках и смотрел на приближающийся белый катер.

А чрево острова скрывало тела своих жертв... 25 школьников и 15 взрослых.

Где-то там, в листве навсегда замер задорный смех Ютами-сан, а её последний вопрос так и остался без ответа...

«Хироки-кун, тебе нравится эта первоклассница?»...

На берегу, обнявшись, остались Мотоки-кун и Осама-сан – совершенно незнакомые, но сделавшие немало друг для друга.

«Я жил... ради... тебя...»

В бункере, ещё дымящемся после взрыва, так и не сдался Асакава.

«Эх, и наемся же я, когда мы вернемся...»

А в штабной комнате, навсегда осталась сидеть неумолимая и правильная Юдан-сан.

«Победить в Игре должны были мы с тобой. Ты и я.»

Нет здесь победителей, думал Сэру. И не может быть. Игра завершилась через пять дней, но результат её был ясен с самого начала.

Человека не изменить силой. Только он сам может заставить себя стать другим. Но награда за это – гибель остальных...

Дописав слово «Конец», я задумался. «Золотая неделя», заполненная только работой над новеллой пролетела незаметно – ещё один день и снова нужно идти в школу. Я перечитал последние страницы. Почему-то, мне стало жаль книжную Юдан-сан, и в тоже время, боязно за себя самого в реальности. Что она скажет послезавтра в школе, когда прочитает ранобэ полностью, от начала и до конца, а не спутанные главы? Как она отнесется к собственной роли во всём этом? Не решит ли она, что я не справился, не начнет ли исправлять, или того хуже не выбросит ли весь текст, как бессмысленный и вредный?

Я поежился. Вздрогнул телефон – пришло сообщение.

Ханако... тепло стало разливаться по всему телу. Я торопливо открыл сообщение. Как всегда, краткий рассказ о прошедшем дне – «Ходили в парк, удить рыбу. Папа поймал, я нет. Вечером мама сделала кури кинтон. Я скучаю. Приеду завтра». И маленькое сердечко в конце. Я знал, что это значит. Но пока не был готов ответить тем же...

Выходит, что книжная Юдан-сан права – мы боимся ответственности?

Ханако позвонила на следующий день и сообщила, что вернулась. Её голос был смущен, и в её словах мне послышалась просьба встретиться. Разумеется, я сам предложил это. Тем более, я хотел, чтобы Ханако первой прочитала ранобэ – её мнение мне было важнее того что скажет староста.

Мы встретились на нашем любимом месте, на берегу. Ханако опять сидела на волнорезе и за её спиной у пирса покачивались частные лодочки и яхты.

- Яххо, Хана-тян, - помахал ладонью я.

Девушка поднялась, но вот взгляд её стал испуганным. В принципе, если подумать, то после нашего семейного ужина и поцелуя, и уж тем более её неожиданного признания, мы больше не виделись. Теперь она боится на меня смотреть? Тогда как мне поступить? Сделать вид, что не услышал или не понял? Глупо...

- Ты изменилась.

- Да? – Мацури, снова опустила глаза, - Наверное. Хироки-кун, - вдруг сменила тему она, - мне признались в любви...

Вот как? Чувство, подозрительно похожее на ревность, вдруг ужалило и стиснуло сердце. Кто? Когда?

- Его зовут Хабаяши-сан, - Ханako снова села и теперь не отрываясь, смотрела в морскую даль, словно там было что-то необыкновенно важное, - Он сын одного из знакомых папы. Учится на первом курсе в университете. Мы и раньше встречались, он иногда помогал мне в средней школе. Пока я гостила дома, он приходил каждый день... А сегодня утром, перед моим отъездом – признался. Сказал, что на летних каникулах поговорит с моими родителями... Говорит, согласен ждать, пока я окончу школу..., - я не сразу понял, что Мацури глотает слёзы.

Эй, да что с тобой? Я присел рядом и положил руки ей на плечи. Ханako тут же ухватила мою ладонь и стиснула её, словно боясь упустить.

- Ты должна ценить это, - осторожно начал я, - Тебе оказали внимание...

- Ты помнишь, что я сказала тебе, Хироки-кун? – прервала меня Ханako.

Да. Отлично помню... Но пока я не могу это повторить, даже в мыслях. Книжный Сэру, это говорил. Но говорил – книжной Мацури. Я живой этого произнести не могу. Не потому что трудно или стесняюсь. Просто эти два слова наваливают такой груз ответственности, который вынести очень тяжело. И я боюсь, что не удержусь... Ханako, не заставляй меня тебе лгать!

- Что ты ему ответила? – что-то сказать было нужно. Хотя бы это...

- Ты помнишь, что я сказала тебе? – повторила Ханako, - Что я ещё могла ему ответить, Хироки-кун?

Не знаю... Но, догадываюсь.

Ханako глубоко вздохнула и вытерла глаза. Повернулась ко мне и улыбнулась.

- Что ты принес?

Ах, да, совсем забыл. Я повертел конверт с распечаткой в руках.

- Это моя новелла. Я закончил писать. Прочитаешь?

- Да, - кивнула она.

- Принеси завтра в школу...

Наверное, она хотела опять пригласить меня к себе домой. Угостить, а на прощание поцеловать и снова сказать те самые слова... Но только не сегодня. Сейчас моя голова забита самыми разными мыслями и потому, мне лучше вернуться домой и всё обдумать там. Извини, Хана-тян...

Весь вечер я маялся не находя себе места. Домашняя работа была сделана, ранобэ дописано, провести время с Ханako я сам отказался. Теперь мне было нечего делать.

Зажужжал телефон. Сообщение. От Ханako? *«Я прочтала. Я всё поняла. Но я не знаю, что ещё сказать. Это сложная книга, её могут не понять».*

Хм. На этот раз никакого сердечка, да? Я отложил телефон и развалился прямо на полу.

Ну, вот и всё. Не думаю, что и Макото-сан всё поймет правильно. Наверное, каждый будет читать с собственных позиций, и оценит ранобэ соответственно. Тогда, кроме меня и Ханako оно больше никому не окажется нужно. А как же идея, смысл, *послание*, наконец?

А никак. Не дорос ещё до такого. Сначала со своими чувствами разберись, а потом и для других пиши. Верно?

Да черта с два! Это и есть мои чувства, мои мысли, почти моя жизнь! Разве всё не так стало бы? Разве не стал бы Асакава в подобной ситуации драться до конца? А Мотоки не защитил бы девушку?

А разве Юдан-сан стала бы такой, какой я её изобразил? А Ютами-сан опустила бы до подобного? Нет, и я это очень хорошо знаю... А потому не стоит смешивать ранобэ и обычную жизнь.

Я торопливо схватил телефон и отбил сообщение: «*Немедленно сожги рукопись. Я так хочу!*». Отшвырнул аппарат и подошел к компьютеру. Ну как, неужели решишься? Сделаешь? Уничтожишь месячный труд? Свои эмоции и мысли? *Послание*, наконец?

Да. Легко. Всего-то две клавиши нажать. Щелк. Щелк. И очистка корзины...

Теперь жалеть поздно.

Снова завибрировал телефон. «*Прости, но я не понимаю. Это твоя книга...*». Дальше я читать не стал и нажал вызов.

- Да?

- Немедленно сожги распечатку! – выкрикнул я, - пойми, Ханako, ещё слишком рано мне такое писать. Я не так всё понял, я не так всех изобразил, я не то должен был написать... Это меня должны были убить в первые полчаса!!! – короткие гудки... и тишина.

Вот. И. Всё...

Выходит, сбылись старые страхи? Исчезла новелла – исчезли и люди? Больше нет книжных Сэру и Мацури, нет и их книжной любви. Исчезли и настоящие эмоции? Или их и не было никогда, а всё это плод воображения? Кохай не смогла уступить сэмпая и стала ему музой для ранобэ? Дарила идеи и эмоции? А теперь, когда исчезла последняя ниточка, больше нет смысла притворяться?

Наверное, я никогда не бегал так много. В любом случае, почти весь путь до дома Мацури, с короткой пересадкой на автобус, я преодолел бегом. Уж не знаю, откуда взялись силы – может от страха? Пробежав мимо оторопевшей хозяйки пансиона, я заколотил в дверь.

- Мацури! Ханako! Это я, Сэру, открой, пожалуйста!

Дверь приоткрылась и из-за неё выглянула испуганная девушка.

- Э-э, Сэру-сэмпай?... – залепетала она, её глаза расширились, - Как вы здесь...

- Я должен тебе что-то сказать, Ханako!

- Нет! - дверь захлопнулась. – Я никогда не сделаю то, о чем вы просите, сэмпай...

Я опустился на колени перед дверью.

- Нет, Ханako, ты должна... Прости, но нет другого способа. Пусть это разрушит всё, но ты должна её сжечь, - я бессильно стукнул по двери и уткнулся лбом в пол, чувствуя, что глаза заполняет предательская влага.

Что это? Страх потерять единственного человека, который сказал «Люблю тебя»? Или малодушие от того, что возможно моя слабость и мой образ мыслей станет известен благодаря ранобэ?

Опять эгоизм, да?

А что я сделал для этой девушки? Она призналась мне в любви, она кормила меня обедами месяц, она устроила мне шикарный ужин, она каждый день «Золотой недели» слала мне сообщения... А что сделал я? Даже не нашел в себе силы сказать такие нужные ей слова! И теперь я хочу отнять последнее, что у неё осталось! Пусть это книга, пусть сухие строки иероглифов, но там я говорю ей те самые слова. Она так ждала их и посчитала, что эти слова от меня настоящего... А теперь я хочу отнять и это?

- Прости, Ханako...

- Эй, господин. Уже поздно, - это осторожно осведомилась хозяйка. – Не нужно допекать моих постояльцев, тем более несовершеннолетних школьников. Кто-то может и полицию вызвать. Возвращайтесь-ка домой, господин.

- Да, - поднялся я и поклонился домовладелице, - извините меня. Пожалуйста, позаботьтесь о Мацури Ханako-сан.

Путь домой, разумеется, занял гораздо больше времени. Тем более, что денег уже не осталось. Но, по крайней мере, у меня было время поразмыслить. Однако чем больше я думал, тем сильнее начинал жалеть себя. В конце концов, я решил прекратить все попытки.

Может, стоит начать с нуля? Завтра первый учебный день мая. Сказать Макото-сан, что не справляюсь и уйти из литклуба. Полностью переключится на учебу, тем более что в мае начнутся промежуточные экзамены. Пора приналечь. Второй класс – решающий, в следующем году, я

уже буду целиком готовиться к поступлению в университет. Да, так и сделаю. Без меня в клубе Макото-сан не позволит себе опубликовать новеллу, даже если Мацури и притащит её. А чтобы не было чересчур одиноко, восстановлю взаимоотношения с Ютами-сан. Да, наверное, так и стоит сделать. А все эти волнения последних дней забуду как страшный сон...

«И её слова – тоже?».

В том числе. Она не первая. Тем более что дома её студент Хабаяши-сан ждет.

Глава 3

- Эй, Ютами-сан!

Харуна, словно не до конца веря, медленно обернулась.

- Эм-м?

- Доброе утро, Ютами-сан, - я расплылся в своей лучшей улыбке, - извини за прошлое, давай останемся друзьями? Не в моих правилах огорчать хороших людей...

- Майское обострение совести? – усмехнулось Харуна, - Сэру-кун, на тебя это не похоже.

- А ты знаешь, как я веду себя в мае? – поддел я девушку, чувствуя, что лед, прочно намерзавший после последнего неудачного разговора, дал слабину.

- Бесстыжее ты существо, Хироки-кун, - рассмеялась Ютами, - Сначала ничего не отвечаешь на мои слова, затем полмесяца меня игнорируешь, а теперь вот такое заявляешь и надеешься на прощение?

- Ну, такой вот я, - развел я руки в стороны пожимая плечами. Затем сложил ладошки и подмигнул:

- Прощаешь?

- В последний раз, - вздохнула Харуна, - и то только потому, что мы соседи в классе.

Она бесспорно хороший и чуткий человек. Ведь, несмотря на то, что на её языке наверняка вертелся вопрос о Мацури, она его так и не задала. Сдержалась, помня прошлый наш разговор? Решила не делать себе больнее? Или просто не хочет о ней слышать?

В классе я подошел к старосте и прямо сказал:

- Вычеркивай меня из клуба Юдан-сан. Не справляюсь я, да и учебу подтягивать надо...

- Не справился? – улыбнулась одними губами Макото-сан. Глаза её так и остались узкими и холодными. *Именно с таким взглядом она и стреляла в Ханako...*, нет, прекрати это! – Надорвался с ранобэ? Можешь просто помогать нам с газетой тогда. Ханako-тян, всё сделает сама, - краем глаза я заметил, как напряглась Ютами-сан – всё-таки услышала!

- Да, нет, староста, - попытался растянуть губы в ответной улыбке я. Получилось неважно, ну и черт с этим, - Не по мне всё это. Не обижайся.

- Ну, как скажешь, - внезапно потеряла ко мне интерес Макото-сан и снова занялась своими тетрадками.

- Спасибо, - отвесил я поклон и вернулся на свое место.

Подошел Асакава. Опять с синяком на скуле.

- Привет, дружище, - расплылся он в глупой ухмылке, - как, хорошо каникулы провел?

- Да, уж... Ты, я смотрю, тоже?..

В бессмысленной и дежурной беседе с приятелем, я прятался от себя. Хороший он друг, этот Асакава. Он всегда вовремя. А мне сейчас ой как не хочется ни встречаться глазами с Макото-сан, уверенной, что я струсил и предал её, ни тем более выходить в коридор, где можно напороться на Мацури. Да и просто думать – не хочется. Ведь слишком многие воспоминания я должен выбросить...

На большой перемене я остался в классе. Достал свой убогий бэнто. Первое время тупо смотрел на него. Затем ко мне подсел Асакава.

- Снова здесь стал обедать? – спросил он, - Окончились горячие деньки в клубе? Теперь передышка?

Спасибо тебе, Асакава, за то, что ты всё так неправильно понял. Но... как там Мацури? Не сидит ли одна с двумя бэнто, не ждет ли по привычке? Или староста ей уже всё сообщила?

Нет, сказал же себе, что всё закончилось... Не думай о ней больше. Никогда.

После уроков Ютами извинилась и, помахав ладошкой, убежала в свою секцию. А мы с Асакавой побрели домой.

- Всё-таки решил бросить литклуб? – вяло поинтересовался Асакава

- Ну да, - отозвался я, - Не по мне это всё. Статейки, книжки... Да и времени много занимает.

- Жаль, - вздохнул собеседник, - я надеялся, что ты поможешь мне лучше Юдан-сан узнать.

- Подойди к ней сам, - отвернулся я, - Скажи всё как есть. Даже если и отошьет, по крайней мере, выскажешься, не будешь в себе всё держать, - нашел проблему тоже. Есть же пословица – следуй ей.

Асакава не торопился с ответом. На станции мы распрощались, а он так и не нашелся что сказать.

Дома я просто лёг на диван и смотрел в потолок. И подсознательно ждал или звонка, или сообщения. Ведь теперь староста, наверняка, всё Мацури сказала. Как же она среагировала на её слова? «Ой, нет, это всё из-за меня!» или того хуже. А может, она сегодня вообще в школу не пошла? Опасается, что я возьму её в заложники, пока она не вернёт распечатки? Глупости. Она не боится, не из таких. А значит, гораздо сильнее, и приняла известие о моем выходе из клуба спокойно и с достоинством. Наверняка, для видимости посочувствовала, а на деле все эмоции внутри удержала.

И вообще, да кто я такой чтобы рассуждать о чужих чувствах?! Что-то самомнение разыгралось в последнее время! Приструнить пора! Вот, жаловался, что с учебой плохо? Тогда бери учебник и занимайся!

Нехотя я сел за стол и достал из сумки свои тетради.

Заснул я, сидя за столом, распластавшись на учебнике.

Ютами-сан подождала меня у станции и на школьный холм мы поднимались вдвоем. Дежурная беседа и тщательный обход скользких тем из прошлого. Нет, так дело не пойдет – не дай Бог, ещё нервный срыв на этом заработаем. Нужно будет объясниться и сказать ей всю правду.

Тем не менее, с улыбками мы прошли к кабинету и тут я замер, а Ютами-сан нахмурилась.

У двери, стискивая в руках большой конверт и потупив глаза, стояла Мацури. Харуна холодно прошла мимо и, заходя в класс, бросила на меня странный взгляд. Мои ноги сами остановились перед кохай.

- Доброе утро, - не поднимая глаз, поклонилась Мацури. – Сэру-сэмпай, это ваше, пожалуйста, возьмите... И простите...

Моё? Неужели... Я осторожно взял в руки папку и заглянул вовнутрь. Знакомые листочки. Неужто решила вернуть мне распечатки? Хорошая девочка. Не говоря ни слова, я прошел мимо застывшей в поклоне Мацури в класс и сел на свое место. Ещё некоторое время я слышал негромкое перешептывание в классе – наверняка она всё еще так стоит. Пусть. Послужит ей уроком. Я-то, на коленях под её дверью валялся. А она так и не открыла.

Я чувствовал, как в душе поднимается волна злорадства. Но сломала её почему-то Ютами-сан.

- Хироки-кун, - требовательно произнесла она. – Это же та первоклассница. Почему ты не поговорил с ней?

- Не вижу необходимости, - ответил я, - она отдала мне мою вещь, остальное меня не касается.

- Но она всё ещё там стоит, - глаза Ютами сердито сверкнули, - поговори с ней.

- Нет.

- Да что ты за человек такой?! – Харуна вскочила с места и выскочила в коридор.

Блин, ну и дура! То она допрашивает меня, устраивает сцены ревности, а сейчас... Я отвернулся к доске, молясь о звонке...

На урок Ютами опоздала.

«Да что ты за человек такой?». Вопросик... Обычный я человек. Не много мне для счастья надо. Не хотите помогать – хоть не мешайте. Мацури почему-то подумала, что может принимать решения за меня – это и есть её главная ошибка. Поэтому и ты Ютами-сан не пытайся её повторить. Плохо кончится.

На перемене Харуна выволокла меня на внешнюю лестницу.

- Что ты делаешь, Хироки-кун? – резко спросила она меня. Никак накручивала себя с самого утра. Интересно, это разговор с Мацури так на неё повлиял?

- Живу, - ответил я. Нужно отвечать именно так отрывисто и безразлично, почти грубо. Иначе она с меня не слезет.

- Зачем ты так с ней? За что?

За дело. Я отвернулся от Харуны. В душе моей клокотала злость. Не на Ютами, Мацури или даже себя. Непонятно на кого. Ну почему так всё получилось?

- Ты жесток, Хироки-кун.

Нет. Прагматичен. И уже это говорил. Разве не ты ревновала меня к этой первокласснице? Так вот, больше нет соперницы, я избавился от нее, и потому *ты* не мучайся угрызениями совести.

- Как ты можешь говорить такое, Хироки-кун?! – она бросилась на меня с кулаками, но я ухватил её за руки и прижал к себе. Она несколько раз дернулась, пытаюсь освободиться, но с каждым разом её попытки слабели. Наконец, она просто застыла в моих объятиях.

- Что мы делаем...

Успокоилась? А теперь просто помолчи и постой так. Так тепло и приятно, чувствовать близкого человека, ощущать биение его сердца совсем рядом со своим...

Плечи Ютами вздрогнули. Эй, не плачь, не плачь... всё хорошо.

Я почувствовал на своих руках её слезы. Эй, не нужно, не стоит, да, что с тобой?.. Я провел ладонью по её волосам, отчего она обмякла.

Что я делаю?... Прячусь от своих чувств в объятиях другой? Да. Потому что так надо. Потому что так правильно.

Правильно для кого? Для меня? Или для Ютами?! Или для Мацури?!!

Да неважно!!! Просто сейчас нет другого пути, нет иного выхода. Нужно стоять именно так, иначе в душе снова проснется старая тоска и боль и захочется произнести эти слова. Потому что... Потому что их нужно произнести. Потому что мне их уже сказали, потому что в них вложили самое сильное для человека чувство... И это как вирус, как заряженная бомба. Рано или поздно оно проявит себя. А потому нужно это оторвать, выбросить, растоптать. Иначе выхода не останется... И спасения тоже...

Лицемер. Лжец. Трус.

Руки мои дрогнули, и я отпустил Ютами и медленно сполз на пол. Поджал ноги и поднял лицо к небу. Да, это всё правда. Так и есть. Хорошая попытка, но не зачет. И я сам знаю почему.

Прости, Ютами-сан, но и ты сама слишком хорошо понимаешь истинное положение вещей.

- Да, я знаю, - коротко смахнула рукавом слезы, девушка. – Не думай обо мне. Всё будет в порядке. Но *она* ждет тебя.

Я не ответил.

На заднем дворе школы я собственноручно сжег в печи для мусора свою рукопись. Поворошил пепел, ещё хранящий скомканные закорючки. Глаз зацепился за кандзи «цветок». *Половинка её имени...* С особым чувством я размолот уцелевший лист на серые хлопья. Ну, вот и не осталось совсем ничего.

Месяц прошел в бесконечном убегании от себя и Мацури. Я по-прежнему общался с Ютами-сан и Асакавой, а староста меня холодно игнорировала. Я ежедневно заваливал себя учебой, отчего моя успеваемость значительно повысилась – даже промежуточные тесты я сдал, заняв пятое место в классе, но причиной этого была не внезапно проснувшаяся жажда к знаниям, а страх остаться наедине с собой. Страх начать вспоминать. И сожалеть...

Каждые две недели исправно выходила школьная газета. Зная, что там печатается, я аккуратно старался её не читать, но, по услышанным краем уха отзывам одноклассников, ранобэ Мацури продолжает выходить и пользуется успехом. А ведь могла выйти и моя новелла...

Несколько раз мы случайно сталкивались с бывшей кохай в коридоре и холле школы. Каждый раз девушка непременно сгибалась в поклоне, а я отворачивался и равнодушно проходил мимо, чувствуя на себе взгляды и жалея, что не пошел другим путем.

Близилась триместровые экзамены, и теперь стало легче уйти от своих мыслей, опять загружая голову знаниями, но я не был властен над своими снами. А в них моя совесть и мои воспоминания отрывались по-полной. Почти каждую ночь я просыпался в холодном поту и с проклятиями пытался снова заснуть. Но там меня опять ждала Мацури с сияющими глазами и её замечательным обедом на двоих, холодный взгляд старосты с пистолетом и так и не сожженные страницы новеллы. И подобное – ночь за ночью...

С утра шел дождь. Ну да, обычная июньская погодка. Скоро у меня день рождения – и что-то не хочется отмечать его по такой погоде. Я под зонтом брел в школу, и градус моего настроения болтался где-то на уровне абсолютного нуля. Ютами не было видно, и потому я принялся просто созерцать лужи и идущих впереди школьниц. Несколько дней назад школа перешла на летнюю униформу и потому девушки переоделись. Теперь вместо пиджачков на них были просто приталенные рубашки с коротким рукавом и демонстрирующие приятные глазу формы. Мне без пиджака тоже дышалось свободнее, вот только галстук трепыхался на ветру.

В холле школы, возле шкафчиков со сменкой, на моё счастье не попался никто их знакомых. У класса – тоже. Неужели начинает везти?

Во время большой перемены, когда мы по-обычному сидели втроем, неожиданно в класс вошла староста в сопровождении кохай. Сердце

провалилось куда-то в пятки. Вот и повезло, называется... Мацури семенила за Юдан-сан с красными щеками и потупившись, сжимая в руках кипу газет.

- Так, всем внимание! – остановившись на кафедре, объявила Макото-сан. – Скоро начинаются подготовительные занятия к экзаменам, а значит, до каникул газета больше не выйдет. Поэтому сегодня – двойной выпуск. Окончание новеллы «Дождь» и анонс новой - «Холодные слезы»! Ханакотян, раздай всем.

- Да, - кивнула кохай и побежала по рядам, раздавая газеты и кланяясь, - Возьмите, пожалуйста...

Как это понимать? Это что намеренно? Я встретился глазами со старостой и оценил победный блеск в её взгляде. Что она задумала? Что это за новая новелла?

- П-пожалуйста, - прозвучало совсем рядом, и я уткнулся в свой бэнто.

- Огромное спасибо, - придурковато ответил Асакава.

- В-возьмите п-пожалуйста, - молящий голос возник прямо надо мною, и я почувствовал запах Ханакотян. Приятное сочетание лаванды и бергамота, кажется. Руки мои вздрогнули.

Она, наверное, сейчас стоит наклонившись – её тень накрыла бэнто – и протягивает газету. Нужно взять так, чтобы не коснуться руками. А взять нужно, иначе на это обратят внимание. Я протянул руку и почувствовал край газеты. Потянул к себе. Не поддавалось. Потянул сильнее. Не поддавалось. В ярости я развернулся.

Ханакотян в поклоне стояла передо мною, вытянув газету, но, не отпуская её.

- Отдай, - просто сказал я, и она вскинула голову

Дрожащие в уголках огромных глаз слезинки, румянец и приоткрытые губы. Вот они дернулись словно собираясь произнести что-то... Наверняка опять «Простите меня...».

Черт! Я рванул газету к себе и бегом выскочил из класса. Краем глаза успел заметить, как Ханакотян рассыпала остальные газеты и упала на колени.

Черт!!! Ну почему?!! Почему ты не оставишь меня?!! Почему не смиришься?!!

Что же со мной?... Зачем всё это? Почему я так поступаю? Я выскочил из школы под дождь и побрел неизвестно куда, сжавшись под холодными каплями.

Ноги привели меня под навес к задней стене спортзала, где я опустился на ещё сухую траву и смахнул смешавшиеся с каплями дождя предательские слезинки. В руках я по-прежнему сжимал газету. Даже не любопытство, а что-то другое заставило меня развернуть её.

Узнаю верстку старосты... На последней странице в глаза бросился заголовок – «Холодные слезы». Так вот он, анонс новой новеллы...

Вдруг мне захотелось прочесть её. Просто так, прикоснуться к мыслям Мацури. Ведь она хорошо пишет... Черт с ним, с уроком, не в первый раз... Сейчас я просто буду читать.

«Холодные слезы»

... Я устала плакать. Но не могу остановиться. Не потому что по-прежнему больно. Не потому что больше ничего не остается. Просто это ещё дает иллюзию облегчения.

Сегодня он опять прошел мимо, не заметив меня. А может и заметил, но сделал вид, что не узнал. Ведь это так просто – пройти мимо, не остановившись и не повернув голову.

А я снова на что-то надеялась. Я каждый день тщательно берегу в сердце это упрямое, но ранящее меня чувство. Я его ненавижу, потому что оно делает меня слабой и уязвимой, но не могу его уничтожить, так как это уже часть меня самой и, уничтожив его, я уничтожу себя.

Каждый день превращается в пытку. Знать, что он рядом, видеть его, но не иметь возможности подойти, взять за руку, прижаться к нему, чувствуя его тепло, и слушать как стук наших сердец сливается в унисон. Но он опять безразлично проходит, а я остаюсь одна.

В этом мире много людей, но только он один смог разбудить меня. Его улыбка, прищур его глаз, его ободряющие слова. И я оттаяла, раскрылась, доверилась...

Наверное, я сама виновата. Отпугнула его своей настойчивостью, загнала угол требованиями, обманула его ожидания. И он не удержался, отступил, убежал.

Так легко думать, но я знаю правду. Знаю, как он стоял на коленях под моей дверью и просил простить и выслушать его. Да, он вправе признать меня, он вправе ненавидеть меня и так со мной обращаться. Ведь, в конце концов, каждый является творцом своего счастья.

И несчастья – тоже.

Но я не уступлю. Я не сдамся. Моё чувство, сделавшее меня слабой, дало мне и силу веры. Я знаю, что я люблю его.

И он тоже знает об этом.

Мороз пробежал по коже и достал до костей, когда читал это. Горло пересыхало от волнения, ведь я отлично знал, о чем шла речь в анонсе новой новеллы. Это наша история. Это её мысли о том, что произошло с нами, и я впервые понял, о чем она думала, что чувствовала.

Как же я заблуждался. Как я жалок, в своей мести этой девушке, которая искренне любит меня. Это я, трус и лицемер, уверовавший в книжный мир, испугался развития отношений в реальности и потому струсил, убежал от них. Предал ту, что любит меня. Ту, которая сказала эти слова, которая подарила мне поцелуй на несколько часов раньше книжной.

Ханако... Ханако, я... Ханако, я ..., я..., я люблю тебя... Я люблю тебя! Я люблю тебя!! Я люблю тебя!!!

Наверное, мне стало легче, когда я заставил себя сначала произнести мысленно, а затем прокричать эти слова. Ведь это же правда. Да, люблю ее, и я всегда это знал. И тот книжный Сэру говорил их искренне не только книжной Мацури, но и живой Ханako, той, которая верила ему настоящему, гордилась им, уважала его. Любила его.

То есть меня.

Я не знал, сколько времени прошло. Оглушенный и раздавленный открывшимся только что, я сидел под дождем и ничего не понимал.

Месяц, месяц прошел, но она не только не забыла обо мне и не убила свою любовь, она знала свою вину и постоянно просила прощения. Каждая наша случайная встреча и её поклон – это нижайшая просьба о прощении за то, что я тогда чуток постоял на коленях под её дверью. А ведь она пыталась спасти от безумного порыва мой труд, рискуя своей любовью. Да, она знала, на что шла, но так и не открыла дверь, не отдала рукопись, не уничтожила её. А я... я все разрушил. Пусть бы эта новелла стала только нашей, пусть бы её читали только мы с Ханako... но ненужно было её уничтожать... Ведь... ведь... это стало предательством. Я предал Ханako и сжег последние страницы...

Я возвращался в школу с пустым взглядом. Но ноги вели меня не в класс. Остановившись перед дверью литклуба, я осторожно толкнул её и она поддалась. Застыв на пороге, я увидел хрупкую девичью фигурку у окна. Слезы, брызнувшие из глаз, мешали рассмотреть её лицо, но я знал, кто это, чувствовал её запах (лаванда и бергамот!) слышал оглушительный стук её сердца и негромкий вскрик.

Мы встретились посреди кабинета и, не устояв, упали на колени.

- Ханako! Прости меня!!! – её милое лицо, дразня, плавало перед глазами, - Я... я восстановлю новеллу и подарю её только тебе!... Я люблю тебя!!!

- Хироки-кун, - обнимая меня шептала Мацури, - не нужно, не нужно... Я люблю тебя и без этого... И кроме того... Я перепечатала её к себе ... той ночью...

Сегодня я опять ужинал у Ханы-тян дома. За одним столом, вместе приготовленное (хотя я только помог купить и донести продукты), как семья. Пока Ханako колдовала на кухне создавая этот замечательный ужин, я быстро просмотрел на её компьютере текст своей новеллы. Она не просто перепечатала текст с листов, она ещё и внесла незаметные на первый взгляд правки, добавившие красок. Ну что за девушка у меня! И я чуть было её не потерял.

Теперь мы сидели не напротив, а рядом друг с другом, касаясь локтями, а потом Ханako и вовсе прижалась ко мне, положив голову на плечо.

- Через два года я окончу школу, - говорил я, - посмотрю, как будет с Университетом, но в любом случае, пойду на работу. К тому времени, как

окончишь школу ты, я уже должен буду найти и жильё и начать зарабатывать. Тогда мы и поженимся... Подождешь, ещё чуть-чуть?

- Подожду! – зажмурилась Ханako.

Ханako проводила меня до калитки пансиона. Поклонившись домовладелице, я опять попросил её присмотреть за любимой.

Простились мы, просто держась за руки – не было смысла давать повод для слухов.

Уже дома я решил, что обязательно после экзаменов устроюсь на работу. А для этого мне нужно вернуться в клуб и извиниться перед Макото-сан.

Глава 4

Макото проснулась как обычно до звонка будильника. Иногда мама спрашивала её, зачем ей вообще тогда будильник, но девушка всегда отвечала, что порядок есть порядок.

Легкий завтрак, готовка бэнто, приведение в порядок одежды. Как и всегда, Макото выходила в одно и то же время, прощаясь с мамой-домохозяйкой.

До станции, а иногда и почти до школьного холма, её обычно подвозили на машине отца, а дальше она всегда ходила пешком, вдыхая чистый воздух и наслаждаясь прогулкой. Одновременно она продумывала всё свое поведение на сегодня.

«С утра нужно дать задания Ханако-тян, насчет клуба и спросить о вчерашнем отсутствии. Потом – проверить всех обычных прогульчиков, выяснить причины. В том числе, спрошу у Сэру-куна, почему ушел после обеда». Ей не хотелось с ним лишний раз общаться, это требовало слишком много нервных сил и выдержки, но это необходимо. У парня сложный период, и если он сейчас пойдет вразнос, то может сорваться. Ей, конечно, польстило, что Сэру-кун так занялся учебой, но она отлично знала причину этого порыва, а значит, могла предположить, что надолго его не хватит. И ведь не хватило! Вчера – достойный пример! Макото, конечно понимала, что весьма вероятно именно она послужила катализатором – ведь это была её идея, чтобы газеты раздавала Ханако-тян. Кохай всегда отмалчивалась, и понять причину их разрыва было сложно. Но то, что после «Золотой недели» парочка распалась было ясно. Именно тогда Сэру-кун ушел из клуба, а Мацури весь вечер плакала в клубной комнате. И Макото желала просто проверить реакцию парня, понять действительно ли всё закончилось. Оказалось, что нет, иначе он не удрал бы из класса. Да и Ханако-тян – следом за ним. В школе они так и не появились, но судя по всему, что-то случилось в клубной комнате – или сдвинутый стол и рассыпанная бумага это следы ярости Мацури?

Как бы то ни было, сегодня будет очень сложный день.

Мацури в холле школы не оказалось, и это было тревожным знаком. «Неужели...». Идти в класс, она повременила и сначала заглянула в клубную комнату. Чисто, прибрано, значит, кохай уже здесь, ведь уборка – её обязанность. «Ладно, пообщаемся с ней на перемене».

Проходя по коридору, она смотрела в окно. Дождя сегодня не было, а солнце уже пригревало, потому некоторые из школьников ещё болтались на улице. Там же она заметила и парочку, скромно сидевшую на скамейке. Они даже не держались за руки, но на душе сразу полегчало. «Значит, не зря я копыя ломала...».

Сэру-кун, как обычно, руки в карманах, огромная челка болтается на ветру, наверное, даже готова поспорить в этом занятии с галстуком. А вот, Ханако-тян, скромно сидит, сложив руки и опустив глаза, но по всему

видно – улыбается. Не иначе – поговорили вчера в клубной комнате и все решили.

В коридор навстречу Макото вышел Асакава. Рот до ушей, на локтях – синяки и сейчас опять предложит свою помощь. До чего приставучий, хотя и ответственный в выполнении поручений. Но за четыре года он ей уже надоел.

Вот Сэру-кун ей нравился и, заманивая парня в клуб, она так же втайне надеялась, что именно он сумеет завоевать её сердце. Однако получилось всё иначе. В клубе оказалась Ханако-тян, а в классе – Харуна-сан. Сэру разрывался между ними, пока, наконец, Ханако не взяла верх.

Это пробудило было ревность и в самой Макото, но она быстро поняла, что притягивает Хироки-куна к Ханако-тян. И отступила. Их союз давал и ей выгоду, так как на выходе получались замечательные новеллы Мацури, да и Сэру-кун тоже отлично начал работать. Может, теперь он решит вернуться в клуб? Их ведь и так мало, и только воля и связи Макото не давали школьному совету окончательно закрыть литклуб, поскольку тот долгое время существовал, нарушая многие школьные правила, в частности по минимальному количеству участников. В кои-то веки в нем аж трое школьников.

Макото проигнорировала болтовню Асакавы и вошла в класс. Тот продолжал вертеться поблизости. Разговаривая с подружками, Макото краем глаза следила за дверью. Сэру-кун вошел почти перед звонком, но его открытое и благодушное лицо успокоило девушку.

На большой перемене, Макото убедилась, что Хироки-кун по старой привычке умчался из класса, и направилась в клубную комнату. Наверняка эта парочка обедает там.

Она не ошиблась. Едва завидев старосту, и Сэру-кун, и Ханако-тян оба отложили бэнто и, встав из-за стола, склонились в поклоне.

- Юдан-сан, - проговорил Сэру, - разрешите мне вернуться в клуб...

- П-пожалуйста, Юдан-сэмпай, - дрожащим от волнения голосом вторила ему Ханако-тян.

- Почему нет? – уперла кулаки в бока Макото, - но только попробуй ещё меня огорчить, Сэру-кун...

- Не огорчит, Юдан-сэмпай, - чересчур горячо вступилась за парня Ханако.

«Ну да, как же...».

Макото не чувствовала себя совсем уж одиноко в школе. У неё были подруги, она весьма популярна среди младшеклассников, особенно девушек, старавшихся во всем походить на своего кумира. Но это было следствием её работы старостой класса и одним из членов Ученического совета школы. А вот парня у неё не было. Одноклассники, за исключением того же Асакавы, её сторонились за чересчур мужской характер, другие ребята из

школы – не понимали её преданность забытому всеми литклубу, где она могла просиживать все вечера и выходные.

Поэтому Сэру-кун для неё был некоторой отдушиной. Еще не прознавший о её недостатках или достаточно взрослый и серьезный, для того чтобы не принимать их во внимание. Ей нравилось его отношение к клубу – в меру серьезное и ироничное. Впрочем, также он относился и ко всему. Кроме того, именно благодаря нему в клубе появилась и Ханако-тян.

Сейчас, когда всё вернулось на круги своя, Макото затаилась. Не хотелось, что бы из-за её необдуманных поступков всё опять сломалось. Она поговорила с Харуной-сан пытаясь убедить и её не чинить препятствия Сэру-куну, в его отношениях с кохай, и была удивлена ответом одноклассницы:

- Мы уже разговаривали об этом. Я знаю, кто ему дорог и кто дорожит им. Я не собираюсь мешать, - и всё это с грустной улыбкой. Понятно, всё-таки и ей жаль его терять.

Теперь оставалось самое сложное – заставить отступить себя. Не заикливаться на парне, наступить на горло собственному самолюбию и оставить Сэру с его девушкой. Он нужнее счастливый с кем бы то ни было, и нет причин считать, что лучше ему будет именно с ней, Макото.

И всё-таки, а вдруг? А вдруг именно с ней его талант раскроется полностью? А вдруг именно она – его судьба? А может не стоит так его отпускать, пусть она получит ещё один маленький шанс? Эгоизм, но это сильнее многого.

Папа – потомственный чиновник, заместитель префекта, всегда хотел сына, потому воспитывал её как мужчину - решительной, смелой, способной ставить перед собой цели и добиваться их самостоятельно. Он научил её быть своей среди парней, понимать их проблемы и заботы, но в душе она по-прежнему продолжала оставаться девушкой, которой хотелось, чтобы ее баловали, успокаивали, жалели. Но никто не учил её женственности. Мама, вполне способная на такое, воспитанием дочери не занималась. Макото рано стала относиться к ней, как и отец – как к домработнице. И в итоге, в семнадцать лет, несмотря на внешнюю красоту, она так и не научилась быть девушкой.

В литклуб заглянула учительница литературы Такэмото Юкико-сэнсэй – куратор клуба. Она полностью доверяла Макото, а потому нечасто появлялась на заседаниях. На этот раз она решила проверить своих подопечных.

Макото знала о некоторых секретах куратора – в частности о том, что та безнадежно влюблена в Атто-сэнсэя. Иногда они действительно общались как подруги – разница в возрасте в восемь лет не была помехой. Видимо, и сейчас она хотела пообщаться с девушкой наедине.

Сэру-кун и Ханако-тян уже получили свои задания и удалились, в клубе Макото оставалась одна – и это отвечало всем требованиям.

- Привет, Мако-тян, - не всем Макото позволяла себя так называть, но куратор была в их числе. – Как там Сэру-кун? Вернулся?

- Да, спасибо, сэнсэй.

- Я тебе говорила – сведи его снова с Ханако-тян – и он вернется, - подмигнула Такэмото-сэнсэй. – А теперь давай посмотрим, что делать дальше.

Куратор кратко проанализировала работу клуба за весну, отметила положительные направления – публикацию новелл и изменение графика выхода газеты.

- Но что будете делать после каникул? Ты точно не хочешь опубликовать ранобэ Сэру-куна?

- Он сказал, что не может её закончить, - сморщилась Макото, - врёт, конечно. Но я не хочу давить – пусть решит сам.

- Кстати, у него в эти выходные день рождения, - вспомнила куратор, - можете отметить здесь, - кивнула она.

- Да нет, сэнсэй, - улыбнулась Юдан, - Полагаю, что ему есть, где отмечать. Поздравить – это конечно. Сделаем.

И опять пустой день. Уже вечером, когда она занималась дома, ей позвонил сосед – Мотоки-кун и опять слезно попросил помочь с домашним заданием. Пришлось идти.

Вот так она и жила – утро, завтрак, школа, клуб, сосед, сон...

Скучно, не правда ли?

В субботу утром ей позвонила Ханако-тян:

- Доброе утро, Юдан-сэмпай. Я планирую идти за подарком для Сэру-сэмпая, составите мне компанию?

- Почему нет?...

В самом деле, почему нет? Она – его девушка, по-дружески зовет пройтись по магазинам. Какой смысл отказываться? Или всё-таки есть?

Макото собралась быстро. Лето – это хорошо. Сезон дождей наконец-то завершился, и стало по-настоящему тепло.

Встретились они у входа в торговый квартал. Ханако была одета просто, но со вкусом – летнее зеленое платье и кофточка. Наверное, впервые, Макото видела её не в форме.

- Есть мысли, что ему купить? – поинтересовалась она.

- Да, Юдан-сэмпай, - сосредоточенно кивнула Ханако.

Они направилась вдоль магазинчиков к своей цели.

Очевидно, Ханако уже точно знала, что хотела купить.

- Значит – это? – Макото с интересом повертела в руках подарок и усмехнулась. – А ты уверена, Ханако-тян?

- Да, да, сэмпай, - испуганно, словно боясь, что её начнут переубеждать, закивала Мацури, - я хочу, чтобы он продолжал писать.

- Вот только нынешние писатели больше пользуются клавиатурой, чем настоящим пером, - улыбнулась староста, подавив вздох сожаления – и почему она сама не додумалась до такого подарка? – и, кроме того, этот «Parker» – не слишком ли дорогая вещь?

- Я надеюсь, что Сэру-сэмпай оценит подарок, а не его цену, - проговорила Мацури.

Похоже, она всерьёз хочет это подарить. Ну, что ж, тогда не буду мешать, решила Макото.

Удивительно, но Сэру не просто не стал спорить с мнением Макото, но и сам предложил отметить свой день рождения в школьном кафе в торговом квартале. Видимо, и ему это место очень понравилось.

Вечер прошёл весело и вполне в духе Сэру – иронично и с толикой сарказма. Подарки он потребовал сразу, и каждого отблагодарил куском специально заказанного торта. После чего коротко прокомментировал подаренное, впрочем, не зло, а скорее с самоиронией. Иногда Макото задавала себе вопрос: действительно он такой циник или это одна из его масок? И не находила ответа.

- До завтра! – помахала Ютами-сан, прощаясь.

Она ушла первой. Макото её отлично понимала – ей и самой почему-то было очень неуютно находиться рядом с Сэру и Ханако. Хотя те и пытались вести себя не как пара, а просто хорошие знакомые (ну, как сама Макото с Мотоки-куном), их близость просто била в глаза.

Ханако-тян без конца краснела и старалась быть совсем незаметной, хотя сидела рядом с Сэру и не сводила с него глаз. Асакава опять пялился на Юдан и это уже злило.

В конце концов, стемнело, и разошлись уже все. Мотоки-кун и Макото, как соседи, опять шли вместе.

- Мне он показался нормальным парнем, - высказал свое мнение Мотоки.

- Да, - кисло ответила Макото.

- А эта девушка, Ханако-тян, кажется... Она ему кто? Сестра?

- Хуже, - проворчала Юдан, - Подруга...

- Неужели ревнуешь? – мгновенно всё понял Мотоки, - Эй, сестренка, не вешай нос! Вокруг тебя столько парней, а ты грустишь по одному?

Словно грустить по нескольким – веселее... Ты чего говоришь, Мотоки-кун?

Но того уже было не остановить.

- Хочешь, я поговорю с ним? Ну не такой же он глупый, что бы тебя не замечать, а, Мако-тян?

- Заткнись, - грубо оборвала его Макото, - иначе опять дам в глаз.

- Только и можешь, - вполне искренне вздохнул парень, - потому от тебя и шарахаются все, сестренка...

Некоторое время он молчал, запрокинув голову и разглядывая черную кляксу неба.

- Знаю! - вдруг расцвел Мотоки, - На Танабату пожелай себе парня. Уверен, Орихиме-сама не откажет такой как ты!

- Глупый, всё ещё в сказки веришь.., - вздохнула Макото и сама посмотрела на небо. Нет, не видать звезд, а всё из-за огней города...

Но на Танабату она всё-таки повесила на ветку бамбука танзаку с коротким пожеланием – «Хочу влюбиться и встретить Рождество с любящим меня парнем»...

Глава 5

Экзамены остались позади, и в это утро я шел в школу с чувством облегчения. Как-никак последний день триместра.

Июльская жара уже давала о себе знать и потому, ещё только поднимаясь на школьный холм, я весь вымок от пота. У ворот мне махал Асакава и я ускорил шаг – не желаю, чтобы люди обратили на него внимание.

- Привет, Сэру! – прокричал он. – Готов встречать летние каникулы? Наверное, ждешь-недождешься, когда сможешь нормально высыпаться?

Неужели я настолько примитивен, что даже Асакава способен вычислить мой образ мыслей?

Пропустив товарища вперед, у того, кстати, на руках опять темнели синяки (и где он их получает?), я по привычке прошелся по этажу первоклассников, но Ханako пока не было видно. Ладно, встретимся в клубе после занятий.

Учебный день прошел быстро. Уложив в сумку свой табель успеваемости (ох, и куда улетело моё пятое место?), я вылетел из класса и устремился в литклуб.

Странно, но Ханako не было и тут. Может их ещё держат в классе? Ну, уборка затянулась, там...

В литклуб зашла Макото-сан. Рассеянно прошлась вдоль стола и села на свое место. Повертела в руках ручку. Она явно не из тех, кто привык только развлекаться и потому без работы ей как-то неловко. Хороший она человек...

- Хироки-кун, - впервые она назвала меня по имени! Неужели что-то случилось?

- У вас с Ханako-тян всё хорошо?

- Ну, да, Макото-сан, - я-то помнил, как она разрешила себя называть наедине.

- Вы не ссоритесь?

- Да нет. Что-то случилось? – мне надоели пустые намеки. Говори уже прямо, что нужно.

- Просто интересно, - грустно улыбнулась староста, - А ты не хотел бы, что бы я стала твоей девушкой?

Прямо в лоб. Я сел. Кажется ещё на стул, а не просто на пол. Во, вяпался. Как это понимать?

- Неужели сложно? – нахмурилась Макото, но тут же выражение её лица смягчилось, - извини, привычка. Я не совсем знаю как себя вести...

- Староста, - проговорил я.

Быть может, ты не замечаешь, но есть такой парень как Асакава, который просто молится на тебя. Тебе стоит только намекнуть, и он будет твой. Ведь это единственное...

- Прекрати, - скривилась она, - Это ничтожество не стоит таких слов.

- Напрасно ты так, - отозвался я, - Он не плохой человек. Легкомысленный – да, взбалмошный – да, но он действительно дорожит тобой.

- Чушь! – выкрикнула Макото. Впервые я видел её такой – раздраженной и растерянной одновременно.

Она надменно покинула кабинет.

- Подумай о моих словах! – выкрикнул вслед ей я.

Глупость какая-то, честное слово... Что на неё нашло? Ни разу она не заикнулась о том, что я ей чем-то интересен, а теперь вдруг такое... Что это?

Снова распахнулась дверь клуба и на пороге появилась запыхавшаяся Ханako.

- Нас немного задержали, Хироки-кун...

Ничего, Ханako. Иначе ты бы такого здесь наслушалась...

- Пойдем уже?

- Да!

- На каникулы мне придется снова вернуться домой, Хироки-кун, - грустно сообщила она по дороге.

- Я догадывался, - вздохнул я.

А как же твоя работа? Ведь надолго уезжаешь...

- Я уже поговорила с менеджером, - кивнула девушка, - у них конечно сейчас много работы из-за отпусков, но я всё равно делала лишь малую часть, а потому...

- Я могу делать работу за тебя, - вдруг предложил я.

Нет, серьезно. Я всё равно собирался подрабатывать на каникулах. Давай я поговорю с... А вот тут проблемка. С Макото-сан уже не поговорить. После сегодняшнего-то концерта.

- Я сообщу менеджеру, - расцвела Ханako, - Если тебе не сложно, Хироки-кун, то ты очень мне поможешь.

Молча, мы прошли ещё некоторое время. Я думал о предстоящей работе и о том, каково мне будет без Ханako. А ещё из головы не вылетали слова старосты.

О чем думала Мацури, мне было неизвестно, однако, время от времени она бросала на меня странные взгляды. Что за гляделки?

- Может, возьмемся за руки? Далеко уже от школы ушли...

Ох, эта её конспирация... Почему она так переживает, что о наших отношениях может кто-то прознать в школе? Да это и так понятно всем, недаром староста нас раньше всех вычислила. Даже мы ещё толком не понимали...

Вообще странно, что она придает значения таким мелочам. Она не так давно по имени меня звать стала, но такой важный элемент, как держаться за руки – не упускает.

Тем не менее, я послушно взял её за руку. Ханako сразу повеселела.

- Я постараюсь вернуться до фестиваля О-бон, - улыбнулась она, - наверное, ты хочешь увидеть меня в юката?

Разумеется! Ради тебя и я выряджусь.

Неожиданно мне в голову пришла совсем уж безумная мысль.

- Слушай, Хана-тян, а может и мне вместе с тобой поехать? Познакомлюсь с твоими родителями...

- Не нужно, Хироки-кун, - опустила глаза Мацури, - ты ведь помнишь, что на эти каникулы к моим родителям хочет подойти и Хабаяши-сан, - а, это тот студент! – не хочу, чтобы вы встретились и подрались из-за меня.

Наверное, это правда. Но и, тем не менее, что помешает мне приехать неожиданно на пару дней?

Ужин сегодня был по максимуму простой – на этом настоял я. Не хотел, чтобы она утруждала себя. Фрукты и сладости принес я, рис и салат приготовила Ханako.

После ужина, прошедшего почти в полной тишине, мы некоторое время просто посидели у окна, прижавшись плечами. Также молча. Мне говорить не хотелось, Ханako тоже помалкивала. Только вздыхала время от времени. На что я просто гладил её короткие волосы.

Она уехала рано утром. На этот раз, я проводил её и помахал вслед поезду.

Утренняя прохлада перед душным днем давала время для раздумий. От станции я шел пешком, наслаждаясь свежим воздухом и свободой.

Нужно будет сразу начать делать домашние задания, чтобы в конце каникул, когда приедет Ханako, было больше времени. А работать – по вечерам. Да, именно так.

От телефонного звонка я едва не подпрыгнул. Взглянул на экран. Телефон-автомат?

- Алло?...

- Сэру-кун! Доброе утро! – я сначала даже не узнал голос говорившей девушки, - Я слышала, ты взял на себя работу Ханako-тян. Может, поговорим об этом, уделишь мне время? – так это староста! – Я буду ждать в школьном кафе в торговом квартале, где мы отмечали начало триместра.

- Хорошо, Макото-сан, - в принципе, недалеко. Заодно и позавтракаю.

Когда я подошел, она уже была там. Как и всегда аккуратная и строгая, но при этом явно очень взволнованная.

- Привет! – помахал я.

Она с улыбкой кивнула. Нет, точно что-то не так. На нее совсем не похоже. Официантка принесла мне кофе.

- Как Ханакотян? – глоток апельсинового сока и холодный, пронизывающий взгляд поверх картонной улыбки.

Уехала только что. Вернется в конце августа.

- Не будешь скучать? – теперь улыбка стала совсем фальшивой, а глаза – злыми.

Конечно, буду скучать. Сердце ведь у меня есть. И живое, не тряпичное.

Опять глоток. Кстати, я так и остался с чашкой кофе – больше заказов не было. Может, пирожное, какое спросить?

- Сэру-кун, - стакан в сторону и прямой взгляд на собственные ногти, - Извини за то, что я вчера сказала...

Да я и сам палку перегнул...

- Не перебивай, пожалуйста, - тихо и грустно проговорила она, теребя собственные пальцы, - Мне не следовало так открыто говорить, но... Но ты и вправду мне интересен. Я понимаю, что это нечестно по отношению к Ханакото, но честнее, чтобы ты это знал.

Я знаю это, Макото. Хоть мне и противно такое признавать.

- Когда я читаю главы твоей ранобэ, мне кажется, что ты совсем другой. Более взрослый, зрелый, с правильным взглядом на жизнь, - вот сейчас её взгляд потеплел и улыбка стала более настоящей, - Такой человек не может не вызывать симпатию.

Угу. Я такое уже где-то слышал. Ах, да, собственный плач. Я такой хороший, почему же меня не понимают, да? Макото-сан, ты не читала последней главы. А вот я, кажется, угадал твой характер.

- Кстати, ты собираешься дописывать новеллу?

Удар под дых. Нечестно, Макото. Я же говорил, что не справляюсь с заданием...

- Так я и не гоню тебя. Мне просто интересно, чем дело закончится?

- Ты застрелишь Ханакото, а я – тебя.

Повисла пауза. Не неловкая, вызванная смущением, а жесткая пауза от шока.

По лицу Макото пробежала целая гамма эмоций – от растерянной улыбки, до гримасы ярости. Похоже, она опять не понимала, как нужно правильно реагировать. А кто бы мог понять? Думаю, на её месте и я бы не сообразил, что делать дальше.

- Значит... Вот она... Моя роль в твоей новелле...

Да. Так и есть. Тебя я берег для финала.

- Ты знал. Знал, да? Знал, что я чувствую?!

Не знал. Честно. Но видимо подсознание догадывалось. Или я попросту убирал возможных конкуренток, как, например, Ютами-сан.

Не расстраивайся, Макото. Могло быть хуже. Это ведь просто книжка, которая никогда не будет опубликована, и никто о ней больше не узнает.

Староста встала с места. Ну вот, сейчас опять убежит... Я даже почувствовал какое-то разочарование. Но Макото снова села. Подозвала

официантку. От удивления у меня глаза на лоб полезли, так как она стала заказывать сладостей на целый пир.

- Ты не просто угадал, - смеялась Макото, поддевая вилкой очередное пирожное, - Я и сама не догадывалась о себе такой!

Да уж. За прошедшие полчаса к нам присоединились Асакава, Мотоки и Ютами-сан и теперь мы все весело отмечали окончание моей работы над новеллой и начало каникул. Староста остро шутила и без конца улыбалась, Ютами-сан, смотрела на меня грустными глазами, а за ней неумело пытался ухаживать Мотоки-кун. Асакава же, влюбленными глазами смотрел на Макото.

А я чувствовал себя лишним на этом празднике. Наверняка закончится все, как и в прошлый раз. Мы снова побредем по торговому кварталу, а затем распадемся на парочки с одним третьим-лишним. Вот только оказываться вместе с Ютами или, того хуже, с Макото мне очень не хотелось. Потому, выждав паузу, я объявил что ухожу.

Встал сегодня рано, да и в офис редакции заглянуть нужно – как-никак работа у меня. Отсчитав примерную долю за обед, я откланялся.

А в спину мне смотрели глаза двух, враз погрустневших, девушек.

Так. Это плохо. Очень плохо. Начинает образовываться печальная гаремная (*три девушки!*) история – и я в её центре. Мне такое не нужно. Я только-только понял и принял свои эмоции и чувства к Ханако и – вдруг это! Ну, ладно Ютами-сан, в принципе мы с ней уже поговорили в свое время, и раз она не согласилась на меня свободного, то не будет пытаться отбить и сейчас, когда я снова встречаюсь с Ханако. Но староста! Такого я не понимал.

Неужели она не оставит меня в покое? Неужели начнет преследовать, как случилось сегодня? Может, всё-таки нужно было уходить из клуба, чтобы не подставлять Ханако?

В офис редакции меня не пустили, но вышедший менеджер сразу понял, кто я и чего хочу. Взяв номер моего телефона, и велел выписать пропуск, он отправил меня домой, пообещав позвонить завтра с утра. Очевидно, что работать на дому как Ханако, мне не дадут. Что ж тем лучше.

Дома я просто завалился спать. Чересчур перенервничал за день, да и не выспался толком.

Проснулся от мягкого вибрирования телефона – сообщение. Ханако отчитывалась за день: *«Приехала. Папа меня встретил. Мама приготовила отличный ужин. Меня похвалили за табель. Хабаяши-сан пока не приходил. Уже скучаю по тебе»*. А в конце опять маленькое сердечко – она до сих пор стесняется это говорить и писать, хотя уже и сказала несколько раз.

Я отбил ответ: «Отдохни хорошенько, о работе не беспокойся». И тоже – маленькое сердечко в конце. Да, и мне как-то неловко писать «люблю тебя», но я знаю, эти слова – оберег для нас. Благодаря ним, мы не отказались друг от друга и остались вместе.

Летом время каникул проносится незаметно. Дни летели за днями, недели за неделями, вот уже прошли июль и почти половина августа, а я так и не нашел время чтобы неожиданно нагрянуть к Ханako. Может оно и правильно, не стоило мне сталкиваться со студентом Хабаяши, или раньше времени встречаться с её родителями?

И вообще, не торопимся ли мы взрослеть?

В конце концов, я добил домашнюю работу и полностью втянулся в задания редакции. Менеджер привлекал меня не только для корректуры – снова пришлось садиться и за программу для верстки, и работать курьером, и помогать в офисе. Но я не жаловался – зачем? Это работа, за неё платят и, кроме того, так я помогаю Ханako.

Родители оценили мои стремления, отец, который наверняка мечтал, что бы я пошел по его стопам в фирме, не возражал, и не урезал мои карманные деньги. Только спросил, а не желаю ли я вообще уйти из дома до окончания школы и жить самостоятельно. Пришлось его успокоить, что пока не начну нормально работать, о таком не может идти и речи.

Фестиваль О-бон здесь проводился в августе. Немного непривычно для нас, обычно отмечавших его в июле, но, тем не менее, для меня это в самый раз, ведь на праздник обещала приехать Ханako.

К этому времени мне стало окончательно ясно, что между старостой и Асакавой наметился некий прогресс. Буквально с первого дня каникул она звонила почти каждый вечер, то и дело звала поговорить, на что я железно отвечал, что работаю и отказывался. Тогда она слала мне огромное письмо с анализом собственных эмоций и словами Асакавы произнесенными на последних посиделках в кафе, и просила дать совет, что ей делать и как отвечать. Видимо, он последовал моему совету и признался Макото. Я, как мог, пытался ей помочь. Но буквально на следующий день она слала очередной, несколько измененный анализ собственных чувств, и приходилось всё начинать сначала. Куда правильней было просто позвонить самому Асакаве, но она продолжала создавать сама себе проблемы, не решаясь на прямой разговор с парнем. А это означало, что с начала нового триместра начнется и очередной виток проблем.

И чего они сами с собой разобраться не могут? Почему на меня это свалилось? Я что, самый умный? Самый правильный? Самый удачливый?

Нет, но если Макото отдаст свое сердце Асакаве, то она оставит в покое мои взаимоотношения с Ханako. Не станет пытаться отбить меня. А вот это напрямую меня и касается. Так что, счастье Макото и Асакавы – это и моё с Ханako счастье. И никак иначе.

Значит, нужно думать. Итак, Асакава признался Макото. Неумело, но настойчиво предложил стать парой и встречаться. После этого дал несколько дней для раздумий. А прошел уже почти месяц! Макото в смятении, она не знает, как реагировать. Оставаться одной уже не позволяет гордость – никак второй класс старшей школы, пора парня заводить, но с её репутацией пацанки, единственные кто оставались – я, которому наплевать, и Асакава, который любит её со средней школы. Я отпадаю по вполне понятной причине, тогда – только Асакава. Но Макото не знает как себя с ним вести. Она никогда не воспринимала его всерьез и потому с одной стороны – это удар по её авторитету, встречаться с таким оболтусом, да ещё и которого игнорировала четыре года, а с другой, ну кто ещё решился ей признаться в любви?

Тогда... Тогда ей остается только изменить Асакаву. Сделать из него парня-мечту. Чтоб не стыдно было и подругам показать. Так и сделаем.

Я отбил сообщение старосте: *«Единственный выход – переделать Асакаву. Завтра я свободен до обеда. Встречаемся в школьном кафе в 9.00»*. После чего позвонил самому Асакаве и настоял на том, чтобы и он пришел в кафе, разумеется, не упомянув о старосте.

Сейчас мне остро не хватало Ханako. Её мягкого голоса, аккуратной вразумительности и спокойствия. Может написать ей? Сказать, что я люблю её и скучаю?

Вж-ж-ж – вздрогнул мой телефон. Сообщение: *«Я согласна»*. Макото-сан. Ну что же, теперь осталось самое главное. Реализовать наш план. Как – это уже другой вопрос.

Сообщение от Ханako пришло поздно вечером, когда я уже полуспал. Однако дремоту унесло, как ветром, едва я прочел первые строчки: *«Сегодня к моим родителям приходил Хабаяши-сан. Просил моей руки. Я убежала в свою комнату и просидела там остаток дня. Не знаю, что они решили. Я не хочу обманывать своих родителей, не хочу расстраивать их, но я люблю тебя»*.

Сказала... Черт, что она написала?! Я перечитал сообщение. Отбил ответ: *«Я могу приехать завтра. Ты представишь меня родителям, и тебе не придется врать, я скажу всё сам. Если потребуется, попрошу твоей руки»*. И только отправив сообщение, понял, что написал.

Попрошу её руки?! Сердце опять провалилось куда-то в пятки и гулко ухало оттуда, сотрясая всё тело. Руки?.. Я?.. Я не могу, я только школьник... Я не способен обеспечивать семью... Мне негде жить, нет работы...

А врать я мастак... А ведь она поверила мне... Доверилась... А я?... Хочу опять убежать? Ведь рано или поздно пришлось бы такое говорить!

Но не после пары месяцев встреч и нескольких поцелуев! Позднее, через год-два...

Ответ так и не пришел. Да, она хорошо меня изучила, хорошо знает мой импульсивный характер – сперва ляпнуть, а потом сожалеть об этом. Что

же делать? Сделать вид, что ничего не произошло? А может просто извиниться за этот порыв? Угу, а что она подумает? Струсил опять?

Нет. Нужно отвечать за свои слова.

Асакава не просто опоздал. Он лениво и заспанно притащился, когда мы с Макото уже выпили по две чашки кофе и съели по три пирожных. Однако увидев старосту за одним столом со мной, он изменился в лице и едва не убежал обратно. Я удержал его уже в дверях.

Ты что творишь, Асакава?! Ты знаешь, чего мне это стоило? Сколько нервов я за месяц истратил?

- Это ловушка, Сэру! – барахтался Асакава, тщетно пытаясь вырваться из моего захвата, - Ты не понимаешь, она использовала тебя...

- Садись и слушай! – рывкнула со своего места Макото, всё также лениво ковыряющая вилкой пирожное, и парень сник и послушно уселся за наш столик.

Эй, а он точно тебе признавался, Юдан-сан? Что-то тогда за месяц его запад полностью иссяк. Или это жара на него так действует?

Молчание затянулось. Асакава бурил взглядом стол, Макото уставилась в окно. Один я по очереди смотрел то на одного, то на другую. Если подумать, то они идеальная пара. Горячая и жесткая Макото и вялый и нерешительный Асакава. Однако именно у него нашлась воля сделать первый шаг. Как это вообще случилось?

«Признание Асакавы»

Так получилось, что после ухода Сэру, Мотоки вызвался проводить Ютами-сан, и они ушли, оставив Асакаву и Юдан-сан одних. Выбора не оставалось и потому, Хаянэ устало поплелся следом за старостой.

Всю дорогу они молчали. Асакава думал над многократно сказанными словами Сэру о том, что нужно сделать шаг иначе он так и рискует навсегда остаться один, и о том, что сейчас, наверное, самый подходящий момент. Но едва он открывал рот, то натыкался взглядом на прямую спину Юдан-сан и язык его прилипал к нёбу, а горло пересыхало, и он не мог произнести ни звука.

О чем думала Макото-сан, он не знал и даже не мог догадаться, но наверняка не о нем.

Наконец, на перекрестке Юдан-сан остановилась.

- Ну, всё, мне в другую сторону, - проговорила она не оборачиваясь.

- Да, - повесил голову Асакава.

- Ну, хорошо тебе провести каникулы. Смотри не запускай домашнее задание, - в зеркале на столбе было видно, как она бросила на Хаянэ быстрый и испытывающий взгляд и задумчиво закусил нижнюю губу.

- Да, - ещё ниже опустил голову парень.

- Ну, увидимся...

«Да...», так и хотел просто произнести Хаянэ, но что-то словно толкнуло его в спину. «Если она уйдет сейчас, то я больше не увижу её до осени! Если не скажу сейчас, то и не смогу сказать позднее – больше такого шанса не будет!» Буря эмоций кипела в его сердце, и он заставил себя разлепить губы:

- Юдан-сан! – выкрикнул он, - Вы мне нравитесь! Вы станете моей девушкой?! – она застыла, не оборачиваясь, плечи её вздрогнули, - Я не тороплю вас, ответите, когда будете готовы. Я буду ждать!...

Ну, как-то так, наверное. А уже вечером, Макото атаковала мой телефон своими звонками и сообщениями. И так в течение последних дней июля и половины августа. Тогда чего они сейчас-то молчат?

Да мне что, заняться больше нечем?!

Значит так... Асакава. Тебе нравится Макото, верно? Не отрицай, ты мне сам говорил. Ты готов с ней встречаться? Говорить ей комплименты, вместе обедать, провожать со школы, а в выходные водить развлекаться? Ты готов посвятить ей значительную часть своей школьной жизни? Ты готов измениться ради неё, наконец?!

- Да...

Не слышу!...

- Да!

Хорошо. А ты, Макото, готова изменить свою жизнь в угоду прихотям Асакавы? Готова поддерживать его, помогать ему, защищать его, если придется? А ведь придется...

- Да.

Коротко и ясно. А как изменился взгляд Асакавы после её согласия! Наверное, так выглядит человек, месяц проведший на Северном полюсе, когда на горизонте появляется спасательный ледокол. Я подумал, что он сейчас упадет на колени, как перед Императором.

Но парень не упал на колени, а просто поклонился сначала Макото, а затем мне.

- Премного благодарен, Юдан Макото-сан, что ответили на мои чувства.

Уф, прямо гора с плеч. Я улыбнулся и пожал Асакаве руку.

- Встретимся на Фестивале О-бон. Устроим двойное свидание.

А вот у Макото было совершенно непонятное выражение лица. Она что, так до конца ни не осознала, что сейчас произошло?

- Эй, Макото-сан, - позвал я. – Время менять Асакаву. Начнем с внешнего вида?

-Менять? – опешил Хаянэ.

- Конечно, - в глазах Юдан-сан сверкнул хищный огонь, - Мы из тебя сделаем мечту.

Вернулся я домой поздно. В редакции опять была горячка, и потому пришлось работать до упора. Но есть и плюсы – благодаря помощи старших наставников и постоянной практике, я уже не боялся программ для верстки и с легкостью размещал на страницах и тексты, и картинки.

Устало поужинал и вернулся в свою комнату, где рухнул на диван. Пощелкал пультом, переключая каналы телевизора, нашел дурацкий сериал про роботов и, убавив звук, зарыл глаза.

Превращение Асакавы в парня-мечту проходило трудно и скомкано. Он наотрез отказался красить волосы, потому пришлось просто ограничиться новой прической. Потом, Макото потащила парня к себе домой выбирать одежду и вместе делать домашнюю работу, к которой, как оказалось, Хаянэ даже ещё не притрагивался. Она что, хочет из него гения создать? Боюсь, у парня мозг не выдержит. Он перед экзаменами очень плохо выглядел из-за зубрежки, а заниматься этим постоянно? Он сбежит скорее.

И всё-таки, кого она хочет из него сделать? Хулигана? Ботана-отличника? Циника-цуккоми?

Он вполне интересен в своем нынешнем амплуа рубахи-парня. Неглупого, но простодушного, недисциплинированного, но не задиру-прогульщика. Быть может, со временем она это поймет и перестанет его мучить? Или он сам войдет во вкус и станет профессиональным ко스플레이щиком с тысячько масок и костюмов, но потеряет себя настоящего...

Вж-ж-ж-ж. Телефон... Я открыл глаза и нащупал трубку. Сообщение от Ханako. Сразу вспомнилось наше вчерашнее общение.

«Здравствуй. Спасибо, что не приехал. Извини меня за то, что я вчера наговорила. Я сама поговорила с Хабаяши-саном и убедила его не мешать. Думаю, он всё понял правильно. Я скоро приеду. Люблю тебя».

Ханako... Маленькая, но отважная школьница, готовая защищать наше с ней счастье любой ценой. Замечательный человек. И ни слова о моем порыве. Как же я перед ней виноват... Ничего, впереди у меня целая жизнь, чтобы извиняться каждый день.

«Это я должен просить прощения. Не вини себя. Я рад, что проблема решилась. Я скучаю. Люблю тебя».

Нужно быть честным и уметь говорить правду. Тем более – повторить наш оберег.

Я выключил телевизор и завалился спать.

Как и обещала, Ханako приехала за день до местного фестиваля Обон, хотя сообщила мне о своем приезде лишь на следующее утро, назначив встречу на станции после обеда.

Я прибыл за десять минут до назначенного времени. Платформа уже была полна людей – в основном в юката. Я уже забыл, когда облачался в подобное – наверное, на праздник «7-5-3» меня одевали в традиционную одежду. Я даже на Новый год в храм ходил в обычной куртке. Наверное, всё

дело в воспитании – отец тоже носит только западную одежду и только во время редкого отдыха на горячих источниках переодевается в юката.

Время шло, но Ханako не появлялась. Несколько раз я порывался позвонить, но останавливался – девушке нужно время для подготовки. Наконец передо мной появилась опрятная красавица и улыбнулась:

- Добрый день, Хироки-кун!

Ханako я просто не узнал, хотя она все десять минут ожидания вертелась поблизости. Юката с красными розами, синий пояс с настоящим узлом, аккуратно убранные волосы с желтым цветком – видимо, не один час она провела в салоне красоты, что бы удивить меня. Признаюсь, ей это удалось.

- С возвращением, Хана-тян, - проговорил я, не отводя от неё глаз.

Не просто красавица, а моя красавица.

Подошла ещё одна пара – девушка в синем юката с бабочками и желтым поясом и парень.

- О, Юдан-сэмпай и Асакава-сэмпай, - поклонилась Ханako. А она откуда его знает?

Хаянэ, так же как и я, был в обычной одежде, но более строгой – темные брюки, светлая рубашка. Обычно взлохмаченные волосы, на этот раз аккуратно убраны. Даже привычных для него синяков на руках не было видно – может он и в бейсбол играть перестал? Староста придирчиво осмотрела нас, указала мне на мятый воротник рубашки и вздохнула. Ханako тихонько хихикнула на этот знак внимания и взяла меня за руку.

- Ну, все в сборе, тогда отправляемся, - скомандовала Макото-сан.

Основные мероприятия фестиваля проходили на громадном поле для регби. В центре его установили традиционную башню для барабанов, а вокруг под сетью фонариков стояли палатки и лотки. Люди уже собирались, откуда-то звучала музыка, пение.

Неподалеку от поля раскинулся и Речной парк – аллея из сакур с узкими дорожками и скамейками вдоль упрямой в бетонный канал реки. Здесь, под тенью вишен, мы и гуляли, пока грохот барабанов не возвестил о начале самого праздника.

Сам танец Бон-одори, который танцевали несколько десятков танцоров в одинаковых одеждах, не слишком отличался от виденных мною раньше, да и набор развлечений был стандартным – от ловли золотых рыбок до тиров. Кажется, и сам фестиваль меня перестал удивлять и интересовать ещё года два-три назад.

Однако гораздо интереснее всё это было теперь, с любимой девушкой и друзьями. Отовсюду звучала музыка, иллюминация слепила глаза, и, зажав в руке ладошку Ханako, я бродил среди лотков, то и дело совершая бессмысленные, но смешные глупости, что бы повеселить её. Наверное, раньше я никогда бы не попытался подстелить в тире медвежонка для девушки (промахнулся, конечно) или купить целое блюдо с такояки (съели мгновенно).

Окончание праздника мы снова встречали в Речном парке.

- Наверное, здесь очень красиво весной, когда сакура начинает цвести? – тихонько спросила Ханako. Её гэта постукивали в наступающей тишине, и только стрекот цикад мог с ними поспорить в издаваемом шуме.

- Очень, - серьезно ответила Макото-сан, - наша средняя школа недалеко и каждую весну я специально старалась заглянуть сюда.

Асакава отмалчивался. Да, Макото хорошо поработала с ним – парень стал выглядеть более солидно, по-взрослому, и в тоже время более открыто. Словно студент-юрист...

А! Точно! Вот кого она сделала из него!!! Студент!

- А мне нравится, - проговорила Ханako, - Асакава-сэмпай, сейчас такой серьезный.

- Он и раньше клоуном не был. Или я ошибаюсь? – на что Хаянэ не удержался и просто расхохотался.

Макото вздохнула и покачала головой.

- Никакой выдержки, - резюмировала она. – Ну, ничего, завтра начнем всё сначала.

День догорал. Горизонт полностью почернел, и только луна ещё сияла в темных небесах. Сняв гэта, и подобрав подол юката, Ханako осторожно шла по песку пляжа. После расставания с Макото и Асакавой, она предложила мне прийти сюда. Возле Оазиса – пяти высоких пальм, посаженных посреди пляжа, девушка остановилась.

- Нам нужно поговорить, Хироки-кун, - проговорила она, - очень серьезно...

- Я слушаю, - нахмурился я.

Не нравится мне это начало. Совсем не нравится. Что же произошло у неё дома за эти дни?

- Хироки-кун, папа хочет перевести меня домой, в нашу старшую школу. Не сейчас, зимой. Наверное, я учусь вместе с тобой последние месяцы...

Глава 6

Первое сентября. Первый день второго триместра. Весьма насыщенного – тут и традиционные спортивный и культурный фестивали и Рождество и куча новых экзаменов.

И, наверное, это последний триместр с Ханako.

Сразу после фестиваля О-бон, она уехала обратно домой – наверное, пыталась переубедить родителей. Вернулась только вчера. Безрезультатно.

Вчера она запретила мне приходить, но я знал, что она, скорее всего, плакала весь вечер. Я был поблизости – маялся неподалеку от её пансиона, всё ждал, что она позвонит, но так ничего не дождавшись, вернулся домой.

Ханako подождала меня у станции, и поднимались на школьный холм мы вдвоем, держась за руки.

Мы оба молчали, но если я просто смотрел вперед, то Ханako опять тихонько вздыхала, и от этого становилось ясно, что ничего не изменилось – зимой она уедет.

А как же я? Неужели забуду о ней? По привычной формулировке – мы вряд ли ещё встретимся?! Не хочу! Я не хочу о ней забывать!

И как же быть? Как упротить её отца изменить своё решение? Поехать самому? Не глупи – это из-за тебя её и забирают. Ведь так, да Ханako?

Самое отвратительное в том, что она так и не назвала причину такого решения. Из-за отказа Хабаяши? Из-за её слов о том, что у неё есть парень? Из-за чего-то другого?

- Не молчи, - разлепил губы я, - Скажи хоть что-то, Ханako-тян...

- Я не хочу уезжать отсюда, Хироки-кун, - еле слышно отозвалась Ханako, - Не хочу оставлять тебя... Не хочу бросать школу, клуб...

Тогда скажи, почему так получилось? Из-за чего? Из-за меня?

- Нет... Из-за меня, - опустила глаза Ханako.

Мы уже подходили к воротам, когда она словно вспомнив, вырвала руку и отодвинулась на шаг в сторону. Опять! Я упрямо поймал её ладонь.

Мы – пара. Мы – вместе, не забывай, Ханako-тян. Мы – любим друг-друга.

День был коротким, и ещё до обеда можно было пойти домой, но староста собрала нас в клубе.

Посмотрела свысока, вздохнула и объявила:

- У нас новый участник – Асакава Хаянэ-сан.

Наш студент-юрист вошел в кабинет клуба и вежливо поклонился под аплодисменты.

Асакава стал очень немногословным и кажется чуть задумчивым. Скорее всего, это причина тех ограничений, что наложила на него староста. Теперь, что бы услышать хоть одно слово, требовалось задать прямой вопрос. Странно было видеть обычно болтливого приятеля таким.

Да, теперь его точно не узнать. Интересно, а внутренне он меняется или все такой же взбалмошный – и эта перемена одно из проявлений его путанного характера?

Ну, ладно. Значит, ты Асакава решил вступить в литклуб? Похвально. Быть может, теперь ты снимешь часть забот с меня?

- Ну, уж нет, - покачала головой староста, - Ты, Сэру-кун, у нас главный специалист по верстке. Тебя очень хвалили в газете.

Во напросился... И кто меня за язык тянул? Тогда что он будет делать?

- Придумаем, - кивнула Макото-сан, - главное, что теперь нас четверо. И мы можем попросить дополнительное финансирование. Школьный Совет не сможет теперь отказать, ссылаясь на отсутствие людей в клубе.

Скромно так... Эй староста, а ничего, что мы и так едва работаем? Чем газету будем заполнять?

- Ха! Хороший вопрос, - в глазах Макото-сан заплясали дьявольские огоньки, и это настораживало, - Ведь у тебя есть что опубликовать, да? Не скромничай. Ханako-тян, дописывает свою вторую новеллу, одна – твоя, плюс Асакава-кун подбросит идей. Подбросишь? – обернулась она к Хаянэ.

- Разумеется, - флегматично ответил он со снисходительной улыбкой.

Черт, как же хорошо она с ним поработала!

Ну, и какие идеи ты подбросишь нам?

- Об этом потом. Завтра ты, Сэру-кун, приносишь свою ранобэ, и мы начинаем публикацию глав как раз до Рождества. У меня есть знакомый художник, он сделает иллюстрации – ещё займет немного площади. В общем, вся четвертая страница – твоя. На третьей – новелла Ханako-тян и кулинарные рецепты, мне обещали ещё месяца на два их растянуть. Вторая и первая – школьные новости. Скоро спортивный фестиваль, затем – культурный фестиваль. Новостей хватит. Ну, что? За работу?

А сейчас-то что делать? Не хотелось бы расстраивать, но...

В итоге, странно молчаливую Ханako опять послали в библиотеку за книжными новинками, Асакава занялся основами редакторского мастерства, разумеется, под чутким руководством старосты, а я опять сел за верстку.

Оно, конечно, верстать пустые страницы всегда легче, но вот основная головная боль ждет меня завтра...

Стоп. Так я что, смирился с публикацией своей ранобэ? И с тем, что её не поймет и половина причитавших? Особенно мой класс?!

Да плевать. Её поняла Ханako, её приняла даже Макото, пусть и с некоторой оговоркой. Значит ей быть опубликованной!

Наверное, это то малое, чем я могу отблагодарить Ханako за то, что она сохранила мою новеллу.

Асакава остался со старостой и домой мы шли вместе с Ханako. И снова молча. Как же её растряссти, что бы она вернулась в хорошее

расположение духа? Как вернуть её природный оптимизм? Страшно подумать, но в последний раз я видел её по-настоящему счастливой только на фестивале О-бон, да и то, тогда её сердце уже омрачало знание об уходе.

Что же произошло, а?! Ну почему ты не хочешь говорить?

Распрощались мы на станции – Ханako собиралась зайти в офис редакции, но не хотела, что бы я шел с ней. Пришлось повиноваться и, помахав рукой, отправиться домой.

Дома я включил компьютер и ещё раз просмотрел свою новеллу. В последний раз подумал, а не изменить ли имена, но опять сдержался и оставил всё как есть. Пусть так и будет. И если одноклассники после публикации решат устроить мне темную или перестанут со мной общаться – значит заслужил.

Настроение у Ханako не появилось и на следующий день. Во время обеда я понял, что она забыла принести бэнто, и потому мы оба остались голодными. Стало ясно, что пора перестать на неё надеяться.

После занятий, в клубе староста снова перечитала новеллу, особенно внимательно – финальную сцену. Громко фыркнула, но затем улыбнулась и, подозвав Асакаву, с улыбкой проговорила:

- Смотри, Хаянэ-кун, и учись правильно излагать свои мысли. Если не хочешь обижать влюбленную девушку отказом – просто убей её. Коротко и доходчиво.

А я так и не понял, критика это или комплимент.

Ханako сидела углу и возилась со своими книгами.

- Эй, ты как? – подсел я к ней, - есть хочешь?

Она вскинула голову. Растерянность промелькнула в её глазах, смешиваясь с тоской и сдавленной болью. Я отдал ей купленную после занятий шоколадку и вернулся к своей работе.

Вот так, со странностями и нелепостями, постепенно переходящими в систему, прошла неделя.

В день выхода газеты я старался быть как можно незаметнее. Надеюсь, что не все одноклассники станут подбирать заботливо развешенные на стенде информации и столе в холле свободные экземпляры.

Напрасно.

Разумеется, первыми на большой перемене меня обступили, так и не дав удрать, подружки Нагара-сан и Михара-сан – длинноволосые, почти одного роста со мной, с длинными ногтями и фальшивыми улыбками на миловидных лицах.

- Сэру-кун, ведь это твоя новелла вышла сегодня?

- Ну да, - попытался улыбнуться я. Получилось плохо.

- Я смотрю, ты почти весь наш класс там перечислил? – заговорила Нагара-сан, - а мы там будем?

Да как сказать... В первой главе ещё не всё так плохо, а вот дальше... Интересно, что они мне скажут после того как прочитают сцену со своим участием?... Ух, лучше не думать. Нужно было имена поменять!

- У тебя хорошо получается, - подмигнула мне Михара-сан, - мы ждем нашего появления...

Так, это проблема...

Пока я не покинул класс, меня ещё несколько раз останавливали одноклассники и спрашивали о ранобэ. Хвалили. Блин, они же не знают, как всё закончится, не догадываются о своих ролях...

Ко Дню Спорта Ханako совсем потухла. На вопросы почти не отвечала, сама отмалчивалась, работу выполняла как автомат – механически и зачастую с мелкими ошибками. Часто плакала. Я знал это, догадывался по синеве под глазами и охрипшему голосу, хотя она старательно это скрывала. Я пообщался с менеджером в офисе редакции и узнал, что и эту работу она выполняет спустя рукава и её вообще собираются уволить. Стоя на коленях, я упрямил менеджера не делать такого, пообещав исправлять все её ошибки и делать другую работу в свободное от школы время за половину зарплаты.

Теперь мы стали и реже видеться. Версткой школьной газеты я занимался в обеденный перерыв и в выходные, а сразу после школы уходил в офис редакции и работал там допоздна. В клубе она почти перестала появляться и лишь изредка, и то в моё отсутствие, заглядывала, отдавая распечатки старосте.

Иногда менеджер предлагал мне совсем бросить школу и идти работать к ним на полную ставку. Когда я отказывался, предлагал всё-таки уволить Ханako и повысить зарплату мне. Получив снова отказ, грустно вздыхал и понимающе похлопывал меня по плечу, приговаривая что-то на иностранном языке. Кажется на французском.

Макото-сан, наверняка, видела состояние Мацури, но почему-то не стремилась что-либо делать. Только иногда посматривала на меня, дескать, как, выдержишь? Устоишь? Справишься? Ей-то хорошо, сейчас она рядом со своей мечтой, а каково мне? Я забыл о прекрасных обедах Ханako, её улыбке, даже тепло её ладоней стерлось из памяти. И только жар её поцелуя ещё грел меня, не давая окончательно впасть в отчаяние.

Я понимал, что происходило – Мацури всеми силами разрушала нашу любовь, чтобы зимой расставание не принесло боли. Жуткая и жестокая логика, ведь боль эта никуда не девалась – она сейчас отравляла наши сердца и мешала мыслить, до крови закусывала губы и оставляла на кулаках следы от ударов в стену...

Во время Спортивного фестиваля Ханako записалась почти на все соревнования, изматывая себя, и в итоге упала посреди этапа эстафеты от перенапряжения и обезвоживания.

Когда я, бросив соревнования, прибежал в медпункт, медсестра меня к ней не пустила.

Что с ней? Что-то серьезное?

- Да, есть подозрение на травму правой ноги. Она сейчас спит, не нужно ей мешать.

- Я помогу ей добраться до дома...

- Не стоит. Пока она побудет здесь.

Медсестра не ошиблась. Растяжение и вывих. И в качестве бонуса – огромный синяк и ободранные ладони.

- И чего ты добивалась?

- Не знаю...

Мы медленно спускались со школьного холма. Сегодня я приехал на велосипеде и теперь катил его вместе с сидящей на багажнике Ханako, которая обнимала свой костыль и смотрела в сторону океана.

Не знаешь... А я вот кажется начал понимать, как выглядел сам в начале лета. Да уж, хороши мы оба. Не можем нормально жить...

И снова молчание. Пустое и звенящее в вечернем воздухе. А в душе закипает не просто досада – ярость. Так и хочется выплеснуть на девушку всю накопленную за полтора месяца непонимания и холодности обиду, просто выругаться! Потому что нельзя так! Зачем она себя так ведет? Хочет расстаться?! Тогда пусть так и скажет! Прямо, без увиливаний, без молчания...

А я сам как с ней поступал? Ведь и она тоже не понимала причин – догадывалась, может быть, только. Каково было ей, я думал?

Нет... Не думал и не предполагал. И только прочитав её новеллу, что-то понял... Тогда зачем она всё это повторяет? Почему ведет себя также? Абсурд. Зачем нам без конца ранить друг друга? Почему мы не можем просто жить и радоваться жизни? Почему не можем просто любить?...

Нет ответа... Я его не знаю, а Ханako молчит. Может, и она его не знает? Или знает, но боится признать?

У своего пансиона она неловко спрыгнула с багажника. Оперлась на костыль и молча шагнула к дверям. Потухшие глаза и плотно стиснутые губы. Наверняка ей больно...

- Эй, Ханako...

Я сам не понял, почему вдруг позвал её.

Он замерла и обернулась. Испуганный взгляд, бледное лицо и огромные бездонные глаза. Нужно что-то сказать сейчас, пока она рядом,

иначе я опять перестану её видеть и это непонимание и одиночество убьет нашу любовь окончательно. Тогда всё окажется бессмысленным...

- Эй, Ханako. Я люблю тебя. Не хочу, чтобы ты забывала это. Пожалуйста.

Сделал шаг. Слезы брызнули из её глаз и девушка, выронив костыль, шагнула ко мне. Едва не упала, ступив на больную ногу, но я, отбросив велосипед, подхватил её.

- Хироки-кун... Хироки-кун, - спрятав мокрое от слёз лицо на моей груди без конца повторяла она, - Я тоже... тоже... тоже люблю тебя! Я люблю тебя!!!

Теперь каждый вечер после работы я был у Ханako. Помогал готовить, ходил за продуктами, мыл посуду. И всегда приносил её любимые хризантемы. Староста благородно взяла на себя большую часть работы в клубе, освободив мне время в выходные, на работе я тоже старался не задерживаться дольше положенного, поскольку знал – она ждет меня.

Теперь мы часто разговаривали и, наконец-то, Ханako снова заулыбалась. Странно как-то – за окном берет своё осень, хмурое небо и опадающая рыжеющая листва, а здесь, в комнате Мацури, среди её цветов – словно навсегда осталось лето. Светлое и теплое чувство согревало нас, помогало нам, поддерживало нас.

Ханako, избавившись от апатии и тоски, с новыми силами опять начала работать. Когда я приходил к ней вечером, она обычно ещё сидела за компьютером, выполняя заказы редакции или клуба.

Мир и спокойствие вернулись к нам. Газета продолжала выходить, а моя ранобэ – печататься...

После недели передышки, в понедельник она захотела идти в школу, и сегодня утром я забрал её из дома, а после занятий решил отвезти обратно. Но никак не ожидал того, что произойдет.

Сразу после звонка на обеденный перерыв меня обступили Михарасан и Нагара-сан.

- Сэру-кун, что ты такое написал?

Тихий, шипящий от ярости голос. Прямо до костей пробирает.

Эй, да ведь это просто фантазии, не правда ли?

Щелк – и мою голову мотнуло вправо, а щека запылала. Щелк – и тоже самое, но уже влево...

Вот и конструктивная критика. Дождался...

... Сэру смотрел на перепуганных девушек и понимал, что не может просто так их оставить. Но Мацури ждала его в гроте на берегу и не прийти за ней он тоже не мог. Что же делать?

- Сэру-кун, - прошептала Михара, - не бросай нас здесь...

- Да, - поддержала её Нагара.

Он понимал это и сам. После разгрома Укрытия спаслись не многие. Пропал Асакава, так и не нашлась староста, не было Мотоки и малышки Осамы. Холодные, растерзанные пулями тела остальных Сэру видел лично. И вот теперь нашлись ещё двое.

- Сэру..., - молящий взгляд и бледные от усталости и страха лица.

Черт! Он не знал, как поступить. Нельзя брать их с собой – один он смог бы незаметно пройти через оцепление взрослых, но не с двумя перепуганными девушками. Но нельзя и бросать их здесь, в этой старой рыбацкой хижине – их сразу найдут и убьют.

Что же делать?...

- Ладно. Извините, но мне надо уходить. Но я вернусь, - парень посмотрел в глаза девушек, - и, вот вам, - он протянул свой пистолет, - стреляйте без страха...

Он уходил в подлесок, спиной чувствуя их обреченные взгляды. «Я вернусь за вами... Обещаю...»

Страх не уходил. Михара стискивала отданный Сэру пистолет и мелко дрожала. Рядом под села Нагара.

- Эй, - проговорила подруга, - может, давай я возьму оружие?

- Нет, - неожиданно резко возразила Михара, - Сэру дал его только мне.

- Дура! – взвинулась Нагара, - он дал пистолет нам, а ты просто первой его ухватила!

Она схватила подругу за руку сжимающую оружие, и рванула к себе. Страх, усталость, напряжение последних дней и отчаяние теперь перерождались в ярость. «Да как она смеет сопротивляться!!!».

- Отдай мне пистолет, дрянь!!!

- Ни за что, сучка! Хочешь одна живой остаться?! Да вот тебе! – защищаясь, Михара ударила Нагару рукоятью пистолета.

Та откатилась в сторону. Села, смахнула со щеки струйку крови и с диким воплем кинулась на противницу.

Они вцепились друг другу в волосы, длинными ногтями полосовали лица, яростно били друг друга коленями и локтями, катаясь на пыльном полу хижины. Неожиданно грохнул выстрел. Затем ещё. Ещё...

Михара осела на пол и хрипло задышала, отхаркивая красную жижу. На её животе чернели дыры пулевых ранений. В руке дрожал пистолет...

- Дрянь! Всегда ей была! – Нагара привстала на колени, как хищница наблюдая за противницей. – Сдохни же!!!

Ещё один выстрел эхом прокатился над округой и исчез, растворившись в вечернем воздухе.

Сэру вернулся, как и обещал. Ханako тихонько плакала за его спиной, пока он осматривал хижину и двух мертвых девушек.

«Дуры! Какие дуры!!» - яростно думал он. Подобрал свой пистолет, проверил обойму. Так и есть – четырех патронов не хватает...

«Дуры... Как можно было дойти до такого?».

Теперь их осталось ещё меньше, а мертвые скалы острова получили свои очередные жертвы...

Да, и с ними я всё-таки угадал. Потер пылающие щеки и направился в клуб. Что дальше? Мотоки меня подкараулит после школы? Или кроха Осама-сан?

После работы в клубе, когда мы с Ханako спускались со школьного холма, на половине дороги путь нам преградили трое рослых парней. Старше меня и явно не из нашей школы.

Скучающий взгляд, небрежные ухмылки и крепко набитые кулаки. Я сразу всё понял.

- Так это ты – Сэру из класса 2-Б? – поинтересовался один из парней – скулу его пересекал узкий шрам, а глаза, в отличие от остальных, смотрели несколько заинтересованно.

- Чем могу помочь?

Не видите я с девушкой? Ещё и хромой – сама она ходит очень плохо. Может, дадите пройти?

- Разговор есть... - и короткий выпад кулаком под челюсть.

В глазах вспыхнула тьма, а асфальт взметнулся и больно ударил по носу. Снова вставать очень не хотелось. Ну, нет!!!

Ханako успела соскочить с велосипеда и устояла на ногах, когда меня отбросили на землю.

- Назад! – я отпихнул её локтем и приподнялся на колени.

Выплюнул кровь. Зубы вроде как ещё целы, но язык я едва не откусил. Снимать пиджак и галстук не было времени, и я бросился на ближайшего противника.

Новый выпад парировал. Взмахнул кулаком сам, кажется, даже куда-то попал, но меня атаковали со спины – выбили ногу, отчего я потерял равновесие и, уцепившись за одежду парня со шрамом, опять повалился на землю.

Крика Ханako я даже не услышал – в глазах снова вспыхнула темнота...

Боль в нескольких местах. Но это пока, стоит шевельнуться, и всё тело отдается судорогами и спазмами. Ага, но руки-ноги вроде как шевелятся, значит, не сломали ничего... Стоп!

Я дрался, а потом? Что с Ханako?

Свет ослепил меня, крики оглушили. Неясные тени мелькали перед глазами, голова кружилась, но я упрямо тряхнул ей, пытаюсь сфокусировать взгляд. Ага, получается...

Прямо передо мной, стискивая кулаки, стоял Мотоки в спортивном костюме, он что-то громко и взволнованно говорил, но мне не было видно кому. Рядом стояли ещё какие-то школьники – я заметил Асакаву, непривычно растрепанного, и старосту. Макото держала за шиворот одного из парней – ага, того самого, со шрамом. Тот прикрывал разбитое лицо (Кто это его так? Не я, точно...) и неуверенно ползал на коленях, но девушка каждый раз рывком возвращала его на место. Интересно, где остальные?

А где Ханako?

Мотоки обернулся.

- Очнулся? Всё в порядке?

Оказалось, что я лежу на земле, но голова моя покоится на чьих-то коленях. Ханako?

- Я здесь, Хироки-кун... - её лицо появилось сверху, и я зажмурился, пряча слёзы.

Она здесь, с ней всё в порядке... Хорошо...

- Не тошнит? Встать можешь?

Да, всё хорошо... Всё-таки не удержался, но Ханako быстро смахнула с моих щек предательские слезинки.

Уже дома, когда я лежал на диване с ледяным компрессом на лице, Асакава, вызвавшийся меня проводить (Ханako увела домой староста), рассказал, что произошло. После того как меня второй раз свалили, в драку ввязалась Мацури. Многого сделать она не могла, но удара костылем хватило, чтобы сбить одного из нападавших с ног. На её крик прибежали несколько учеников, которые остановили драку, позвали учителей. С тренировки примчался Мотоки, подоспели Макото и Асакава, задержавшиеся в клубе. Налетчики удрали, бросив своего поверженного лидера, которого без конца охаживала костылем Мацури. Только староста сумела остановить Ханako и направила её энергию в другое русло – помощь мне.

- Я и не думал, что она такая боевая, - покивал Асакава, - чуть не зашибла его совсем... Кстати, чего ты не поделил с теми парнями?

Мысли есть, да вот озвучивать их не очень хочется... Совпало-то как – выход очень спорной главы, пощечины от Михары-сан и Нагары-сан и в

качестве финала – побоище после школы. Очень не хочется думать, что всё это взаимосвязано...

- Понятия не имею. Может они из общества «Запретим катать девушек на багажнике велосипеда»?

- Не смешно, - Асакава снова превратился в серьезного студента-юриста, - Не глупи, Сэру, просто так никто не нападает. Я знаю...

Так вот откуда у тебя синяки! А говорил бейсбол...

- Мотоки-куну знакомы эти ребята, потому он и злился. Кажется, один из них встречается с Нагарой-сан.

Теперь точно. Ух, как им новелла не понравилась. Странно, что народ ещё в очередь не выстраивается, чтобы меня покалечить.

- Не говори чепухи, Сэру, - вздохнул Асакава, - только идиот не смог бы понять ранобэ. Почему, по-твоему, не разозлились Харуна-сан, Мотоки-кун или Макото-сан? Ты очень точно описал характеры людей. Видимо, кому-то просто не хочется, чтобы тайное выплыло. Я скажу Макото-сан, вместе мы решим, что делать. Завтра приходи в школу, если что – мы поможем.

«Решим, что делать...». Может не стоит? Не хочется присутствовать при классном судилище. Макото, конечно, справедливая, но иногда и она чересчур увлекается. Быть может, девчонки тут и не причем. Мало ли какое дело было у тех парней ко мне. Может я кому-то из них ногу отдал в поезде. Или ещё чего...

Перед сном я позвонил Ханako. Успокоил её, сказав, что со мной всё хорошо, пообещал заехать за ней утром.

С заклеенными пластырем ссадинами и посиневшим от синяков лицом я выглядел как какой-то уголовник. Однако Ханako радостно мне улыбалась и это странно успокаивало.

В школе только и говорили о вчерашней драке. Кто-то жалел меня, кто-то восхищался Ханako, другие просто рассуждали о причинах побоища. До начала занятий меня допросили в учительской, потом в Ученическом Совете, в присутствии старосты. Везде я повторял одно и то же: «С кем дрался – не знаю, причину – не знаю». О Ханako я вообще не упоминал, словно её и не было. Не к чему девушке это. Макото хмурилась и порывалась вставить свое слово, но, видя мой предупреждающий взгляд, сдерживалась.

Видимо, ответы не понравились – классный руководитель Атто-сэнсэй, со вздохом сказал, что рассматривается вопрос о моем отстранении от занятий. Я пожал плечами, ну а что ещё сказать? Пусть решают – у них власть и право. Я – пешка, винтик.

- Не бойся, выстоим, - убежденно говорила Макото-сан.

Да я и не спорю, староста. Надоело уже.

В классе Михара-сан и Нагара-сан выдерживали нейтралитет. О драке и моих синяках не спрашивали, на прямые вопросы старосты отвечали уклончиво. Мне было видно, как злился Асакава, но холодные глаза Макото удерживали его от необдуманных поступков. Краем уха я слышал и сам разговор.

- Нагара-сан, я несколько раз тебя видела с одним из этих ребят, - мягко, но ядовито говорила староста, - он твой знакомый? Не знаешь, как его найти? Просто Сэру только отмалчивается, вот и хочется пораспрашивать, что он им сделал? – на что Нагара отвечала голосом способным заморозить весь класс:

- Да, нет, Юдан-сан, мы уже давно не общаемся. Где он живет – не знаю, номера телефона он не называл. Да и имя его уже запомнила...

- Жалость какая... Но, ничего, вспомнишь, скажи обязательно, хорошо? – эй, Макото, такой порцией яда лошадь можно убить!

Обвинять их напрямую она не решилась – доказательств не было. Вот и пыталась на нервы давить, чтобы сами себя выдали. Но девушки оказались тертыми и на провокации не поддавались.

Кстати, Макото, а как же тот парень, которого избила Ханакко? Ведь он был в твоих руках, когда меня увели домой. Неужели ты его ни о чем не спрашивала? Или это и есть твой козырь в игре с Нагарой-сан и Михарой-сан? Видимо, главный разговор ещё только предстоит.

Обедал я по обыкновению в клубной комнате с Ханакко. Но и здесь не мог спрятаться от разговора про драку.

- Хироки-кун, кто они были? – уставившись в свой бэнто спросила Мацури.

- Не знаю, - притворно рассмеялся я, - может просто хулиганы, какие...

- Но они твоё имя знали, и класс, - подняла голову Ханакко и я остановился.

Да, знали. И как я выглядел, знали. И что буду идти поздно – тоже... Вот только, что не один буду, а с девушкой – не ожидали совсем.

А вот хорошо ли это? Не станет ли это проблемой для Ханакко? Может, захотят и ей отомстить...

После занятий меня опять вызвали в Ученический Совет, теперь уже одного. Президент – переизбранный весной очкастый старшеклассник с противным взглядом и приторной ухмылкой, огласил вердикт:

- За драку, устроенную у школы – отстранение от занятий, сроком на один месяц. При повторном нарушении – полное отчисление.

С поклоном приняв решение, я, молча, (а что тут скажешь?), вышел. Забрал из клуба Ханакко и вместе с ней поехал домой.

- Не беспокойся, я теперь могу и сама ходить, - тихонько бормотала, уткнувшись в мою спину, девушка, - Медленно, конечно, но просто буду

раньше вставать утром и в клубе стану меньше задерживаться. В магазин начну сама ходить, ведь если я буду только дома сидеть – никогда не выздоровею.

Так она разговаривала сама с собой, стараясь успокоить меня, но больше успокаивая себя. Но я знал, как тяжело ей будет.

Глава 7

Дома делать было нечего. Отец промолчал, мама посокрушалась, брат посмеялся – но это и понятно. Меня не слишком беспокоила реакция близких на моё отстранение от занятий. Хуже было другое – я не знал чем себя занять. Просто валяться в комнате не позволяла совесть. Заниматься самостоятельно? Что-то не тянет. Идти на работу? Но у меня сегодня выходной, да и зададут вопрос, почему не в школе, и неизвестно, как среагируют на правильный ответ. Могут и выгнать.

Тем не менее, я вышел из дому и побрел по улицам.

Прошелся по магазинам. Посидел в парке. Время еле тянулось.

Неожиданно мне в голову пришла мысль сделать Ханako сюрприз. Заявиться сейчас к ней, приготовить что-нибудь на ужин... Или всё-таки не стоит? Нет, хозяйка меня уже знает и без сомнений даст ключ, но вот, правильно ли это будет? Одно дело приходить в гости, когда она дома. Совсем другое – когда её нет.

В конце концов, я решительно направился к пансиону Ханako.

Разумеется, хозяйка выдала мне ключи. Правда, посмотрела при этом с хитрым прищуром.

В квартире я быстро прибрался – уходя, Ханako не успела вымыть посуду и вынести мусор. Полил цветы, выбросил два старых букета, заменил воду в остальных.

Приготовление обеда заняло у меня времени больше обычного, поскольку и продуктов в маленьком холодильнике не оказалось. Всё верно – в последнее время в магазин ходил я.

Время уже поджимало, когда я быстро сервировал стол и уселся ждать хозяйку, листая сборник стихов.

Время шло, Ханako – не появлялась.

Если она действительно не собиралась задерживаться в клубе и не опоздала на поезд, то уже должна была подойти.

В пустом ожидании прошел ещё час. Я положил на место сборник и сел у окна, чтобы видеть, как она войдет во двор пансиона.

Ещё минут сорок – и опять никого.

Я бросил взгляд на будильник на столе – пятый час. Пора волноваться. Неужели она решила остаться в клубе? Я достал телефон и набрал номер Асакавы. Трубку никто не поднимал – либо тот её где-то оставил, либо не слышит звонка. Я немного поколебался и набрал Макото. И снова глухо.

Что там такое? Почему никто не отвечает? Плюнув на всё, я набрал номер самой Ханako – телефон оказался выключен. Теперь стало страшно.

Солнце уже скрылось за холмами и многоэтажками и улицы потемнели. Где её черти носят?!

Примерный её путь от станции до дома я знал и, недолго думая, пошел навстречу. По пути заглядывал в соседние магазинчики – вдруг она решила купить продуктов по дороге?

Она просто сидела на скамейке, на станции – видимо очень устала. Прикрыла глаза и, морщась, массировала травмированную ногу. Я опустился рядом.

- Я уже волновался, где ты пропадаешь, Хана-тян...

- Ах?...

Ханако чуть не упала от неожиданности. Я улыбнулся ей.

- Ну, что, пойдём домой?

Денег немного оставалось, и потому я остановил такси. Так быстрее, пусть и дороже.

Мимо улыбающейся хозяйки мы прошли к квартире. С видом фокусника, я распахнул дверь и впустил Ханако.

- Добро пожаловать, Хана-тян!

Стол с ужином, свежие цветы, чисто, прибрано... Мацури просто села на татами вытянув ногу и недоверчиво посмотрела на меня.

- Когда ты это успел, Хироки-кун?

Делать с утра было нечего, вот и постарался.

- Но ведь это...

Так теперь будет всегда. Что я за мужчина, если позволю своей девушке перенапрягаться?

- Эй, это моя работа! – нахмурилась Ханако, - Это я должна встречать тебя с ужином в убранной квартире...

Вот выйдешь за меня замуж, тогда и будешь встречать на коленях у порога, готовить бэнто на работу и натирать мне спинку в ванной... Стоп, кажется, увлекся.

У Ханако даже уши покраснели. Она отвела глаза в сторону и потеряла свою сумку.

- Ладно, - смущенно проговорила она, - давай поедим, пока совсем не остыло...

- Как там, в школе? – после ужина, который всё-таки пришлось разогреть заново, мы по привычке сидели у окна. Ханако, положив подбородок на подоконник, смотрела на вечерний город, я, прислонившись к стене, смотрел на неё.

Солнце полностью село, горизонт потемнел, а в окнах окружающих домов теперь горел свет. Далеко у порта сияли огнями колесо обозрения и знаменитая на всю Японию решетчатая обзорная башня. Мы там были всего однажды, нужно будет ещё сходить как-нибудь.

Девушка вздохнула.

- Хироки-кун, Юдан-сэмпай сказала, что будет за тебя биться с Ученическим Советом. Но мне кажется, что это плохо – они могут отыграться на нашем клубе. У нас ведь всё ещё людей недостаточно, - как, совсем по-взрослому, она стала говорить! - Президент не любит Юдан-сэмпай, но пока вынужден с ней считаться. Но если она будет настаивать, могут начаться проблемы, - она снова вздохнула.

В квартире стало прохладно – ветер усилился и теперь, вечером здесь не так тепло как днем. Пора ставить котатцу. Наверное, завтра этим займусь.

- Не беспокойся, я позвоню Макото-сан и попрошу её не сильно напирать на Президента. В конце концов, месяц – не так много. Зато выйду на учебу как раз к культурному фестивалю.

- У тебя экзамены вскоре после фестиваля начнутся, Хироки-кун, - с серьезным взглядом возразила Ханako, - Можешь не успеть подготовиться.

Так говоришь, словно у тебя их не будет.

- Мне проще, я не пропускаю занятия. А у тебя – решающий год. Я не хочу, что бы ты из-за этого не смог через год поступить в Университет.

- Не возьмут в Осаку, всегда смогу остаться и поступить здесь, - подмигнул я Ханako, - высшее образование везде одинаковое.

- Не везде, - снова серьезно возразила девушка, - при приеме на работу всегда смотрят на название университета.

Ты прямо как моя мама. Она тоже беспокоится о том, что после обычного вуза не на всякую работу возьмут. А меня уже сейчас готовы в редакцию принять.

Ханako опять вздохнула и прижалась ко мне спиной. Я обнял её за плечи.

Эх, я знаю, что тебя беспокоит. Время уходит. Вот уже половина октября ушла, ещё полтора месяца и декабрь. А там, экзамены, Рождество и каникулы. А после них тебя заберут отсюда...

Черт! Ну почему тебе не хотят позволить доучиться здесь? Что же произошло тогда, летом? Что изменилось? Твоего отца уволили, и вы теперь не можете оплачивать квартиру? Всегда есть возможность найти дешевле, а если потребуется, и я буду помогать... Или дело всё-таки во мне? Или в студенте-Хабаяши? Ну почему ты не хочешь об этом говорить?!

Ханako прикрыла глаза, пригrelась – того и гляди сейчас замурлычет. Какой же она ещё ребенок... А я что – старше? Всего на год, а ума как у младшекласника...

Домой я шел пешком, уткнув подбородок в ворот куртки – стало совсем холодно. Домашние привыкли, что я пропадаю по вечерам и потому не очень беспокоились, даже не звонили – хотя про Ханako я им ещё не говорил. Может, пришло время? Наверное, так и есть, следует представить её родителям.

Отец как всегда читал, мама хлопотала у плиты, брат – мучил приставку. Как же давно я не проводил вечера с ними. Не смотрел вместе телевизор, не разговаривал, даже не ужинал! Я всегда был занят – сначала ранобэ, потом учеба и побег от себя, работа, потом я пропадал у Ханako. Наверное, они уже почти забыли, как я выгляжу по вечерам.

- Я дома! – снимая обувь, проговорил я.

- С возвращением, - отозвалась мама, встречая меня, - Ужин почти готов.

- Спасибо, я сыт, - ответил я. Немного помолчал. Замешкался в зале. Отец оторвался от газеты и взглянул на меня.

- Мама, папа, я встречаюсь с девушкой, - прямо заговорил я. – Она очень хороший человек. Можно в субботу пригласить её к нам на обед?

Ханко согласилась без раздумий. Только сказала, что хотела бы предстать перед ними здоровой, а не несчастной хромоножкой.

- Зато папа увидит, что ты упертая спортсменка, которая не щадит себя.

- Но ведь это неправда, – возразила она, - Я не хочу, чтобы они заблуждались на мой счет.

Но ведь ты действительно пострадала на соревнованиях на Дне спорта!

- Из-за своего упрямства.

Нет, когда она становится такой – проще согласится с её доводами и не спорить.

За неделю нога, конечно, не зажила и при ходьбе девушка заметно прихрамывала, хотя уже обходилась и без костыля.

- Я дома! – выкрикнул я, захлопнув за Ханako дверь.

- С возвращением! – выглянула из кухни мама.

- Это Мацури Ханako, моя девушка, - представил я Ханako.

- Спасибо за приглашение, - поклонилась она.

- Добро пожаловать, - улыбнулась мама, - Обед скоро будет готов.

Папа как обычно читал в зале. Когда я вошел, он оторвался от книги и кивнул в ответ на поклон Ханako.

- Это Мацури Ханako. Мы встречаемся.

- Спасибо за приглашение...

Несмотря на травму, сидела Ханako как положено – на пятках подобрав ноги и с прямой спиной, и даже на предложение мамы сесть более удобно, извинившись, отказалась. Отмалчивалась, говорила лишь, когда её саму спрашивали, по сторонам особенно не смотрела, хотя книги из папиной библиотеки её наверняка заинтересовали.

Я её понимал – она хочет произвести хорошее впечатление.

Отец, как и обычно, говорил мало, ну, ничего, он своё слово скажет позднее. Допрашивала Ханako в основном мама. С улыбкой, как и все что она делала, но я знал, что она приценивается к девушке и анализирует каждый её ответ – по профессии мама психолог, хотя пока и не работает.

Брату было всё равно. Он сосредоточенно жевал, радуясь более обильному и вкусному обеду, чем обычно – наверняка, ради него и остался дома.

После обеда, Ханako помогла маме убрать со стола, хотя и это могло быть ошибкой – мама никогда не терпела других людей на кухне, и это часто становилось причиной конфликтов с бабушкой – мамой отца в старом городе.

Потом мы ещё некоторое время весьма нейтрально пообщались, и я вызвался проводить Ханako домой. На что отец, лишнего не говоря, вызвал такси.

Так, это проблема. Папа никогда не делал такого. Ну, только если приходилось принимать дома гостей по делам фирмы, а такое было достаточно редко – обычно такие деловые ужины проходили в ресторанах.

Попрощавшись с Ханako и пообещав позвонить ей, я вернулся в дом. Отец, наверняка, ждал меня в кабинете.

Мимо, улыбнувшейся мне, мамы, я прошел наверх. Постучался.

- Разрешите?

- Входи.

Несмотря на приверженность к западному образу жизни, свой кабинет отец оборудовал всегда в традиционном ключе, и сидеть тут приходилось на коленях – я всегда считал это уже своего рода наказанием. Никаких кресел и диванов, как внизу.

- Как давно вы встречаетесь? – начал свой методичный допрос отец.

И как на это ответить? С весны? Неправда. Сразу после признания она уехала, а потом последовал наш первый разрыв. С каникул? Тоже не совсем верно – я признался ей ещё до экзаменов. Значит, будем идти оттуда.

- С июня, отец.

- Какие у тебя на неё планы?

Окончить школу для начала. Затем дождаться пока она её окончит. Найти работу, даже если поступлю в университет. Снять жилье. И только потом решать о женитьбе.

- Кто её родители?

- Не знаю, - честно ответил я. Брови отца прыгнули.

Нет, честно не знаю. Она никогда этого не говорила. Я их никогда не видел, даже на фото. Судя по гримасе отца, это минус Ханako.

- Я хочу пообщаться с её родителями. Узнай, всё что нужно.

- Нет.

Это право Ханako, говорить или нет. Если она будет против – я настаивать не стану.

- Не согласен? – отец редко повышал голос, но если и повышал – будь здоров.

- Нет. Но я спрошу у неё – это всё, что я могу обещать.

- Наверное, ты задаешь себе вопрос, почему я отправил её на такси, а не позволил проводить тебе? – резко сменил тему отец, - всё просто. Я заметил, что у неё травма – прихрамывает. Нельзя заставлять её перенапрягаться.

Вот оно что... Что ж, благородно.

- Можешь идти, - он вернулся к чтению.

Мама опять многозначительно мне улыбнулась и понесла отцу наверх чай.

Я вернулся в свою комнату. Упал на диван и уставился в потолок. Судя по тону, отец не против наших встреч, тем более, я прямо сказал, что намерения у нас серьезные. Можно понять и его желание пообщаться с родителями Ханako. Но... Что-то всё равно мешало нормально расслабиться. Какое-то действие, слово... Что-то в поведении моих родителей не давало мне покоя.

Вот оно! Они проверяли её. Постоянно. Как сядет, как будет себя вести, как говорит, ест, куда смотрит, даже как кланяется. И мамины расспросы – тоже проверка, не сорвется ли Ханako в женский треп, не решит ли что у нас не отец глава семьи. Несмотря на западный образ жизни, порой отец очень консервативен и традиционен – мне в детстве он то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что в нас течет кровь ронинов.

И что же, прошла она проверку? Удержалась? Хорошо показала себя? Я запомнил только один эпизод, когда мама предложила удобнее сесть. Ханako тогда удержалась от соблазна, хотя нога позднее проявила себя – сама встать из-за стола девушка не смогла, мне пришлось помочь ей. Видимо, тогда отец и понял, что у неё травма.

Сейчас они с мамой ещё раз всё обсуждают в кабинете. Наверное, дивятся, как быстро я забыл свою подругу со средней школы – они хорошо знали и её саму, и уж тем более её родителей. И, наверное, проверяли её точно так же при первой встрече – хотя я тогда вряд ли это мог заметить.

Так, скорее всего, Ханako уже дома. Я подобрал телефон и набрал номер.

- Да?

- Привет. Нормально добралась? Увидимся завтра? Я зайду к тебе к 11 часам...

И только сейчас заметил на дисплее конверт нового сообщения. Адрес неизвестный. Может спам?

«Яххо, Хироки-кун! Ещё помнишь меня? Конечно же, помнишь, никак нельзя думать, что ты так быстро забыл обо мне. Хотела съездить в гости на каникулах, но не получилось – работала. Зато завтра я буду в вашем городе! Ты рад? Ну, конечно рад, иначе и быть не может!»

Встретимся на станции Кимацу, поезд подходит в 10.30. Мне нужно тебе сказать что-то важное!!!»

Телефон выпал из ослабевшей руки. *Рёко*. Это письмо от Сирой Рёко. Девушки, похитившей мою пуговицу в средней школе...

Нет, мы не были влюбленной парой. Она держалась и девочек, и парней просто в силу своей жизнерадостности и энергичности. Всегда с улыбкой и сияющими глазами. Она была второй по успеваемости, очень спортивной и активной – с первого класса средней школы её избирали старостой девочек класса. Не смотря на имидж и повадки «принцессы», её любили и слушались. Начиная со второго класса, школьники нашего класса вместе проводили многие выходные и праздники. На неё обращали внимание и ученики старшей школы. Каждый день домой Рёко шла окруженная толпой подружек и воздыхателей, которых она ни в грош не ставила, но и не прогоняла. Конечно, ходили слухи, что она не столь проста, да и родители у неё были очень богатыми и влиятельными. Да и находились те, кто порой называл её «лживой стервой», но на их слова мало кто обращал внимание.

Кто был я для неё? Просто ещё один одноклассник. В меру скучный, в меру полезный. В спорте я не преуспел, в музыке – тоже, в другие клубы не ходил. Всегда смотрел в окно, и от провалов на экзаменах спасала только постоянная вечерняя зубрежка.

Кажется, это произошло на Новый год... да, мы с классом решили провести наш последний Новый год в средней школе вместе. Как-то так получилось, что все разошлись, и мы с Рёко шли домой вместе. Кажется, я сделал что-то хорошее тогда, и это была её благодарность, привилегия для отличившихся. Да, была у неё такая странность. Любой двоечник за неплохой результат в тесте мог либо рассчитывать на её бэнтто, либо проводить саму Рёко домой, держась за руку. Многих это подвигало на успехи в учебе.

Не помню, чем тогда её благосклонность заслужил я, но мы шли вдвоем. Она держала меня за руку, словно я был её парнем и весело улыбалась. У неё был такой чистый смех. Искренний и добрый.

Я впервые достаивался её похвалы, и потому просто не знал как себя с ней вести.

- Хироки-кун! Хироки-кун! – позвала она, заглядывая в моё лицо.

- Д-да, Сирой-сан? - смущался и краснел я.

- Эй, я ведь твоя девушка сейчас! – возмутилась она, - зови меня по имени. Ну-ка повторяй – Рё-ко-тян...

- Р-рё-ко..., - на большее не хватило духу.

- Сойдет на первый раз, - кивнула она, - Ну, что продолжаем свидание?

Словно ничего до этого не было! Остаток моих денег ушел на караоке и кафе, где мы съели по пирожному.

Сыпался легкий снежок, а мы опять держась за руки, шли по полупустым улицам. Возле автомата Рёко остановилась и купила банку с кофе. Одну. Наверное, это была маленькая вредность с её стороны, но сейчас я был готов простить ей всё.

Сделав несколько глотков, она протянула банку мне. Я замер, мне показалась, что на жести остался след её помады. Это словно бы я сейчас поцеловал её... Тем не менее, я торопливо отхлебнул, пытаюсь унять дрожь в теле.

Рёко подступила в упор и положила свои руки мне на плечи. Продолжая смотреть мне в глаза, она приблизила лицо так, что я ощутил теплоту её дыхания на своих губах. Сердце колотилось, голова закружилась, а ноги внезапно ослабли. Я зажмурился и стиснул банку...

Остаток кофе выплеснулся и залил белоснежное пальто Рёко.

- Ох, извини... Нет мне прощения...

Я торопливо отбросил банку, и начал вытирать пятно – сначала руками, а затем снегом. Получилось только хуже. Странно, но всё это время девушка стояла неподвижно, но я даже боялся подумать, чем вызван этот ступор – досадой или яростью. А может она вообще плачет? Тогда мне не жить – стоит в школе пройти слуху, что я довел Рёко до слез, меня повесят на ближайшей перемене на флагштоке.

Неловко я глянул в её лицо и просто сел в снег. Она улыбалась. Но это не была жестокая улыбка превосходства, какая была на её лице во время недавнего спортивного фестиваля, когда все парни школы выкрикивали её имя и обещали принести ей победу, надеясь на вечерний танец, а в итоге либо падали посреди трассы от изнеможения и со слезами грызли землю, либо едва не дрались, а чистая и искренняя улыбка. Немного растерянная и добрая.

Она присела передо мной и снова её руки обвили мою шею. На этот раз я даже не успел зажмуриться, как её губы прижались к моим...

В первый день последнего триместра она вела себя как обычно. То есть просто не замечала меня. И я потихоньку стал думать, что тот новогодний поцелуй был не более чем ещё одной прихотью принцессы школы.

А 14 февраля она, на глазах всего класса, вручила мне аккуратную коробку с красной ленточкой.

- «Дружеский шоколад»? – опешил я, оглушенный уханьем собственного сердца и цепляясь за последние соломинки.

- Нет, - улыбнулась она.

Да, Рёко так и не сказала главных слов, но с тех пор и до выпуска именно я провожал её со школы. Именно со мной она делилась бэнто. А на выпуске оторвала пуговицу от моего гакурана и стиснула её в кулаке.

Мы пошли в одну старшую школу, оказались в одном классе. Да, она оставалась всё такой же жизнерадостной активисткой. Снова стала старостой класса, вокруг неё всегда собирались одноклассники... Но только я один знал и другую Рёко – тихую и застенчивую, которая подарила мне нежный новогодний поцелуй...

Когда я уезжал, она действительно плакала. А я уже тогда не верил, что мы снова увидимся. Куда-то исчезли чувства к ней. Возможно, причиной стало и то, что из недостижимой принцессы, она стала привычной подружкой, которая всегда была рядом. А может никаких чувств и не существовало с самого начала и то, что я год был рядом с ней – просто благодарность за свой первый поцелуй?

Но, тем не менее, завтра она приезжает.

Зачем? Кажется, она написала, что хочет что-то сказать... Может, что ей сделал предложение парень, который «зарабатывает миллиард иен в год», и она хочет извиниться? Но мы ничего друг другу так и не сказали. Мы не были парой в прямом смысле слова – целовались лишь однажды, на свидания не ходили, даже время вместе не так часто проводили – только в школе... Мы были хорошими друзьями, я даже в мыслях не всегда мог назвать её своей девушкой, да так оно и не было. Или она хочет всё вернуть?

Но зачем?

В любом случае, до встречи с Ханako у меня остается немного времени. Нужно встретить старого друга. Тем более что она предупредила заранее...

Глава 8

Утром в воскресенье на станции было не так много людей, как в будни, но всё равно достаточно. Хорошо хоть тепло ещё.

Станция была одним из отличительных мест города. Вообще, мне он нравился. Почти полностью разрушенный землетрясением в конце прошлого века и с любовью отстроенный заново. Здесь соседствуют узкие улочки и широкие автострады, маленькие домики и небоскребы, замок времен сёгуната Токугавы и мусульманская мечеть. Прошлое и будущее, трущобы и роскошь, восток и запад соседствуют здесь без конфликтов и споров.

Я стоял на переходном мостике над путями и смотрел вниз. Поезд Рёко подошел три минуты назад.

Со своего места мне было видно всех выходящих. Взгляд мой привлекла девушка в яркой куртке. Несомненно, это она. Но... но почему с такой большой сумкой?

Я торопливо спустился на платформу.

- Яххо...

Мы сидели на скамейке в парке перед станцией. Рядом стоял её багаж – чемодан и две сумки. Рёко стискивала мою ладонь и терлась щекой о плечо, прямо как кошка.

За полгода она изменилась, но как-то незаметно: взгляд стал немного другой, фигура – заметно привлекательней. Сейчас я просто думал над её словами и не знал что делать.

- Точно не хочешь возвращаться?

- Нет. Надоело. Всегда была правильной, пора стать и дрянью. Или наоборот? – она лукаво взглянула на меня и снова зажмурилась.

- Не говори так. А жить где будешь?

- Найдем, - подмигнула она мне, - Придумаем, да, Хироки-кун?

- А со школой как?

- А никак, - легкое движение плечами, - Буду работать. Всю жизнь они решали за меня, что делать, как себя вести, с кем общаться. Теперь буду всё делать сама.

И характер у неё тоже изменился.

Ханако открыла сразу, видимо, увидела нас из окна. Настороженно посмотрела на Рёко.

- Привет! – помахал я, - Знакомься, это Сирой Рёко, моя бывшая одноклассница ещё со средней школы. Ей нужно пару дней где-то пожить, можно она у тебя остановится? Если нужно, я поговорю с хозяйкой и заплачу...

- Не говори чепухи, Хироки-кун, - остановила меня Рёко, - деньги есть, рассчитаемся.

Она протянула руку Ханако:

- Привет, я Рёко. Сирой Рёко, если хочешь. Думаю, мы поладим, - ох уж эти её западные привычки...

- Да, я – Мацури Ханako, - ответное рукопожатие и аккуратный поклон, - Сэру-сан, мой сэмпай из клуба...

Что?! Ты что говоришь, Ханako?!!

- Правда? - усмехнулась Рёко.

Пока девушки разбирали вещи, я занялся обедом. Особенное что-то придумывать не было ни времени, ни продуктов и потому я ограничился простыми блюдами. Судя по всему, Ханako понравилась Рёко. Ну конечно, таким, как она всегда нравятся тихие и спокойные девушки, не способные составлять конкуренцию. И они порой охотно держат их подле оттеняя собственные красоту и величие. Нет, плохо так о Рёко думать...

Пообедали мы втроем. Что-то нашлось и у Рёко, потому наелись все. Сейчас она почти полностью залезла под котацу и клевала носом. Мы с Ханako вышли, чтобы поговорить с хозяйкой.

- Она твоя бывшая? – прямо спросила Ханako, едва дверь закрылась.

- Да, - так же прямо ответил я, - Но мы ничего друг другу не обещали. Ни планов, ни объяснений. Просто были вместе последний год... Я не люблю её, - упреждая вопрос, проговорил я, - Да и не любил никогда, если подумать.

- Но и оставить в беде не можешь, да?

- Да...

Ханako кивнула.

- Думаю, будет лучше ей пока не говорить о нас. Когда она уедет?

Вот этот вопрос застал меня врасплах. Да я и сам не знаю. Если она всерьёз поругалась с родителями, то, зная её характер, можно предположить, что никогда.

Ханako покачала головой и постучалась в комнату к хозяйке.

- Хироки, тебе не звонила Сирой Рёко-тян?

Это было первым вопросом, едва я переступил порог дома.

- А что такое?

- Звонила её мама, говорит, что Рёко-тян уехала. Куда – не сказала, но вещи забрала почти все. Ну, так как?

- Если позвонят ещё, скажи что с ней всё в порядке. Она поживет у моих знакомых немного. Может со временем всё и разрешится.

Вечером мне позвонила Макото-сан:

- Завтра приходи в школу. Пойдем к Президенту Ученического совета, - приказала она не здороваясь и повесила трубку.

В школу, так в школу. Я пожал плечами. Синяки почти исчезли, ссадины зажили – теперь можно и в классе появиться. Да и о драке почти все, наверное, забыли.

Утром я заехал к Ханako. Видимо староста позвонила и ей, во всяком случае, девушка не сильно удивилась, увидев меня. Только опять вздохнула.

- Мы вчера допоздна разговаривали, - проговорила она по дороге, - Рёко-сан много хорошего о тебе рассказывала. До сих пор ещё спит. Вы, правда, не объяснялись?

- Нет, - и не собрались даже.

Макото действительно имела некоторое влияние и в школе – Президент со вздохом объявил о снятии наказания и послал меня на уроки. А в моей душе загорелась надежда.

На перемене я подошел к Юдан-сан и описал ей ситуацию с Рёко.

- Твой отец работает в Префектуре. Вдруг он сможет как-то решить эту проблему?

Макото с кислой улыбкой посмотрела на меня.

- Ты хочешь истребовать все её документы? Или перевести в нашу школу? Без согласия родителей – это невозможно. Пойми, самое лучшее – решить дело миром и пускай она возвращается домой. Поговорит с родителями, может её и простят.

- Она не вернется...

- Слушай, - перебила меня Макото, - кто она тебе? Сестра? Девушка? Почему ты так стараешься ради неё? Она сглупила, она заварила эту проблему – пусть выкарабкивается! На что она рассчитывала, когда уезжала? Почему поехала именно к тебе?

Я молчал под этим градом вопросов и яростным взглядом старосты. А что тут ответишь? Мне и самому хотелось бы знать ответы на эти вопросы...

- Макото-сан, пообещай, что сделаешь что можешь, - попросил я, – просто, потому что так надо. Я и сам хочу, чтобы она съехала от Ханako поскорее. А я постараюсь найти ответы на эти твои вопросы...

- Не перестарайся, - вздохнула Макото, - Смотри, она твою доброту не так поймет, и ты рискуешь потерять и её, и Ханako. Скажи ей то, что сказал мне и Харуне-сан.

После обеда я ушел со школы. Староста пообещала меня прикрыть, а мне предстоял долгий и трудный разговор с Рёко.

Сказать... Что же ей сказать? Ведь, по правде говоря, я ни Макото, ни Ютами ничего сам и не говорил. Это они поняли правильное положение вещей, поняли наши отношения с Ханako и приняли их.

Не смотря на статус школьной принцессы, никто бы не смог упрекнуть Рёко в том, что она белоручка. Когда я постучался в квартиру Ханako, она, уже наведя порядок в комнате, готовила ужин.

- О, Хироки-кун, ты сегодня рано, - улыбнулась она, - придется подождать...

- Да я и не за этим, - усевшись в свой угол, проворчал я.

Что же ей сказать? Да и как? Прямо в лоб?

- Рёко, скажи, почему ты приехала?

- То есть? Я же говорила тебе вчера...

- Нет, почему ты приехала сюда?

Девушка медленно повернулась от плиты.

- Хироки-кун, почему ты спрашиваешь? Ты мой единственный друг со средней школы! К кому мне ещё было обратиться?! – постепенно она повышала голос и в итоге почти срывалась в визг, - Ты понимаешь, я любила тебя! По-настоящему! И тогда и сейчас я никогда не забывала о тебе! И когда не стало житья дома, я могла обратиться только к тебе! Знала, лишь ты сможешь меня понять!!!

Она села на пол и затряслась в беззвучных рыданиях. Следовало бы подойти к ней, обнять, утешить, но я слишком хорошо помнил слова Макото-сан: *«Смотри, она твою доброту не так поймет, и ты рискуешь потерять и её, и Ханако»*. Да, будет только хуже...

- Эй, подгорит...

- Да пошел ты, - бессильно выругалась она.

Я, молча, встал у плиты и продолжил готовку.

Теперь Рёко, так и не сняв передника и платка, сидела у окна и, не отрываясь, смотрела на город, а я, наконец-то закончив готовить ужин, сидел за котачу.

- У меня никогда не было друзей, - вдруг заговорила она, - родители запрещали общаться с соседскими детьми. В школе я могла разговаривать только с равными. Но таких не было, либо они сами игнорировали меня, считая недостойной. Мама говорила, что я должна научиться управлять толпой, пренебрегать ими и презирать их. Что я и делала. Ради моей улыбки парни были готовы на любую глупость и подлость, но даже тогда я хотела, чтобы это приносило и пользу им самим. Девчонки ходили за мной по пятам, а я никогда не говорила с ними честно и откровенно. Я тоже использовала их. Предоставляла нужным парням и так добивалась надежных связей, предавала, если этого требовала ситуация. Это было просто делать – они все слепо мне доверяли. И только ты – нет. Ты один был достаточно независим. Ты не нуждался в моих благодарностях. Ты не хотел, чтобы я была рядом. Для тебя ничего не значила моя улыбка. Сначала я злилась, но потом мне стало интересно. И тогда я устроила так, чтобы ты заслужил мою

благодарность на новогодней вечеринке с классом. Хотелось посмотреть, каков ты, что ты сделаешь, если я окажусь рядом, как поведешь себя...

Она наконец-то повернула голову. Её заплаканное лицо было даже прекраснее, чем когда она улыбалась.

- Что получилось – ты знаешь. Я влюбилась в тебя – настоящего, не фальшивого, как я сама, и ты дал мне надежду, что можно и не оставаться дрянью всю жизнь. Каждый имеет право на что-то надеяться. Я не знала, как тебе признаться, поскольку никогда этого не делала и потому просто дождалась Дня Святого Валентина. Тогда я и решила измениться. И ты помог мне в этом.

Она встала и шагнула ко мне. Я отшагнул назад и уперся в стену.

- Теперь-то я понимаю, что опоздала с признанием. Да, Хироки-кун, я всё знаю. Нет, Ханako-тян не сказала мне ни слова вчера, так что не вини её. Она неплохой человек, но просто очень тебя любит и потому не контролирует свои сны.

Я замер. Рёко подошла вплотную, совсем как на тот Новый год.

- Она говорит во сне. И только о тебе. Знаешь, когда я это услышала, то хотела тут же задушить её подушкой. Но потом поняла, что виновата во всём сама. Мне следовало признаться тебе, а не просто делать подарки 14 февраля или отрывать пуговицу от пиджака на выпускном. Возможно, тогда ты и остался бы моим. Но я так и не заявила о своем праве на тебя, и ты достался ей, потому что она честнее меня. В первую очередь перед собой.

- Остановись, - предупреждаясь поднял я руки, - Рёко, мы помогли тебе, поддержали тебя. Не нужно ничего ломать.

- Да, - улыбка погасла и девушка вернулась на свое место у окна, - ты спрашивал, почему я приехала сюда? – фальшиво высоким голосом вдруг спросила она, - Потому что мне было интересно, а как живешь ты? Эй, Ханako, заходи, - неожиданно позвала она, - Ведь это твой дом...

Вот значит, зачем было всё это представление?! Она заметила её, входящую во двор, и специально решила устроить сцену?! Надеялась, что я не удержусь и поцелую или хотя бы обниму её?!!

- Он действительно любит тебя, - проговорила Рёко застывшей в дверях Ханako, - будь уверена. Если устоял передо мной – значит, устоит и перед любой. Ты его не потеряешь, если сама того не захочешь...

К чему была эта проверка перед Ханako? Я не понимал.

Мы ужинали втроем. Теперь не было смысла притворяться, и потому я сидел, касаясь плечом Ханako. Рёко словно бы и не изменилась. Шутила, балагурила, изображала из себя официантку и всячески дурачилась. Мне не нравилась эта маска девушки, ведь я знал её настоящую. Видимо, и Ханako было нелегко, но она выглядела странно довольной – никак приняла всерьез слова, что я ни к кому не уйду?

- Если будут проблемы, звони – я её сразу выгоню, - сказал я прощаясь.

Ханако только улыбнулась в ответ.

Домой после работы я шел медленно и задумчиво. Неожиданные признания Рёко меня не озадачили, скорее разочаровали. Выходит, она всё время мне лгала, да и не только мне. Все эти её улыбки и всё её поведение в школе – не более чем одна из масок принцессы, её способ развлечься и получить свою выгоду. Согласен, в школе иногда она казалась мне несколько жестокой и надменной, но я никогда не предполагал *такого*. Да, сейчас она гораздо честнее, но вот привычка носить маски никуда не делась. Вот так, век живи, а близкий человек всегда сможет подкинуть пару сюрпризов о себе и обо мне...

Утром в школе меня холодно встретила Макото-сан.

- Никаких шансов, - проговорила она, - твоя Сирой Рёко весьма известна в определенных кругах и потому никто не рискует связываться с её семьей. Как ты вообще с ней познакомился?, - не притворно изумилась она, - таких как ты, к ей подобным на пушечный выстрел не подпускают!

Долгая и очень грустная история. Причем даже без конца ещё. Потом, когда напьемся на дне совершеннолетия, я тебе расскажу.

Макото-сан в ответ только хмыкнула. Подошел Асакава и они со старостой о чем-то тихо переговорили. Кстати, вот и пример – ты ведь тоже Макото не самый простой человек, но рядом с тобой – Асакава. Хотя, это скорее моя заслуга...

После школы, пока я не успел удрать из клуба на работу, староста ещё раз отвела меня в сторонку.

- Тебя вернули в школу не столько благодаря мне, сколько благодаря показаниям одного парнишки. Если увидишь его, не торопись драться – ему и так от Ханако досталось.

Я понял, о ком шла речь и пообещал.

Ханако сегодня была удивительно веселой. Работала быстро и без ошибок и от неё веяло оптимизмом и радостью. Уж не от Рёко ли заразилась?

По пути домой я спросил её о такой странной смене настроения.

- Рёко-сан научила меня многим вещам, - ответила Ханако, - полезным и не очень, но главное – я не обязана полностью подчиняться родителям.

Значит вот как. Не то чтобы мне не нравились независимые девушки, но я всё-таки предполагал, что Ханако станет моей женой с согласия её родителей. И потому, столь неожиданное заявление подруги я воспринял настороженно.

Может не стоит так поступать. Давай, на зимних каникулах я поеду с тобой и сам с ними пообщаюсь?

- Нет, - вмиг потухла Ханако.

Черт, да что такое? Ответь, Хана-тян, что произошло летом? Почему тебя хотят забрать?

- Нет. Не нужно спрашивать, Хироки-кун...

Остаток дороги она опять была мрачная и молчаливая.

Рёко встретила нас вкусным ужином и неожиданным объявлением:

- Завтра я съезжаю отсюда.

Как это? Куда? Я просто застыл на пороге. Ты что такое говоришь?

- Домой поеду. Время возвращаться. Они нашли меня – сегодня я пообщалась с мамой по телефону. Ты знаешь, - подняла она глаза на меня, - я даже благодарна тебе, Хироки-кун, что ты сообщил им обо мне. Они действительно беспокоились.

Да не я, а родители мои...

- В любом случае – завтра я еду домой. А потому – сегодня мы развлекаемся!

После ужина Рёко потащила нас в город, ведь у неё так и не нашлось времени его осмотреть. Гуляя вместе с девушками и слушая их бесконечную болтовню, я вдруг подумал, что этот неожиданный приезд вовсе не принес нам проблем. Скорее наоборот – этот как глоток свежего воздуха. Ханако получила новую подругу, а – возможность пересмотреть свое поведение в прошлом и сделать выводы о будущем.

В вечернем небе плыли огни города, а мы всё шли и шли, и голос Рёко разносился, разбивая полумрак и городской шум.

После школы мы сразу направились на вокзал. Макото-сан и Асакава вызвались с нами и потому прибыли мы довольно большой компанией. Рёко восприняла это как должное – в конце концов, какая она принцесса без достойной свиты?

Пару раз она пересеклась глазами с Макото-сан и, похоже, признала в ней ровню себе. В Асакаве – тоже, и я ещё раз понял, что староста замечательно его вышколила.

Попрощались мы сдержанно, только Ханако позволила себе обнять Рёко как близкую подругу – похоже, её уроки не прошли даром.

Когда поезд скрылся за поворотом, Макото негромко сказала мне:

- Это хорошо, что у тебя хватило ума промолчать обо мне. Это было чертовски трудно найти и уговорить её родителей простить дочь. Не думаю, что ещё раз на такое соглашусь. Беру бессрочный отпуск – из-за тебя, Сэру, у меня просто ежедневное перенапряжение.

Выходит, это всё-таки работа старосты. Я взглянул на Макото-сан с благодарностью. Она не просто помогла не самому плохому человеку – Рёко. Она очень помогла и нам с Ханако. Уже в который раз...

Глава 9

Культурный фестиваль в старшей школе обычно растягивается на два дня и это время, когда школу может посетить любой желающий: в основном родители школьников – полюбоваться своими чадами, и учащиеся других школ – что-то подсмотреть для себя.

Мимо бесконечных мэйд-кафе, комнат ужасов и прочих развлекательно-пугательных аттракционов настырно рекламирующих себя и отпугивающих очередями, мы с Ханako пробирались по этажам школы, анализируя деятельность классов для будущего аналитического материала в нашей газете. Макото-сан это показалось забавным – перечислить количество кафе и забегаловок с непременно разбором меню и обслуживания. Разумеется, посещать все аттракционы мы не могли – во-первых, не хватит никаких денег, во-вторых – времени. Этим избирательно занимались Асакава и сама староста.

Время подходило к полудню, когда мы, поднявшись на этаж третьеклассников, наткнулись на аккуратную вывеску «Кафе для влюбленных» над классом, возле которого было подозрительно пусто.

- Зайдем? – предложил я.

Всё равно пора обедать уже.

Внутри все как обычно – аккуратные столики из двух парт накрытых скатертями, стойка и стойка старшекласниц в костюмах официанток, только драпировка в розовых тонах и повсюду сердечки и ангелочки. Грустноглазая официантка с табличкой на груди «Юкиэ» подала розовое меню. Выбор был небогат и завершался в основном перечислением кондитерских изделий ближайшего магазина, но зато здесь присутствовал «Домашний шоколад».

- Попробуем? – указал я на него. Ханako кивнула.

Пока готовили и несли заказ, я поинтересовался у Юкиэ-сан:

- А почему у вас так пусто, сэмпай?

В классе действительно, кроме нас никого и не было.

- Да кто-то слух пустил, что после посещения нашего кафе, пара обязательно распадется...

- Это что, проклятие какое-то? – растерянно проговорил я.

В ответ официантка пожала плечами и грустно вздохнула.

«Домашний шоколад» и вправду оказался очень вкусным. Но, тем не менее, атмосфера веселья куда-то испарилась. Быть может виной всему слова Юкиэ?

Покидая кафе, я пожелал старшекласницам удачи, и мы опять побрели по длинному коридору.

- Записала, какой это класс?

- Угу, - отозвалась Ханako, - 3-Е.

Одного шоколада было конечно недостаточно и, пройдя этаж старшеклассников, мы вернулись в клубную комнату, чтобы пообедать и занести в компьютер наши заметки. Чай уже был горячим – очевидно, не так давно здесь были и староста с Асакавой.

После отъезда Рёко прошел почти месяц. Она помирилась с родителями, выставив им ряд требований и добившись их исполнения, снова пошла в школу. Нога Ханako зажила, мои синяки – тоже. По поводу ранобэ критики тоже больше не было. Нагара-сан и Михара-сан меня просто игнорировали, да и я не пытался с ними общаться. Все вернулось к спокойствию и обыденности.

За окном была осень. Со вчерашнего дня дул ветер, на завтра обещали вообще дождь. Скоро зима...

После обеда мы продолжили наш осмотр. Теперь на очереди были мероприятия клубов и секций. По-хорошему, и мы должны были представить что-то незабываемое и отличительное от всех, но Макото-сан, в ответ на моё предложение, просто мило улыбнулась и сказала:

- Это занятие для бездельников и скучных людей. Им нечем заняться в обычные дни, потому они и придумывают себе развлечения на Культурный Фестиваль. А мы, наоборот, работаем каждый день, потому можем себе позволить отдых на фестивале.

Ну да, это и называется отдых, Макото-сан?

Странно, но в выступлении секции легкой атлетики мы не увидели Мотоки-куна. Быть может, он работает рекламщиком-агитатором?

В актовом зале проходил концерт школьного кружка поп-музыки, который мы благоразумно пропустили, ограничившись коротким взглядом на сцену.

- Эти парни не понимают в чем разница между легкой музыкой и металлом, - проворчал я, выбравшись из зала и встряхивая головой, чтобы избавиться от назойливых запилов электрогитар и сдавленного голоса вокалиста.

Побродив ещё немного, мы поняли, что посетили все заявленные на первый день Фестиваля мероприятия. Времени ещё немного оставалось, и потому Ханako предложила:

- Может, сходим ещё раз в то кафе?

- Давай, - легко согласился я.

Мы поднялись на этаж третьих классов и быстро нашли нужную вывеску. Очереди здесь так и не появилось, видимо проклятие было сильнее наших пожеланий. Тем не менее, Юкиэ-сан улыбнулась, завидев нас:

- Добро пожаловать!

Мы опять заняли наш столик у окна, но теперь не ограничились одним «Домашним шоколадом». Конечно, наш заказ не сделает им достойной кассы, но хоть как-то возместит затраты старшеклассниц. Вместе

с заказом нам поставили пару свечей, а в классе приглушили свет. Стало совсем как в дорогом элитном ресторане.

Негромко разговаривая под пристальным взглядом Юкиэ-сан, менявшей нам тарелки по мере их опустения, мы просто наслаждались обществом друг друга. Ведь если подумать, то кроме совместных ужинов у нас почти не было вот таких свиданий с посиделками в кафе, где сама атмосфера располагает к взаимному обожанию.

Нет, эти старшеклассницы всё очень хорошо рассчитали. Сочетание негромкой музыки, оформления и меню прямо располагало к сближению пар. Ханako была того же мнения:

- Удивительно, но из всех кафе, работающих сейчас в школе, только сюда мне и захотелось вернуться.

Ну да, я знаю, что мэйд-кафе не в твоём вкусе, Да и они больше на парней рассчитаны. Ханako правильно поняла мои мысли:

- Я и тебе бы не позволила туда ходить. Хочешь смотреть на служанок – я могу нарядиться, если попросишь. А на других глазеть не дам!

Ух, а я и не думал, что она такая ревнивая! Стоп, что она сказала? Может нарядиться? А если сказать, что мне нравятся девушки из «Последней фантазии», она будет ежедневно косплеить Юну или Тифу?

Ай! Я отдернул руку, в которую вонзилась вилка Ханako.

- У тебя лицо изменилось, - сердито проговорила она, - Не вздумай представлять меня в извращенных нарядах, понял?

- Извини, извини, - я сложил ладони вместе, изображая крайнюю степень сожаления, - Но, тем не менее, ты подала мне хорошую мысль. На Рождество оденешься в костюм Санты?

Она растерянно опустила глаза и покраснела.

- Это... Как-то неожиданно, Хироки-кун... Можно, я подумаю? – пробормотала она с мольбой в голосе.

Конечно, Ханako. Для тебя – хоть целую вечность, но только до Рождества.

- Ух!...

- Добро пожаловать! – прервало наше веселье хоровое приветствие официанток.

Что? Ещё кто-то? Несмотря на слегка приглушенный свет в классе, я сразу разглядел застывшую в дверях пару. Невысокий парень и девушка. Форма нашей школы, значит, не гости.

- Хироки-кун, - зашептала Ханako, - Это же Мотоки-сэмпай и девушка из твоего класса!

Да неужели? Я пригляделся и узнал в паре Мотоки Ютами-сан. Странно было видеть обычно энергичную девушку такой тихой и застенчивой. Интересно, когда они сблизились? Кажется, он подбивал к ней клинья ещё летом, но я ни разу не замечал, что бы они вместе шли домой или обедали. Другая официантка усадила пару за соседний столик и тут пришла очередь Мотоки и Ютами удивляться.

- Добрый день, - поклонилась Ханako, я помахал рукой.

- О... Привет, - голос Мотоки нервно подрагивал, а Ютами и вовсе зарумянилась.

- Мы скоро уйдем, - ободряюще кивнув, пообещал я, - не будем мешать.

Мотоки-кун мне нравился. Во-первых, как близкий друг старосты. Как я понимал, они знакомы уже очень давно, ещё с детства. Во-вторых, как хороший товарищ. Я не забыл, что именно он был среди первых, кто остановил драку, именно он опознал противников и первым провел связь между побоищем и опубликованной главой ранобэ. Ну, и наконец, я был рад, что возможно, именно с ним, раненое мною сердце Ютами, может обрести своё счастье, чего я ей искренне желал.

Поэтому, быстро доев свои пирожные и расплатившись по счету, мы с Ханako покинули кафе.

Работа на сегодня была завершена и потому мы, забрав из клуба свои вещи, сразу пошли домой. По дороге я созвонился с Макото-сан и доложил ей результаты обхода.

- Ну, хорошо, - отозвалась староста. В трубке что-то гремело и ухало – скорее всего, они с Асакавой остались на концерте, - Завтра, набросать эскиз материала и подготовить к публикации. Вечером я его просмотрю, дополню, и в понедельник отправим в печать.

Так, значит и очередная глава пойдет... О чем там будет? Ох, как некстати... именно о Мотоки...

На второй день после разгрома Укрытия, Мотоки решил остановиться не в глубине острова, а поближе к берегу. Он не знал, сколько ещё осталось живых, но если репродуктор молчал – значит, Игра ещё не окончена. Значит, помимо него и Осама-сан, ещё кто-то борется.

Он посмотрел на свою спутницу – крошечную по меркам второклассницы старшей школы девчушку. Она едва доставала ему до плеча, хотя и сам Мотоки особым ростом не отличался. По-детски наивное выражение лица, маленькие ладошки, но очень взрослый взгляд.

В момент нападения на Укрытие, Осама-сан спала, укрывшись пиджачком и покусывая большой палец. Мотоки и Ютами-сан, вооруженные пистолетами, дежурили. Они единственные видели, что и как произошло.

Первая пуля со свистом впиалась в тело третьего дежурного – Асакаву, но тот, допрыгав на одной ноге до сигнального колокола, успел поднять тревогу. Что с ним стало дальше – неизвестно.

С визгом с утеса в море прыгнули Михара-сан и Нагара-сан – это было единственным путем спасения, но вряд ли они это понимали, скорее, инстинктивно искали защиты в воде. Эти двое наверняка тоже спаслись. А затем в Укрытии появились взрослые. На их черных лицах сверкали горящие

азартом глаза, в руках поблескивало оружие. Они принялись расстреливать полусонных детей, пытавшихся спастись.

- Прячься! – приказал Мотоки Ютами-сан, а сам устремился обратно, вздрагивая при каждом выстреле.

Стреляя наугад, он добрался до спален девочек, но нашел там только Осаму-сан, забившуюся в угол каменной ниши. Её он и вытащил, несмотря на крики и отчаянное сопротивление – так и не решившаяся открыть глаза девушка считала, что он – враг.

Её вопли привлекли внимание и на выходе из Укрытия их уже ждали. Одного Мотоки успел застрелить, второй почему-то упал, прежде чем парень нажал на спуск. Наверное, его убил кто-то ещё. Держа на руках брыкающуюся Осаму-сан, Мотоки устремился в лесную чащу...

И вот они уже второй день пытаются выжить. Несколько раз они слышали далекие выстрелы, подтверждавшие, что не они последние. Несколько раз они сталкивались с преследователями, но в пистолете оставалось всего три патрона, и потому Мотоки предпочитал уклоняться от схватки. Нет, сам он не боялся поражения, но рядом была девушка, которую он должен был защищать. Если не дал умереть однажды, если взял с собой – выхода не остается.

Конечно, он предпочел бы остаться с сильными, способными за себя постоять Ютами-сан или Макото-сан. Но выбора не было, и под его защитой оказалась маленькая школьница с детским лицом и взрослыми глазами.

Они почти не разговаривали. Не потому что не было тем, просто Осаму-сан зачастую ограничивалась только кивком для согласия с мнением парня. Сама ничего не предлагала, еду и воду не просила. Наверное, и так чувствовала себя бесполезной обузой, только мешающей выживать Мотоки-куну.

По утрам, и во время коротких привалов, она собирала для завтрака ягоды, и каждый раз выслушивала выговоры Мотоки, за то, что ушла сама, не предупредив его. Смущалась, но так и не находила что ответить.

Её пиджак так и остался в Укрытии и потому парень отдал ей свой, который висел на девушке как пальто, но зато в нем ей было тепло и не так сильно страдали колени от ушибов во время переходов.

Казалось, что так они будут вечно бродить по острову.

Их нагнали на третью ночь. Над островом разыгралась буря, и парень рискнул остаться на ночевку ближе к берегу. Тут-то их и нашли.

- Оставайся здесь! – велел Мотоки, - как только я начну с ними говорить, уходи к берегу, а оттуда беги на восток, там есть несколько построек, спрячься там, - а сам вышел навстречу взрослым.

Их было трое – у каждого автомат. Ветер трепал их непромокаемые плащи, а дождь заливал оружие. Это давало шанс.

- Я один, - спокойно проговорил Мотоки, - Может, дадите мне возможность умереть сражаясь?

Он не надеялся на благородство, противников, он лишь пытался выиграть немного времени для Осама-сан.

Но девушка так никуда и не пошла. Зажав уши ладонями, она ждала выстрелов. И вот – бах! Бах! Бах! Три раза – сколько оставалось патронов у Мотоки. А затем громкая автоматная очередь.

- Нет!!! – она выскочила из своего укрытия и побежала навстречу взрослым, - Прости меня!

Мотоки лежал в грязи, исполосованный пулями и ещё пытался сопротивляться – палец его судорожно нажимал на спусковой крючок пистолета. Осама-сан упала на колени перед ним и обняла его обессиленное тело.

- Дурочка, - пробормотал он, - почему же ты не ушла?...

- Я и так бесполезная! – рыдала она, - зачем было умирать ради меня?!!!

- Нет, ты не бесполезная... Я жил... ради... тебя...

Ещё два выстрела разнеслись над островом, перемешиваясь с раскатами грома и Сэру замер прислушиваясь.

- Ещё кто-то? – всхлинула Ханako.

- Да, - стиснул зубы Сэру, - Не плачь, пойдём.

Вдвоем они продолжили спуск в бункер, а над островом бушевал ливень, словно сама природа оплакивала уже павших...

Тяжелая, в общем, глава. Насчет реакции Осама-сан я не очень беспокоился – эта тихоня будет настолько счастлива лишь из-за упоминания своего имени в ранобэ, что непременно боготворит меня. А вот как отнесется к своей роли Мотоки?

- Я не думаю, что тебе нужно беспокоиться насчет Мотоки-сэмпая, Хироки-кун, - тихонько взяла меня за руку Ханako, - он друг Юдан-сэмпай и всё поймет правильно.

Спасибо, Ханako. Ведь это ты добавила в главу эпизод с последним диалогом Мотоки и Осама-сан, который очень многое объяснял.

Воскресение прошло в бесконечной работе. Ещё до обеда в клубе появилась староста и быстро вlepила мне нагоняй:

- Сэру! Ты неправильно начал делать макет! Куда я вставлю фотографии?

А кто мне сказал, что они будут? Тем не менее, пришлось переделывать. Ханako допечатывала обзор, Асакава – перегонял и форматировал фото, староста набирала остальные новости для первой страницы.

Вчетвером мы справились достаточно быстро, и потому Макото-сан распустила нас по домам ещё до шести вечера.

Культурный Фестиваль завершился. Усталые школьники разбирали свои аттракционы и подсчитывали прибыль. Жюри школы начало подводить итоги, а мне вдруг очень захотелось снова посидеть в «Кафе для влюбленных». Наверное, хорошо, что в него не было очередей. Не представляю, как можно сохранить романтическую атмосферу, когда за дверью стоит жаждущая толпа.

- Хироки-кун, - позвала меня Ханako, - может, сходим к тем старшеклассницам, поблагодарим их?

Да ты мои мысли читаешь!

Парни из класса 3-Е уже снимали драпировку и вывеску, девушки собирали остатки посуды и расставляли парты.

- Добрый вечер, - поздоровалась Ханako, глазами ища Юкиэ-сан.

Но теперь, когда все девушки переоделись в форму, разыскать нашу официантку оказалось нелегко.

- А, это вы, - к нам подошла высокая старшеклассница с пышными волосами и очаровательной улыбкой. Вот только глаза её выдавали.

- О, Юкиэ-сэмпай, - поклонилась Ханako, - спасибо вам.

- За что? – опешила старшеклассница

- За ваше кафе, - поддержал свою подругу я, - Вы очень помогли не только нам, но и, думаю, некоторым нашим знакомым.

- Спасибо, - смутилась Юкиэ-сан, - Но это мы должны вас благодарить. Каждая пара приходила по два раза и в итоге мы даже оказались с прибылью...

Когда мы спускались со школьного холма, Ханako уже открыто держала меня под руку. Пошел дождь, но нам хватало и одного зонта на двоих. Ветер, срывавший листву с деревьев уже несколько дней, сейчас почти стих. Я чувствовал локтем и плечом тепло Ханako и думал, что иногда даже маленького пирожного в кафе бывает достаточно, чтобы объяснить свои чувства или узнать о любимом что-то новое. Вот, к примеру, Хана-тян, пообещала одеться служанкой, если я попрошу. А если нарядить её готичной лолитой?

Тычок под ребро привел меня в себя.

- У тебя снова лицо изменилось, Хироки-кун, - рассерженно глянула на меня Ханако, - что ты опять себе вообразил?

- Тебя, - расплылся я в ухмылке, - косплеющую Рикку...

Глава 10

В понедельник последней предрождественской недели вышла и последняя глава моей ранобэ. Ненадолго выйдя из образа студента-юриста, Асакава тихонько посмеялся, предположив, что теперь меня после школы встретит толпа рассерженных фанаток Макото-сан. Так оно в принципе и могло быть, ведь если сама Юдан-сан, отнеслась к новелле и своей роли в ней, с пониманием, а в последствии и с некоторым юмором, то фанклуб её имени, созданный первоклассниками, вполне мог и не понять и объявить мне войну. Однако предвидя подобное развитие событий, Макото-сан заранее провела со своими подопечными собрание, где и зачитала последнюю главу, отстудив многие горячие головы.

Заметил я и Михару-сан с газетой – значит, несмотря ни на что и она продолжает читать новеллу.

Отношения Асакавы и Макото-сан развивались спокойно, без потрясений или скандалов, к Ютами-сан всё чаще на переменах заглядывал Мотоки-кун. В школе царил атмосфера любви.

На обеденном перерыве, Ханako поздравила меня с окончанием работы и вдруг предложила:

- А может, теперь стоит написать что-то другое? Более близкое людям?

Не уверен, Хана-тян. За долгие месяцы работы над этой ранобэ, я почти научился мыслить позитивно...

- Ещё чего, - сердито прервала она мои рассуждения, - Хироки-кун, ты последние три месяца вообще только версткой занимаешься! Пора размять свои мозги, - принялась тормошить меня Ханako, - создавай новое...

Макото-сан появилась в дверях беззвучно, как призрак, с таким же лицом и, деревянной походкой пройдя к своему столу, упала в кресло.

- Может чаю, Юдан-сэмпай? – отстранившись от меня, осторожно спросила Ханako, как и я, чувствуя, что что-то произошло.

Следом в клуб вошел Асакава. Выглядел он чуточку лучше старосты.

- Мы только что из Ученического совета, - мрачно сообщил он, - нас закрыли.

- Сволочи, - негромко выругалась Макото и легла головой на стол.

Асакава присел перед ней и начал что-то негромко говорить, поглаживая её локоны, видимо успокаивал.

Так и не дождавшись слов старосты, Ханako снова села рядом со мной.

- Что теперь будет, Хироки-кун? - спросила она у меня.

Ох, если бы я знал... Наверное произошло что-то очень серьезное, раз решили подвинуть даже такую влиятельную старосту как Макото-сан. Может, урезали финансирование школы и теперь закрывают маленькие

клубы? Или Президент Ученического совета все-таки решил отыгаться на нелюбимой школьнице? Не сильно ли он тогда рискует?

Хотя, если посмотреть на Юдан-сан, становится удивительно, почему она апатично лежит на столе, а не обзванивает своих знакомых или не бежит по школе, пытаясь восстановить клуб. Значит что-то серьезное.

В кабинет вошла Такэмото-сэнсэй.

- Уже слышали новость? – поинтересовалась она, так и не присев, а оставшись стоять в дверях, - вижу, что слышали. С завтрашнего дня литклуб официально закрыт, приходить сюда нет смысла. В принципе, можете не приходить и сегодня – мы с Юдан-сан займемся сдачей имущества и помещения. Скоро уроки начнутся, расходитесь.

Декабрь выдался бесснежным. Холодный ветер с океана больше приносил водяную пыль, которую ошибочно можно было принять за дождь. Листья деревьев уже давно облетели и теперь сухие ветки жалко и зябко качались на этом ветру.

Мы с Ханako остановились на лестнице возле окна.

- Как считаешь, - проговорила она, обняв себя за плечи и разглядывая двор школы через покрытое сеточкой дождевых капель стекло, - Макото-сан сможет добиться его восстановления?

Думаю, если бы могла – уже добилась бы. Похоже, полоса везения у нас закончилась. Ведь и впереди только самое ужасное – отъезд Ханako. Быть может, сама судьба подарила нам этот шанс – перестать видеться, позабыть друг о друге?...

Ну, нет, через это мы уже проходили! Мы не расстанемся перед грядущей опасностью, не разбежимся, трусливо предав наши чувства! Ведь так, Хана-тян?

Ханako просто смотрела в окно. Не уверен, о чем думала она, но кулачки её были стиснуты, а вот лицо бесстрастно.

С колоколом, мы расстались. У неё сегодня было на один урок меньше, интересно дождется ли она меня или уйдет домой одна? Стоп, откуда такие мысли? Она поступит так, как ей удобно, ведь нужно ещё и на работу зайти, и продукты на ужин купить. Ведь и я теперь не домой пойду, а в редакцию.

Конечно, когда я покинул класс, в школе её уже не было. Почувствовав подлый укол самолюбия, я направился на станцию – следовало сообщить в офисе об изменении свободного времени.

Менеджер решил, что менять график нет смысла, и разрешил в Рождество вообще не приходить.

После работы, шагая по сырым улицам, я подумал, не следует ли заглянуть к Ханako? Но здраво рассудив, что наверняка она сейчас занята, побрел прямо домой.

Город преображался. В центральном торговом комплексе уже открылась предновогодняя распродажа, а на площадях всё чаще попадались одетые в костюм Санты зазывалы. И хотя украшенные елки и иллюминация подле магазинов в торговом квартале выглядели в такую погоду довольно нелепо, все это пыталось настраивать на праздничный рождественский лад.

Вот только мне не очень хотелось наслаждаться этим весельем. По крайней мере, одному. Да ещё и зная, что меня ждет в будущем...

Мама, конечно, удивилась, увидев меня так рано, но промолчала, за что я был ей благодарен – настроение почему-то упало и говорить вообще, а объяснять что-либо – тем более, не хотелось. В комнате я просто свалился на диван и устался в пол.

Через некоторое время решил-таки переодеться. Настроение так и не появилось, предпочитая загорать где-то в Африке, и оставив меня страдать в одиночестве.

Что там говорила Ханako? *«Может, теперь стоит написать что-то другое»*? Вот только зачем? Клуб закрыли, газета больше не будет выпускаться... Интересно, а не пошел бы я в клуб весной, случилось бы всё это в моей жизни? Встреча с Ханako, Мотоки, множество душевных терзаний, драка, свидание в «Кафе для влюбленных», наконец? Кто знает. Ну, быть может с Ханako я как-нибудь бы да пересекся. Но вряд ли мы пошли бы на «не-свидание», где она решила бы признаться мне. А значит, не было бы и остального.

Черт, а ведь я должен быть благодарен Макото-сан, за то, что она тогда обманом заманила меня в литклуб! Я всему происшедшему за этот год обязан именно клубу. Плохое, хорошее – неважно! Это было, это наложило свой отпечаток на мою жизнь, а значит не прошло бесследно.

Я перевернулся на спину и теперь смотрел в потолок. Нашупал телефон и поднес его к глазам. Непроизвольно набрал номер Ханako. Позвонить?... Блин, почему же я колеблюсь? Что случилось? Ведь никогда раньше...

Аппарат вздрогнул в моих руках, а на дисплее появился конвертик нового сообщения. Рёко!

«Яххо, Хироки-кун! Привет и твоей ненаглядной Ханako-тян! Вы ещё встречаетесь? Шутка! Это просто я немного ревную. Как вы там? Я скучаю. Хочу приехать и встретить Рождество с вами, но, наверное, буду мешать – у вас наверняка романтическое свидание намечается? Но если она тебя пошлет, звони не стесняйся – я примчусь, как только смогу!»

Почему-то стало смешно. После её откровенного рассказа я долгое время думал, а смогу ли относиться к ней, как и прежде? Лишь недавно я пришел к выводу, что со мной она всегда старалась быть честной, да и тот год в старшей школе, что мы вместе проучились, она вела себя иначе, чем в средней. Быть может она не такой уж и падший человек? Да она сделала в жизни немало плохого окружающим, да она лгала и использовала людей в

своих интересах. Но кто из нас поступает иначе? Просто у неё всё это сплелось в такой тесный клубок, что она и сама уже не знала где белое, а где черное, где хорошо, а где плохо.

Мне было её жаль и видимо это послужило причиной того, что я, даже зная правду о ней, простил Рёко. Мы вместе ей помогли. Не потому что у неё влиятельная семья и когда-нибудь это нам зачтется. Просто мы так воспитаны и чувствуем, когда человек действительно нуждается в помощи.

Может действительно, пускай приезжает, встретим Рождество, а затем и Новый год все вместе? Нет, сначала нужно позвонить Ханako, спросить её мнения.

- Алло? Привет, Хана-тян. Мне сейчас Рёко сообщение прислала, просится к нам на Рождество. Ну да. А у нас есть какие-то планы? – Повисла тишина. Мне показалось, или Ханako на той стороне действительно смутилась? Что такое? У неё всё-таки были планы? – Эй, я понял. Сейчас отпишу, пускай приезжает к Новому году. До завтра.

Опустил трубку и взглянул на неё.

Что это она задумала? После Нового года она уедет домой, теперь уже насовсем. Неделя осталась!

Обедать вдвоем мы теперь не могли – негде было. Не вести же её в свой класс! Ханako со вздохом вручила мне коробочку с бэнто.

- Вечером занеси мне. Не забудь, - проинструктировала она меня и, помахав ладошкой, убежала в свой класс.

Теперь мы обедали впятером. Асакава со старостой, на которой лица не было, и Мотоки с Ютами – эти двое, наоборот, цвели. И я посредине. Не третий – пятый лишний! Нормально проглотить свой бэнто в такой обстановке было просто нереально. Кое-как заглотив – нечестно не съесть то, что заботливо приготовила Ханako, я убрал коробку в сумку и вышел из класса.

Времени ещё было достаточно, и потому я просто бесцельно бродил по школе. Если подумать, я в последний раз так бесцельно шатался лишь в первые дни обучения, да в мае, после расставания с Ханako. В то время мне тоже нечего было делать на перемене. Но тогда хоть тепло было, и я мог выйти во двор и полежать на траве... А сейчас? Того и гляди снег выпадет или тайфун налетит...

И всё-таки, просто бродить по школе, вместо культурного обеда и беседы с друзьями, занятие достаточно неблагодарное, если не вредное. Поэтому я спустился в холл, нашел пустой диванчик и завалился там.

Проще, конечно, было бы пойти в библиотеку и подремать где-нибудь в уголке со скучной книжкой. Но я решил, что спать там будет не очень хорошо и потому тупо таращился в окно. Со своего места мне были видны лишь верхушки деревьев и хмурое небо, отчего настроение, так и не пришедшее в себя после вчерашнего потрясения, окончательно укатило куда-то на ПМЖ.

Экзамены окончились на прошлой неделе, и потому можно было расслабляться вплоть до получения табелей на последнем дне занятий в четверг. Тогда же – и встретить Рождество. Интересно, почему Ханako так смутилась, когда я спросил о планах на праздник? Она что-то готовит? Наверняка незабываемый рождественский ужин. А может она, все-таки наденет костюм Санты? Ух, я прямо горю от нетерпения! Ага – вот и вернулось, настроение-то! Главное думать в нужном ключе.

Тут же появились и полезные мысли.

Я энергично спрыгнул с дивана и поспешил обратно в класс.

Макото-сан, как и раньше убитая, сидела на своем месте и игнорировала все попытки Асакавы развеселить себя.

- Асакава, - позвал я, - Бросай это гиблое дело, пойдем в бейсбол сыграем!

- Чего?! – ага, как и думал, инстинкт собственницы в старосте не умер, и распоряжаться созданным ею с нуля парнем она никому не позволит.

- Сожалею, Юдан-сан, - стоически сложил я ладони, - Иначе, тебя было не разбудить. У меня есть план, как вернуть наш клуб.

- План?..

- Нет! – отрезала она, едва я закончил излагать свои соображения.

- Но это реально, Макото-сан, - я плюнул на приличия – всё равно, кроме нас с Асакавой рядом никого не было, - Если ты одна не справляешься, самое время подключить более сильного союзника.

- У неё я просить помощи не буду, - поджала губы староста.

- А вот она попросила, - вздохнул я.

- У тебя! – ужалила меня Макото и отвернулась, однако в класс не пошла. Ждет продолжения? Значит, уже почти смирилась и просто хочет сдать на приемлемых условиях?

- Эй, Макото-сан, - вкрадчиво позвал я, - А если мы её старостой клуба сделаем?

- Её?! – кажется, перестарался – в такой ярости я Юдан-сан никогда не видел. Теперь я и вправду поверил, что её образ в ранобэ удивительно точный.

- Ох, извини, - я переломился в поясе и застыл, ожидая продолжения её тирады.

Однако было тихо. Распрявившись, я увидел, что Макото-сан стоит в задумчивости. Что? Получилось?

- Давай её номер, я сама с Сирой-сан пообщаюсь.

Получилось!

Едва уроки закончились, по школьной трансляции объявили:

- Юдан Макото-сан из класса 2-В, вызывается в Ученический Совет.

- Держись, староста, - кивнул ей я, - не сдавайся. Мы подождем тебя.

Гордо подняв голову, Макото ушла. Мы с Асакавой спустились в холл и расположились на диванчиках, подаривших мне столь замечательную идею.

И всё-таки быстро Рёко сработала. Пусть это всё ложь, что литклуб старшей школы Рёкусай хочет наладить сотрудничество с нашим, а в перспективе и побороться на звание лучшего, но сейчас это единственный шанс. Гордость школы будет ущемлена, если они ответят, что клуб закрыт, а значит, будут вынуждены снова его открыть.

- Я слышала, что Юдан-сэмпай, вызвали в Ученический Совет, - подошла к нам Ханako, - Что-то серьезное?

Увидим. А пока посиди здесь, рядышком. Мне так не хватало твоего спокойствия и рассудительности...

Ханako села напротив. Снова укол самолюбию, но на этот раз я просто улыбнулся:

- Асакава, встретим Новый год вместе? Я собу приготовлю, зони-суп – за тобой.

- Ну, нет, - вздохнул Хаянэ, – меня уже Макото пригласила. Там и соба, и зони-суп, и оден ожидают.

- Повезло, - кивнул я.

- Эй, - нахмурилась Ханako, - а я уже не считаюсь? Списал?

Не ругайся ты так, это же шутка!

Однако Ханako уже было не остановить.

- Я ещё не уехала! Только после Нового года собиралась! А ты уже всё, распрощался?! Свои планы строишь?!

- Да не кричи ты! – поднялся я, - Чего ты завелась?

В глазах Ханako дрогнули слезы.

- Тогда и Рождество один встречай! С Рёко-сан! – резко развернувшись, она зашагала к выходу.

Я нагнал её у шкафчиков со сменкой.

- Ты чего, Хана-тян? Что случилось-то? – ухватив её за плечи, спросил я. Она отворачивалась и пыталась освободиться.

Что бы не оставить на ней синяков, я отпустил её руки.

- Что с тобой, Ханako? – ещё раз задал я вопрос.

- Ты не пришел вчера, - прошептала она, - Я ждала, я хотела тебя увидеть... И сегодня – тоже... Это неправильно! Нельзя себя так вести! Ведь я... я...

Слезы не удержались и побежали по её щекам. Ханako закрыла глаза рукавом и, не застегивая куртку, выбежала из школы.

Так она ждала меня... И вчера, и сегодня... Она всё время ждала меня. Ну почему она не позвонила? Почему не предупредила?!

Староста позвонила спустя ещё полчаса. Велела Асакаве подниматься в клуб, а мне – идти домой. Видимо, будут заново получать оборудование.

На станции я решил идти не на работу, а к Ханako

Перед пансионом появилась рождественская иллюминация и украшения. Хозяйка встретила меня с поклоном.

- Добрый вечер, господин. Мацури-сан сегодня сама не своя. Может, случилось что?

- Ну да, - ответил я, - но проблема уже решилась.

- Это хорошо, господин, - улыбнулась хозяйка, - она хорошая девушка. Вот только грустит много в последнее время и плачет по вечерам. Я уж думала, что вы опять поругались...

Стоя перед дверью и не решаясь постучать, я думал над словами хозяйки. Значит, она плачет по вечерам. Видимо, после моего ухода. Закрывается и рыдает в голос. Это понятно – она не хочет уезжать... А я и не знал, даже не думал... Черт, да я повел себя как последний подонок... Вместо того чтобы поддержать её – попытался успокоить собственное самолюбие... Опять думал только о себе...

- Ханako, - осторожно коснулся я двери, - я знаю, ты дома. Если не хочешь – не открывай. Признаю, что недостойно сегодня себя повел... Просто... ты просила занести коробочку для бэнто... И ещё, Макото-сан разрешили восстановить клуб, так что завтра ты снова будешь писать для газеты. И... я по-прежнему люблю тебя, Хана-тян... Мне больно думать, что скоро ты уедешь, если я могу, позволь мне помочь тебе. Хоть чем-то... Не молчи, пожалуйста, ответь хоть что-то...

Что, опять та же ситуация, что и в мае? Ну, и как поступишь? Опять грохнешься на колени, а потом возненавидишь её за это?! Да?!

Да не будет такого! Если потребуется, я здесь всю ночь стоять буду! До утра! На этот раз я не отступлю, не сдамся, не предам её и нашу любовь... На этот раз я уверен в себе и нашей любви!..

Дверь щелкнула и приоткрылась. Я легонько толкнул её и шагнул в комнату.

Ханako, переминаясь с ноги на ногу, стояла посреди комнаты в аккуратном красном платье, отороченном белым мехом, в таком же колпачке и белых чулочках с алыми лентами. Костюм Санты... Девочки-Санты... Или внучки этого зимнего старика? Да, неважно!

Я упал на колени, не сводя с неё глаз. Даже слов не находилось. Ханako стремительно покраснела... Кажется ещё чуть-чуть и она с криком скроется в ванной и не выйдет оттуда до старости, смирившись с позорной участью старой девы... Нужно что-то сказать... Нужно...

- Ханako! – её ноги уже вздрогнули, готовые нестись неизвестно куда, но, услышав мой голос, она застыла, – Ты... ты просто красавица! Теперь и я готов исполнить любое твоё желание! – благоговейно стукнувшись лбом об пол, завершил я свой путаный комплимент.

Она тихонько хихикнула и присела рядом, поглаживая меня по голове.

- Я и не знала, понравится ли тебе. Я долго выбирала, что бы и не чересчур открытый был, и красивый. Но ведь ты хотел увидеть меня в этом костюме... А насчет желания, я подумаю, - ехидно заключила она.

- Только выполнимое, пожалуйста, - попросил я, поднимаясь.

- Угу-угу, - почему-то мне не понравилось выражение её лица, - А как насчет костюма Рикки?

- Нечестно, Ханako!!!

- Ты обещал, что выполнишь любое желание!!!

На Рождество мы с Ханako устроили себе очередное романтическое свидание. С утра шел снег, первый за месяц и наконец-то в душе, пусть ненадолго, заполнилась какая-то пустота. Теперь всё предновогоднее украшение города было к месту и вселяло не просто радость – надежду.

Мы сходили к обзорной башне, украшенной разноцветной иллюминацией, посмотрели с неё на океан и сияющий впереди искусственный Остров. Попытались найти и наши дома, но смогли определить только школу – её легко было отыскать по холму.

Потом провели время в нашем любимом школьном кафе, так как все места в караоке уже были заняты. Не забыли и о Речном парке, на скамейке которого, под заснеженными сакурами, и, слушая журчание ещё не замерзшей реки, мы вместе рассылали поздравления. Макото-сан и Асакаве, Мотоки и Юдан-сан, Рёко и Такэмото-сэнсэй. Всем, кто был с нами всё это время.

Снег всё падал, когда мы, закончив поздравлять друзей и получив ответные сообщения с пожеланиями, обменялись подарками.

- Открой, Хироки-кун, - игриво улыбнулась Ханako.

Что же там? Пусть только не обещанный косплейный костюм Рикки! Я развернул синюю упаковочную бумагу, скрывавшую её коробку – там лежал зимний набор: перчатки, шарф и лыжная шапочка. От сердца отлегло, и я позволил себе искренне улыбнуться.

- Спасибо, Хана-тян, - и тут же обмотался новым шарфом.

В моей коробке лежали цепочка и кулончик в виде сердца с гравировкой – наше с Ханako фото, своего рода намек – *мы никогда не расстанемся*. Ну, я так считаю. Ханako опустила глаза и позволила мне надеть его ей на шею. Посмотрела на гравировку и упрятала поглубже под одежду.

- Спасибо, - она обвила мою шею руками и подставила лицо, прикрыв глаза. Смахнув с её носика шаловливую снежинку, я аккуратно поцеловал её в приоткрытые губы, снова вспомнив её отчаянный поцелуй перед «Золотой неделей».

- С Рождеством, любимая...

- С Рождеством, Хироки-кун...

Где-то здесь отмечают Рождество Макото-сан и её парень-мечта Асакава. Возможно, в этот момент она воздает и благодарную молитву Орихиме-сама, за то, что та исполнила ее желание. А Асакава, наверняка, молится вообще всем подряд...

В этом же городе встречают праздник Мотоки-кун и Ютами-сан. Быть может, даже ещё пока не вместе, но наверняка они думают друг о друге. Хорошо, что и они отыскали свое счастье...

И ещё десятки, сотни, тысячи, миллионы остальных незнакомых нам людей по всей Японии и во всем мире, которые вместе, которые, как и мы с Ханако, счастливы в этот миг.

С темного неба всё падали снежинки укрывая землю и посыпая её приятным пушистым ковром, и казалось, что момент нашего поцелуя будет длиться вечно...

Глава 11

Рёко приехала утром 31 декабря. Бодрая и свежая, с подозрительно огромной сумкой. Едва соскочив с поезда, она обняла Ханako, кивнула мне и сходу заявила, что жутко хочет есть. Пришлось вести её в ближайшее кафе.

И здесь, жуя лапшу и некультурно размахивая палочками, Рёко принялась разрабатывать генеральный план встречи Нового года. Что-то мне подсказывало, что она его сформировала ещё в поезде, а теперь он жаждал воплотиться, сначала на бумаге, а потом и в жизни.

- Сейчас, по пути домой покупаем необходимые продукты, - с набитым ртом надиктовывала Рёко, а Ханako записывала в свой маленький блокнотик, - Потом начинаем готовить тосикоси собу. Кстати, Хироки-кун, ты с нами до колокола или уйдешь раньше? – глянула она на меня, а в её глазах прыгали задорные огоньки.

- Разумеется. Я сказал родителям, что Новый год встречаю с друзьями, и потому меня уже никто дома не ждет, - ответил я.

- Отлично, значит, отмечаем втроем. Записывай. Стол мы должны собрать до одиннадцати вечера. Елку тебе уже поставили?

- Да, Хироки-кун позавчера принес...

- Отлично, значит, польза есть и от него. Тогда с одиннадцати – едим и празднуем, в полночь смотрим фейерверк. Если будет прохладно – из твоего окна, если – нет, выйдем в город. Потом по возможности сон. Утром – первое умывание, завтрак – зони-суп и ещё чего-нибудь...

- Оден, - подсказал я.

- Потом, собираемся в храм, - проигнорировав мое предложение, продолжила Рёко, - У тебя есть фурикодэ? – Ханako кивнула, я знал, что она взяла его вчера напрокат, - Я свое привезла. Храм есть поблизости от твоей квартиры?

- Только мечеть, - улыбнулся я, но меня опять проигнорировали.

- По дороге в школу у подножия холма, - вспомнила Ханako.

- Отлично! Думаю, до обеда управимся. Потом сборы и после обеда я уеду. Всё, - Рёко отодвинула тарелку, вручила мне счет и, подхватив свою сумку, потащила Ханako к выходу.

Меня, как оказалось, решили использовать в качестве кошелька, разнорабочего и мальчика на побегушках. Просто купить и принести разнообразные ингредиенты из супермаркета, было недостаточно. Рёко сразу забраковала наши украшения квартиры и погнала меня опять в магазин покупать другую мишуру. После возвращения – премило улыбнулась:

- Ты знаешь, мы немного не то купили. Вот тебе список – докупи ещё продуктов...

В списке – добрый десяток наименований. И таких, которые в одном магазине не найти – придется побегать. И это в последний день старого года?

У меня появилась мысль, что Рёко нарочно выгоняет меня из квартиры. Никак хочет наедине с Ханакко пообщаться. О чем, вот только...

Запыхавшийся и мокрый от пота, даром, что на улице минусовая температура и опять пошел снег, я приволок «забытые» ингредиенты и получил новый приказ заняться украшением комнаты. Елку – в другой угол комнаты, гирлянду над окном, кучу каких-то непонятных мне игрушек – по стенам.

Девушки в это время вместе работали на кухне. Резали, месили, жарили, варили. Они точно только собу делают? Продуктов тут ещё на десяток других блюд. О, точно, и на оден хватит!

- Хватит о нем мечтать! – оборвала меня Рёко, - Оден ты можешь в любой день поесть. А вот рисовое печенье или мой специальный рис – только на Новый год. И то, в виде особой благодарности, - как всегда, она неисправима.

Мое «принеси, подай, поставь, убери» продолжалось вплоть до восьми вечера, когда я просто свалился без сил на пол.

- Хватит валяться, Хироки-кун, - скомандовала Рёко, бесцеремонно пнув мое бездыханное тело. Достала из сумки традиционный наряд, - иди в ванную, вымойся и переодевайся.

О, что-то новое. Может и они присоединяться? И сам себе ответил: «Ха! Не надейся...»

Отмокая в ванной, я слышал негромкий разговор в комнате, то и дело прерывавшийся заразительным смехом Рёко. А вот слов разобрать так и не смог.

Вымывшись и переодевшись, я предстал перед девушками во всей своей лохматой красе. Рёко критически осмотрела меня, затем напялила мне на голову колпак Санта Клауса. Это ещё зачем?

- Хорош!

Ужас.

Потом девушки выгнали меня в коридор и занялись собой. Они что вместе в ванную пошли? Тогда зачем было меня из квартиры выставлять?

Хозяйка пансиона сжалилась надо мной и пригласила к себе, где угостила чаем. В тепле, с кружкой прекрасного травяного чая, я пригрелся и задремал.

Довольно грубый рывок в плечо разбудил меня посреди сладких грёз.

- Вот ты где! - знакомый голос... Чересчур знакомый.

- Рёко, тебя нужно использовать в качестве пыток для опасных преступников, - проворчал я.

- Ха! Это для начала только. Не смей убежать от нас и спать у малознакомых людей! – проговорила Рёко назидательным тоном и трясла пальцем у моего носа.

Что ты говоришь?! Это хозяйка-то малознакомая?

- Извините нас за этого соню, - Рёко отвесила хозяйке поклон и, ухватив меня за рукав, поволокла в квартиру Ханако.

Ни Ханако, ни Рёко в кимоно не переоделись, оставшись в обычной одежде. Котацу уже был заставлен посудой и приятно пахнувшей едой.

Точно, кроме собы здесь были и рис (видимо тот самый специальный), роллы и омлет, салат (Ханако постаралась) и ещё куча другого.

Мы изо всех сил старались веселиться. Больше других, конечно, старалась Рёко, и её можно было понять. Праздничный ужин, поздравления, фейерверк, поход в город смотреть на городскую елку (одну из многих)...

Но неотвратимо каждого из нас преследовал страх будущего. Я знал, что произойдет уже послезавтра, когда Ханако уедет. Она просто больше не вернется сюда. Её вещи почти собраны, с работы она уволилась, забрала документы из школы... У меня холодели руки, когда я думал об этом, но я не мог себя заставить уйти в алкогольное забытие. Боялся, что омрачу наши последние счастливые часы, страшился себя в нетрезвом виде, не хотел, чтобы и она видела меня таким.

Ханако, внешне счастливая, но на самом деле такая же несчастная, как и я. Её выдавали глаза – огромные, с плохо скрытой тоской и грустью. Мне она напомнила нашу официантку Юкиэ-сан, с такими же глазами. Быть может и у неё подобное несчастье?

Рёко также мучилась скрытно, по привычке надев маску беззаботности и удовольствия. Но я уже знал, что она чувствует, когда вот так вот выглядит. Ей больно видеть нас вместе, но ещё больнее ей от того, что даже сейчас, в минуты счастья, глубоко в душе мы страдаем, из-за нашего неизбежного расставания...

Ночевал я дома, так и не ответив на просящий взгляд Ханако и прямое предложение Рёко:

- Эй, да не стесняйся ты так. Все поместимся. Я если что и уши заткну и к стенке отвернусь...

Дура... Больно надо мне такое... одолжение...

Разбудил меня не будильник, а телефонный звонок. Кто звонил, догадаться было, в принципе, нетрудно.

- Хироки-кун, мы уже идем в храм. Догоняй!

В своем репертуаре... Но на сердце стало теплее.

Людей, пришедших с утра первого дня Нового года вознести свои молитвы, собралось порядочно. Мы стояли в очереди, слушая звяканья, хлопки и длинные звуки колокола, означавшие очередное поклонение и

молитву. Девушки, как и многие в этой очереди, нарядились в зимнее фуригодэ, сделавшие их более изящными и смиренными. Я так и остался в обычной одежде – с меня хватило вчерашнего переодевания.

Когда дошла очередь до нас и мы, втроем дернув шнур колокола и сделав по хлопку, опустились на колени, я, прикрыв глаза, коротко произнес про себя:

«Я хочу всегда быть с Ханако».

От омикудзи я отказался. Мико вручила два билета Рёко и Ханако и те по очереди развернули бумажки с предсказаниями.

- Ох..., - это Рёко.

- Ах!..., - а это уже Ханако.

И та и другая немедленно отошли к ближайшему дереву, ветки которого уже пестрели привязанными омикудзи и крепко привязали там свои.

Значит – неудача или того хуже...

Проводив Рёко – она так и поехала в фуригодэ – сказала, что переоденется дома, мы с Ханако пешком направились домой. Молча, хотя поговорить очень хотелось. Но все вопросы вертелись вокруг одной запретной темы, и потому я был вынужден молчать. Она запретила говорить об её отъезде. Запретила спрашивать о причинах. Запретила надеяться.

Мы просто бессильно ждали неизбежного...

Это был грустный ужин в полупустой комнате. Все вещи были уже собраны и упакованы. Завтра с утра приедут грузчики из транспортной компании и увезут то, что ещё осталось, а днем уедет и Ханако.

После ужина она проводила меня до двери.

- Не приходи завтра, - вдруг, не поднимая головы, сказала она, - не нужно делать себе больнее. Я не хочу этого.

- Это глупо, - сквозь зубы проговорил я, - Ханако, мы должны хоть попрощаться по-человечески!

- Нет, - отрезала она и посмотрела на меня, - Будет только хуже. Прощаемся сейчас.

- Да, - чувствуя, что в глазах скапливаются слёзы горечи, ответил я, - Прощ... Нет! До встречи, Ханако! – стиснул её в объятии и коротко поцеловал.

Затем отстранился и, не оборачиваясь, зашагал прочь. Её ответа мне не было слышно...

Я упрямо шагал вперед. Снова пошел снег, ветер швырял эти колючие хлопья мне в лицо, но я шел по нехоженому белому полю в непонятное будущее.

Мыслей уже не было. Просто огромный выжженный кусок боли и картинки из прошлого топившие меня в отчаянии и страхе...

«Сэру-сэмпай, извините, но у меня не было времени отблагодарить вас раньше. Благодарю вас за помощь»...

Хватит...

«Доброе утро, Сэру-сэмпай. Мне звонила Юдан-сэмпай и велела сообщить вам о расписании работы клуба на сегодня»...

Хватит, уже...

«Сэмпай, вам нравится та девушка, которая вчера не пришла в школу?»...

Ну, пожалуйста, хватит...

«Я уважаю вас, благодарна вам. Наверное, это глупость с моей стороны, но когда вы нашли меня и помогли мне, я...»...

Хватит, умоляю...

«А ты тоже уже что-то написал? Можно прочесть?»...

Да хватит же!..

«Это я должна встречать тебя с ужином в убранной квартире...»

Довольно!!!

«Не приходи завтра. Не нужно делать себе больнее. Я не хочу этого»...

Я бессильно опустился в сугроб и уперся спиной о стену. Ноги принесли меня на холм, к школе, единственному месту, где я ещё мог бы забыться. Но и здесь всё напоминало мне о ней.

Она запретила провожать себя. Боялась, что я увижу её слёзы? Или боялась увидеть как плачу я? Не хотела, что бы я видел её боль? Или не желала видеть, как мучаюсь я?

К чему весь этот монолог? Зачем он сейчас? Облегчения он уже не принесёт, его сможет подарить только время. Быть может, через несколько месяцев, полгода, я забуду это чувство бессилия и тоски. Смирюсь с утерей и даже найду кого-нибудь ещё... И буду сам себе лгать, что всё хорошо, что в прошлом меня никто не держит, что не было этих поцелуев? Не было наших слов-оберегов?!

Были!!! Я их говорил!!! Ханакo их говорила!!!

Но почему тогда я не сказал их сейчас, прощаясь с ней? Почему опять трусливо убежал, не слушая её слов? Почему смирился с тем, что больше не смогу их ей произнести?

Нет, не смирился. Потому что я и не прощался. Я сказал *«До встречи»*. И завтра, и послезавтра, и через месяц я буду ждать. Ведь мы обязательно встретимся снова.

Нужно только верить в это...

Заключение

- Сэру! – пронзительно и противно закричала Макото-сан, - ты опять не оставил в макете место для последних новостей! Как можно так не думать о других?!

- Извини, староста, - попытался отшутиться я, - смотри, у меня на четвертой страничке есть местечко, давай вставим туда? Проявим креатив!

- Какой, к черту, креатив? – возмутилась Макото-сан, однако, по её лицу было видно, что она веселится, - исправляй...

Пришлось править макет.

Вот так мы и живем. В клуб, с началом третьего триместра, вступили ещё двое: невысокий первоклассник – староста представила его как «Тосихоки-кун», но все звали его «эй, ты!», и ещё я уговорил на время до выпуска стать нашим журналистом Юкиэ-сан из третьего класса. Теперь нас было пять и уже никакой Президент Ученического Совета нас не закроет, даже если ему и взбредет такое в голову.

Мы продолжаем выпускать газету и якобы соревнуемся со старшей школой Рёкусай в этом деле. На самом деле, мы даже дружим с тамошним литклубом и часто заимствуем друг у друга информацию. Рёко, ставшая его Президентом, и держащая свой клуб на коротком поводке, немало в этом помогает.

Асакава продолжает встречаться с Макото-сан и больше не тяготится повешенной на него ролью. Видимо привык или настолько с ней свыкся, что стал воспринимать её как собственную сущность. А может он таким и был на самом деле, а вся его взбалмошность не более чем попытка обратить на себя внимание?

Макото-сан совершенно не изменилась. Она в меру жесткая, в меру справедливая, но иногда и её железный характер тает под напором обаяния Асакавы и тогда она краснеет и смущенно не знает что ответить.

Мотоки-кун начал встречаться с Ютами-сан, теперь уже официально. Их часто видят вместе, говорят, они даже целовались. Что ж искренне рад за эту пару. Они заслужили свое счастье уважением и заботой друг о друге.

Ну, а я... Это другая история...

Завтра воскресенье и одновременно Новый год и День Святого Валентина. Я планирую провести этот день на пляже, возле Оазиса. Сидя на холодном ветру среди снега. Но там меня точно никто не найдет, даже если и найдутся такие, кто решится сделать мне подарок.

С момента своего отъезда Ханако прислала всего одно сообщение – «Я приехала. Всё хорошо», видимо, чтобы я не волновался, ведь провожать себя она не разрешила. Не было ни традиционной приписки – нашего оберега, ни даже сердечка. И внутри, словно что-то надломилось...

С тех пор прошло уже полтора месяца, и больше не было никаких весточек. А я жил по инерции, как привык. В школу, в клуб, на работу, домой. Искусственно улыбался на улыбки окружающих, искусственно отшучивался на шутки друзей, искусно имитировал активную жизнь.

На мои звонки и сообщения она не отвечала. Словно исчезла, будто её никогда и не было, а все события, прошедшие за год, мне просто привиделись.

Иногда хотелось плакать, но я как мужчина давил в себе это желание. Не стоит проливать слезы сейчас, ведь когда она уехала, я не проронил ни слезинки. Тогда зачем рыдать сейчас? Имитировать грусть и страдание?

Я сам не мог описать свое состояние. Какой-то вакуум, пустота. Словно я смотрю на свою жизнь со стороны, как на кино и в любой момент могу его выключить и тогда все эти несчастья завершаться и исчезнут без следа. Мне даже неинтересно чем всё это кончится.

На пляже было действительно холодно, хотя солнце уже пригревало. Наверное, ещё чуть-чуть и снег начнет таять и всё вокруг зазеленеет. Снова зацветет сакура, и я смогу пройтись по Речному парку среди кружащихся розовых лепестков...

Ну вот, опять замечтался. Хватит уже жить грёзами, пора смотреть на жизнь без розовых очков.

Не я один избрал Оазис своим убежищем – то и дело сюда приходили парочки. Усаживались на другие скамейки. Я отворачивался и старался смотреть прямо перед собой, но, в конце концов, не удержался и ушел. Слишком уж нелепо я выглядел один среди этих счастливых пар.

Просто бродить по городу было холодно и глупо, потому я вернулся домой.

- О, Хироки, - встретила меня мама, - а тебя тут девушка искала. Сказала, что ещё зайдет. Наверное, шоколад хотела вручить.

Мама, у тебя хватило ума подтвердить, что я здесь живу? Неужели нельзя было солгать, что ошиблись адресом?

Раздосадованный я лег на свой диван и включил телевизор. Наткнулся на глупое шоу и улыбнулся. Глупо, но всё-таки смешно. Оставил его и перевернулся на спину.

Кто же это мог быть? Кто-то из знакомых решил подарить «дружеский шоколад»? Или наоборот – признание в любви от незнакомки? Да какая разница...

В дверь постучали. Мама что ли опять?

- Да! – выкрикнул я, приподнимаясь с дивана.

Поскольку так никто и не вошел, мне пришлось самому топтать к двери и открывать её.

- Д-добрый день, Сэру-кун, - на пороге моей комнаты стояла Михара-сан. Красная от смущения и стискивавшая в руках большую коробку. Эй, ты её так раздавишь...

- Эм-м, вот, это тебе... «Дружеский шоколад», не подумай чего... Спасибо за всё...

Я оторопело принял коробку. Михара-сан распрямилась:

- Извини, мне пора, - и исчезла в сторону прихожей.

- Эй, ты куда? – я бросился, было, следом, но девушка хлопнула входной дверью и окончательно скрылась, - Спасибо...

Я повертел подарок в руках. Выхода нет, придется есть. Надеюсь, он не отравлен... Блин, да что такое?! Хватит подозревать всех!

- Мама! – позвал я, - Это она приходила раньше?

- Нет, - улыбнулась мама, - То была совсем другая девушка...

Другая? Кто же ещё? Никак Нагара-сан? Ну да, её только не хватало. Хотя... Эта точно не придет. В последнее время они разругались с Михарой-сан. Видимо из-за драки. Или из-за переоценки ранобэ? Да, неважно...

- Мама, больше не пускай никого. Я очень занят.

- Но это невежливо, - возмутилась мама, - Они старались, покупали его, упаковывали. Нельзя не принять такой подарок.

- А я не хочу.

Вернулся в свою комнату и снова свалился на диван. Теперь и шоу было не в радость, и я вообще выключил телевизор и закрыл глаза.

Вот так, самое лучшее. Отключиться от реальности и стать самим собой. Плакать когда хочется. Смеяться когда смешно. И быть рядом с той, которую любишь...

Что-то холодное коснулось моей щеки. Что такое? Я отмахнулся, никак не желая открывать глаза и возвращаться из мира своих грёз. И снова холодное прикосновение.

Ну, это наглость уже. Если это брат притащил льдинку и пытается так со мной пошутить – закатаю в снег!

- А...

Сияющий взгляд огромных глаз, короткие волнистые волосы, волшебная улыбка и тот самый аромат – лаванда и бергамот... Что это? Продолжение сна?

- Проснулся, Хироки-кун? Заставляешь же ты себя ждать!

- Ха... Хана... Ханако?

- Ну вот, и двух месяцев не прошло, а имя почти позабыл. Короткая память у тебя, Хироки-кун. Может шоколад помогает?

- Ты вернулась?!

- Ну, конечно! – улыбнулась она. – Ведь ты сказал – «До встречи!». Я не могла не...

Я схватил её за щеки ладонями и привлек к себе. Крепко поцеловал.

- Больше я тебя не отпущу. Никогда.

Она смеялась, и я наконец-то почувствовал облегчение.

- Я люблю тебя, Хироки-кун, - проговорила Ханако, - И я вернулась к тебе, потому что не могу без тебя...

- Я тоже люблю тебя, Хана-тян.

Вот она, моя *Девушка с короткой стрижкой*, моя Ханако. Единственная. Неважно, что будет завтра. Неважно, что будет через год. Сейчас мы вместе. И мы любим друг друга...